

XIV Международная научно-практическая конференция

«Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика»

23 апреля 2026 года
Севастополь

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4
У82

Редакционная коллегия:
Михайлов М. А., заведующий кафедрой «Цифровая и традиционная криминалистика» юридического института Севастопольского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
Моисеев А. М., профессор кафедры «Цифровая и традиционная криминалистика» юридического института Севастопольского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
Кондратюк С. В., доцент департамента публичного права Тольяттинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Рецензенты:
Халилев Руслан Амдиевич – профессор кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Крымского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор
Дятлов Георгий Александрович – доцент кафедры «Уголовное право и процесс» Севастопольского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Составитель – А. М. Моисеев

У 82 **Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика [Электронный ресурс]:** материалы конференции / отв. ред. М.А. Михайлов, А.М. Моисеев, С.В. Кондратюк; Севастопольский государственный университет. Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,– Севастополь : САМАРАМА, 2026. – 122 с. – Электрон. версия.
ISBN 979-8-89121-862-8

Сборник содержит материалы XIV Международной научно-практической конференции «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика». Анализируются актуальные проблемы процессуального и криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по вопросам уголовного судопроизводства.

УДК
343.1.001.76
ББК 67.629.4

Материалы представлены в авторской редакции.
Ответственность за содержание докладов и тезисов несут авторы.
Материалы рецензируются оргкомитетом.

© Авторы тезисов и докладов, 2026

ISBN 979-8-89121-862-8

Уважаемые коллеги!

Для ученых и практиков антикриминального направления – специалистов в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизы, – руководящим документом в профессиональной деятельности стала Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400). В свете стратегической установки на преодоление негативных тенденций проникновения преступности в структуру общества и государства, представляется своевременным исследование криминалистических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных, а также криминологических, социологических и исторических вопросов обеспечения антикриминальной безопасности общества и государства.

Реализация задач антикриминальной деятельности осуществляется комплексно, с учетом условий, сложившихся на освобождённой в ходе СВО территории новых субъектов Российской Федерации, а также в других регионах страны. На формирование такого основополагающего научного подхода направлено проведение 23 апреля 2026 года XIV Международной научно-практической конференции «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика» на базе Севастопольского государственного университета.

Своевременность научного обсуждения потребностей и возможностей совершенствования антикриминальной деятельности определена рядом обстоятельств:

- поиском перспективных решений в области теории криминалистики, уголовного процесса и уголовного права, криминологии, отвечающих характеристикам современной высокоорганизованной и технически вооруженной преступности;
- необходимостью развития криминалистической методики раскрытия и расследования преступлений в современной России;
- совершенствованием тактико- и технико- криминалистических подходов к формированию надежной доказательной базы при расследовании преступлений, совершаемых с применением информационных технологий и средств социальной коммуникации;
- адаптацией отечественного законодательства к текущим криминогенным условиям регионов;
- трудностями в развитии информационного направления в криминалистике и судебной экспертизе, что требует согласованного совершенствования законодательства, регулирующего правоотношения в сфере искусственного интеллекта;
- недостаточным уровнем координации действий государства и гражданского общества, направленных на своевременное выявление и пресечение любых форм коррупционного поведения;
- несовершенством законодательных механизмов криминализации новых общественно опасных деяний;
- повышенной общественной опасностью незаконной миграции, контрабанды, других проявлений транснациональной организованной преступности;
- актуализацией правовых проблем, связанных с региональными особенностями при производстве следствия по уголовным делам, планировании расследования;
- необходимостью развития концепции противодействия преступности в России, совершенствования антикриминальной деятельности и ее адаптации к текущим криминогенным условиям регионов.

Представленный вашему вниманию сборник научных трудов включает доклады и выступления участников данной научно-практической конференции, отображающие результаты теоретических разработок и практические рекомендации по направлениям:

1) история уголовного судопроизводства и криминалистики;

2) актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации;

3) современные тенденции развития криминалистической науки;

4) новации методологии научного творчества и преподавания дисциплин уголовно-правового блока.

Абаканова Вероника Анатольевна
Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

УДК 343.9

Аннотация. В статье исследуются понятие цифровых следов, их место в системе криминалистического следоведения, методы выявления, фиксации и исследования. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам терминологии, проблемам правового регулирования и перспективам использования искусственного интеллекта. Сделан вывод о необходимости интеграции традиционных криминалистических подходов с достижениями компьютерных наук для эффективного противодействия современным видам преступлений.

Ключевые слова: цифровые следы, цифровая криминалистика, криминалистический анализ, искусственный интеллект.

Abstract. The article explores the concept of digital footprints, their place in the system of forensic investigation, methods of detection, fixation and research. Special attention is paid to controversial issues of terminology, problems of legal regulation and prospects for the use of artificial intelligence. It is concluded that it is necessary to integrate traditional forensic approaches with the achievements of computer science in order to effectively counter modern types of crimes.

Keywords: digital footprints, digital forensics, forensic analysis, artificial intelligence.

В структуре преступности, присущей тому или иному периоду исторического развития, как в зеркале отражаются все изменения, происходящие в обществе. В настоящее время цифровизация стала определяющим трендом современной действительности. Цифровые технологии вплетаются в современную действительность и становятся неотъемлемой ее частью. Поэтому неудивительно, что ее влияние стало решающим в формировании криминальной среды. Преступники используют технологические изменения в свою пользу, выбирая новые технологичные объекты преступного посягательства, видоизменяя способы совершения преступлений, используя цифровые технологии для сокрытия преступной деятельности. По сути, мы сегодня сталкиваемся с интеллектуализацией преступной среды. И поэтому можно считать закономерным, что особенностью современной преступности стало размывание границ «между общеуголовной и экономической преступностью» [13, с. 162]. Такое положение вещей с необходимостью требует новых подходов к выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. В связи с этим неслучайно, что одним их основных векторов развития криминалистической науки становится цифровая криминалистика (digital forensics). При этом цифровая криминалистика рассматривается не просто как одно из направлений криминалистической техники, а в качестве основного инструмента получения доказательственной и ориентирующей информации. Однако следует признать, что развитие цифровой криминалистики сегодня находится в зачаточном состоянии. Многие понятия и подходы требуют глубокой проработки. Думается, что в этой связи первоочередное значение следует придавать разработке понятийного аппарата и классификации цифровых следов, а также характеристике методов их криминалистического анализа.

Вопрос терминологии применительно к следам, возникающим в цифровой среде, остается одним из наиболее дискуссионных в отечественной криминалистике. В научной литературе встречаются такие понятия, как «виртуальные следы», «электронные следы», «компьютерно-технические следы», «цифровые следы». Е.П. Ищенко даже вводит новую теоретическую конструкцию «следы коммуникации» [6, с. 154-155], предлагая включать в данную категорию следы, оставленные всеми формами обмена информации в сетевом пространстве.

Н.Н. Лыткин в своей диссертации предложил авторское понятие компьютерно-технических следов, под которыми он понимает «результат преобразования компьютерной

информации в форме уничтожения, копирования, блокирования или модификации причинно-связанного с событием преступления» [8, с. 7]. Данный термин также используется А.А. Жижилевой. Отождествляя цифровой след с его носителем, она рассматривает компьютерно-технические следы как совокупность цифровых элементов «отражателей», которые фиксируются на электронных носителях информации [4, с. 916].

Понятие «электронно-цифровой след» также является достаточно распространенным в криминалистической литературе. Так, А.Н. Колычева понимает под ним информацию, которая выражается посредством «электромагнитных взаимодействий в форме, пригодной для обработки с использованием компьютерной техники, в результате создания определенного набора двоичного машинного кода либо его преобразования, выразившегося в модификации, копировании, удалении или блокировании, зафиксированную на материальном носителе, без которого не может существовать» [7, с. 10].

Все чаще сейчас используется понятие виртуальных следов. Под ними, как правило, понимаются «следы, сохраняющиеся в памяти технических устройств, в электронном поле, на носителях машиночитаемой информации, занимающие промежуточное положение между материальными и идеальными следами» [11, с. 112].

Сегодня все же наиболее часто употребляют термин цифровые следы. Думается, что использование данного термина наиболее полно отражает их сущностную характеристику. Как подчеркивает А.В. Матюшкина, термин «цифровые следы» является предпочтительным, поскольку он отражает криминалистическую природу происхождения следа как результата обработки электронного, волнового или электромагнитного сигнала с помощью технического устройства, представленный в виде неизменной последовательности цифр» [10, с. 107]. Этой же терминологии придерживается Е.Р. Россинская, которая определяет цифровые следы как «криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи в оперативной памяти компьютера, на носителях информации различных типов, на линиях связи и в коммутаторах» [20, с. 44].

Немаловажное значение имеет также классификация цифровых следов. Являясь методологической основой для выбора технико-криминалистического инструментария для работы с доказательствами, систематизация следов всегда занимала важное место в теории криминалистики. Ее можно воспринимать своеобразным мостиком от теоретического осмысления понятийного аппарата к разработке средств и методов обнаружения и фиксации следов, а также методик их экспертного исследования. Каждое основание классификации выделяет ту или иную группу объектов, обладающих схожими свойствами, а значит, отталкиваясь от этого, можно разработать оптимальный алгоритм работы с ними и уже решать практические задачи расследования. Понимая специфику цифровых следов, мы приходим к необходимости их классификации для разработки наиболее эффективных методов их криминалистического анализа. Не отрицая в целом классические основания классификации следов, уже принятых в криминалистическом следоведении, сейчас создается основа для классификации цифровых следов. Во главу угла здесь ставятся особенности цифровых следов и специфика их следообразования.

Среди основных свойств цифровых следов выделяют главным образом следующие:

- цифровые следы можно копировать неограниченное количество раз при сохранении их целостности;
- цифровые следы могут подвернуться быстрому изменению или уничтожению [5, с. 66];
- составной характер цифровых следов, которые могут объединять в себе фрагменты распределённых между различными носителями информационной системы;
- двойственная природа цифровых следов, позволяющая им существовать с одной стороны в виде фиксированной информации, находящейся на каком-либо материальном носителе, а с другой – перемещаться без потери информативности [13, с. 164];
- возможность сохранения цифровой информации в течение длительного времени,

иногда даже после удаления оригинального контента.

Учитывая вышеназванную специфику цифровых следов в криминалистической теории, сейчас можно выделить два направления исследований в области классификации. Некоторые авторы берут за основу традиционную классификацию следов и включают в нее цифровые следы, подчеркивая при этом их специфику. В качестве примера можно привести исследования А.А. Жижилевой, которая, сохраняя классическую классификацию, предлагает выделить активный цифровой след «как сознательную деятельность субъекта в информационно-телекоммуникационном пространстве, и пассивный виртуальный след – совокупность данных, оставленных пользователем непреднамеренно» [4, с. 917].

В то же время сегодня активно строятся собственные классификации цифровых следов.

Так, в зависимости от источника происхождения и места локализации цифровые следы предлагается классифицировать следующим образом:

- следы, образующиеся в процессе функционирования компьютерных устройств;
- следы, отражающие активность пользователя в телекоммуникационных сетях;
- следы, возникающие при работе интернета вещей [18].

По способу создания цифровых файлов и объектов, на которых находятся цифровая информация, цифровые следы классифицируют в зависимости от области данных на носителе информации, используемой для хранения и обмена информацией [12, с. 32].

В зависимости от особенностей механизма следообразования выделяют файловые, сетевые следы, следы операционной системы, метаданные [21, с. 75-76].

Достаточно активно стали разрабатываться классификации цифровых следов в зависимости от специфичных способов совершения различных преступлений. Например, выделяют контрафактный информационно-компьютерному продукт [15, с. 86], следы, связанные с использованием банковских карт и т.д. [1, с. 136-137].

Конечно, названные классификации не охватывают весь спектр исследований данного вопроса, однако они демонстрируют основные современные тенденции: дополнение классических классификаций специфическим объектом – цифровом следом; классификации в зависимости от источника происхождения и места локализации цифровых следов; классификации в зависимости от специфики совершаемых преступлений.

Однако определение понятия и классификаций цифровых следов – это лишь теоретическая составляющая их исследования. Следует согласиться с тем, что, «если для классической криминалистики важным является определение сущности следов данной категории, то для цифровой криминалистики приоритетным является разработка методов работы с ними» [13, с. 73]. Для криминалистики, как науки прикладной, безусловно значимым является определение методов и инструментов анализа цифровых следов.

В криминалистике за время ее существования сложился базовый набор действий со следовой информацией, используемый при расследовании преступлений. Криминалистический анализ следов включает в себя комплекс мероприятий по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию. Однако работа с цифровыми следами имеет свою специфику. В практике расследования сложился алгоритм работы с цифровыми следами. Он включает в себя «получение доступа к устройству, извлечение данных, анализ, визуализация и представление результатов» [13**,** с. 73]. При этом базовые задачи могут решаться как с помощью дорогостоящих коммерческих решений (EnCase Forensic, FTK, Cellebrite UFED), так и с использованием бесплатных аналогов с открытым исходным кодом [3**,** с. 74].

Важнейшим направлением в работе с цифровыми следами является анализ информации, которая может быть утрачена при выключении или перезагрузке устройства. А.Б. Смушкин вводит понятие «горячие электронные цифровые следы», подразделяя их на волатильные (оперативная память, кэш, временные файлы, активные сетевые соединения) и актуальные (данные геопозиционирования, перехваченный трафик, содержимое мессенджеров в режиме реального времени) [17, с. 96].

Учитывая современные возможности ИИ в разрешении вопросов, возникающих при выявлении, изъятии и исследовании цифровой информации, сегодня можно выделить

несколько ключевых трендов развития криминалистического анализа цифровых следов:

1. Интеграция цифровых платформ в единую систему предварительного расследования, объединяющую инструментальные, инфраструктурные и прикладные платформы различных правоохранительных органов. В криминалистике сейчас даже вводится некоторыми авторами понятие экосистемы предварительного расследования [19; 9];

2. Развитие криминалистической робототехники и дистанционных методов. Использование беспилотных летательных аппаратов для осмотра места происшествия, 3D-сканирование, применение технологий виртуальной и дополненной реальности для реконструкции событий;

3. Квантовая криминалистика. Сейчас в криминалистике прогнозируется использование квантовых вычислений, квантовых сенсоров и квантовой коммуникации для решения задач, связанных с анализом сверхбольших массивов данных и обеспечением безопасности хранения доказательств [2, с. 957];

4. Криминалистическое исследование мета-вселенных. Как отмечают авторы, виртуальные миры (мета-вселенные) становятся новой средой для совершения преступлений, что требует разработки методов выявления, фиксации и анализа следов в этой инцидентной реальности [2, с. 957];

5. Разработка систем поддержки принятия решений. Эти системы позволяют выйти на новый виток программирования расследования, автоматизируя процесс выдвижения версий, поиска массивов цифровых данных, определяя достаточность доказательственной информации [16];

6. Анализ данных интернета вещей и иных цифровых устройств (IoT), позволяющий использовать огромные массивы данных, аккумулированных в таких объектах, как: умные дома, фитнес-браслеты, гаджеты, автомобили. Важной составляющей данной информации является возможность ее получения даже в случае поломок или уничтожения объектов носителей, в связи с возможностью ее хранения в облачных сервисах [18, с. 456-458].

В то же время, эффективное использование цифровых следов при расследовании невозможно без их адекватного правового регулирования в уголовно-процессуальном кодексе. В УПК РФ термин «цифровые следы» отсутствует. Однако полностью игнорировать цифровую информацию, законодатель не смог. В УПК существует понятие «электронный носитель информации» в контексте особых правил изъятия данных объектов (164.1 УПК РФ). Нет упоминания о цифровых следах и как об источниках доказательств (ст. 74 УПК РФ). Безусловно, их можно отнести к вещественным доказательствам или вообще к иным доказательствам. Но, думается, в силу специфичности цифровой информации следует обозначить цифровые источники информации в качестве отдельного вида доказательств. Это позволит однозначно определять объекты, относящиеся к цифровым следам, и облегчит практику использования цифровых следов в качестве доказательств.

Еще одна существенная проблема лежит в плоскости поиска цифровой информации. В неблагоприятных следственных ситуациях, когда известен только преступный результат, а способ преступления и преступник неизвестны, ключевую роль играет своевременное и квалифицированное выявление цифровых следов с участием специалиста [14, с.105]. При этом остро встает вопрос наличия квалифицированных специалистов, умеющих работать с цифровой информацией. Ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ требует обязательного участия специалиста при копировании электронной информации, что, с одной стороны, обеспечивает сохранность цифровых следов, а с другой, ставит следователя в зависимость от компетентности привлеченного лица.

Значимой проблемой также могут стать ситуации, связанные с анонимностью транзакций и ограниченным доступом к данным иностранных компаний. Эта проблема может стать достаточно сложной в связи с санкционной политикой некоторых государств в отношении России и ограничении международного сотрудничества.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, сейчас уже является общепризнанным, что цифровые следы занимают особое место в системе криминалистического следоведения.

Традиционный «крест следов», связывающий место происшествия, потерпевшего, орудие преступления и преступника, в современной интерпретации должен быть дополнен цифровыми следами, которые связывают указанные элементы опосредованно, через механизм следообразования в компьютерных системах [13, с. 165]. Криминалистический же анализ цифровых следов должен стать особым междисциплинарным направлением, интегрирующим достижения юридических, компьютерных и естественных наук. Основные тенденции его развития должны включать уточнение понятийного аппарата и классификации цифровых следов, совершенствование инструментальных методов их исследования, широкое внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных в процесс расследования, а также адаптацию правового регулирования к новым реалиям.

Успешное противодействие преступлениям, совершаемым в цифровой среде, невозможно без объединения технологических и правовых решений, что безусловно требует решения организационных вопросов подготовки специалистов, обладающих междисциплинарными компетенциями в области как юриспруденции, так и IT-технологий. Только комплексный подход, учитывающий наряду с традиционными криминалистическими знаниями и инновационные разработки, позволит обеспечить эффективное противодействие современным видам преступлений.

В этой связи криминалистика, интегрирующая научное знания различных областей науки, должна стать основным «проводником достижений компьютерных наук в сферу судопроизводства» [13, с. 163].

Литература:

1. Барченкова Я.В. Цифровые следы при расследовании мошенничества, совершенного при помощи средств сотовой связи / Я.В. Барченкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – № 4. – 2020. – С. 135-138.

2. Вехов В.Б., Смушкин А.Б. Цифровое состояние криминалистической науки (актуальные и перспективные разработки и их практическое воплощение) // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 954-962.

3. Воронков Д.В. О соотношении традиционной криминалистики и цифровой криминалистики // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16. – № 1. – С. 70-75.

4. Жижилева А.А. О некоторых теоретических аспектах использования в криминалистике понятий цифровые, электронные, виртуальные следы // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 913-918.

5. Иванов В.Ю. К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2020. – № 3. – С. 64-71.

6. Ищенко Е.П. Общий взгляд на криминалистическое следоведение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (90). – С. 146-156.

7. Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: автореф. дис…канд. юрид. наук: 12.00.12. – Москва, 2019. – С. 25.

8. Лыткин Н.Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности: автореф. дис…канд. юрид. наук: 12.00.09. – Москва, 2007. – 25 с.

9. Масленникова Л.Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10 (74). – С. 62.

10. Матюшкина А.В. Цифровые следы в системе криминалистического следоведения // Проблемы права. – 2019. – № 5(74). – С. 104-108.

11. Мещеряков В.А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике. М.: Проспект, 2022. – 176 с.

12. Осипенко А.Л. Проблемы вовлечения электронно-цифровых следов в уголовный процесс / А.Л. Осипенко // Науч. вестн. Ом. акад. МВД России. – № 4(35). – 2009. – С. 20-25.

13. Россинская Е.Р. Тренды развития криминалистики в условиях цифровой трансформации современной преступности // Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 1. – С. 162-172.

14. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Тактика и технология производства невербальных следственных действий по делам о компьютерных преступлениях // Lex Russica. – 2021. – Т. 74. – № 9 (178). – С. 102-118.

15. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Контрафактный информационно-компьютерный продукт как объект криминалистического исследования… компьютерных средств и систем // LEX RUSSICA. – Том 73 – № 8 (165) август – 2020. – С. 86-95.

16. Себякин А.Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки принятия решений // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 21.

17. Смушкин А.Б. «Горячие» электронные цифровые следы // Московский юридический журнал. – 2025. – № 1. – С. 94-102.

18. Смушкин А.Б. Отдельные аспекты использования концепции интернета вещей в целях противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 453-460.

19.Смушкин А.Б. Экосистема предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 7. – С. 143-158.

20.Т еория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Монография / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. – 256 с.

21, Хомяков Э.Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 1 (21). – С. 71-82.

Аппазов Саид Сабриевич
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
(Симферополь, Россия)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ ПРИЧАСТНОСТИ ЛИЦА К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

УДК 343.98

Аннотация. Представленная статья отражает значение ряда вопросов при процессуальном доказывании причастности лица к совершению преступления, важность субъективной стороны и свойств совокупности доказательств, для изобличения виновного.

Ключевые слова: процессуальное доказывание, субъективная сторона, коррупция, уголовное дело, совокупность доказательств.

Abstract. This article explores the importance of a number of issues in procedurally proving a person's involvement in a crime, as well as the importance of the subjective aspect and the characteristics of the totality of evidence in convicting the perpetrator.

Keywords: procedural proof, subjective aspect, corruption, criminal case, totality of evidence.

Раскрытие преступления, не зависимо от тяжести, характера и степени общественной опасности, места совершения, и иных факторов, представляется деятельностью творческой. Такое мнение сложилось в результате практической деятельности, так как наряду со знанием законодательства, оперативными позициями, требуется опыт работы, позволяющий оценивать каждое без исключения противоправное деяние как некое действие, имеющее специфическую особенность, так называемый «почерк», принадлежащий исключительно конкретному лицу.

Правоохранитель, воспринимая преступление через такого рода «призму», действует не стандартно, то есть, не совсем привычными категориями. К примеру, особое отношение к запаховым следам, оставленным на месте преступления, может позволить идентифицировать преступника, а в дальнейшем изобличить его причастность к совершению преступления. Действия при совершении насильственных преступлений также носят сугубо индивидуальный характер, важно лишь обратить на них внимание, по возможности зафиксировать путем проведения оперативно-розыскных и следственных действия, ни в коем случае не игнорируя ни одну деталь, ни одну информацию. Этот принцип применим при раскрытии всех видов преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством, с целью изобличения причастных лиц.

«Нет преступлений без свидетелей и следов», – такого рода высказывание звучит как в художественных фильмах, так и в различных специальных источниках. На практике это высказывание имеет фундаментальное обоснование. Не подтверждается оно только в ряде действий лиц, в чьи функциональные обязанности вменяется бремя документирования и раскрытия преступлений. Одним из такого рода проблемным вопросом является то, что правоохранители в работе допускают спешку. Возникает это, как правило, из-за большой загруженности (кадровый «голод», приводит к большому количеству материалов, отписанных конкретному сотруднику). Ведь сотрудники, во избежание дисциплинарных наказаний, стремятся не нарушить установленные законом сроки, отведенные для проведения проверочных мероприятий, в результате допускают невнимательность и небрежность. Это приводит к тому, что важные сведения, в виде показаний или следовой информации остаются

не задокументированными. По прошествии времени, все указанные данные могут быть безвозвратно утрачены, в силу различных обстоятельств и событий.

Еще одним проблемным вопросом, а точнее действием, в результате которого преступление остается нераскрытым, а совершившее его лицо избегает наказания вопреки одному из важнейших принципов уголовного права – неотвратимость наказания, является коррупция. Это самое опасное и в то же время низменное проявление, сопровождающее все сферы жизнедеятельности, включая и правоохранительную систему. Оправдать такого рода проявление невозможно никакими доводами и объяснениями, так как коррупция буквально передается как опасное, вирусное, неизлечимое заболевание. Совершивший однажды такого рода противоправное действие и избежавший наказание чиновник, становится опасным для общества, одновременно служит примером для своих коллег, желающих обогатиться. В правоохранительной деятельности коррупция в первую очередь поражает этическую сторону, позволяет обогатиться за счет сокрытия важных улик и фактов совершенного преступления. Подчинившие себя коррупционным проявлениям лица, как правило, безвозвратно уничтожают все то, что может служить процессуальным доказательством причастности лица к совершению преступления, тем самым дают вдохновение преступному элементу для совершения новых противоправных действий. Хочется отметить, что такого рода проявления осуществляются не только через умышленные действия, но и путем бездействия. Коррупционеры тем самым сами совершают преступления, а поставленные ими цели приводят к негативному результату. Хосе Марти (1853-1895) – кубинский поэт – по этому поводу высказался следующим образом «Наблюдать спокойно за преступлением, значит его совершить». В данном высказывании четко определен круг лиц, являющихся равнодушными пособниками коррупционеров.

Уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации четко закреплены обстоятельства, подлежащие доказыванию, такие как событие, виновность, характер и размер вреда, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния. Это некая формула, понимание которой дает возможность правильно понимать и владеть знаниями о процессе документирования преступления и установления причастности к нему того или иного лица. Важно осуществить сбор такого набора доказательств, в рамках до следственной проверки и досудебного следствия, которые были бы признаны допустимыми судом в полном объеме. Ведь авторитет правоохранительных органов и судебной системы складывается из правильно задокументированных, точно квалифицированных и в конечном итоге рассмотренных судом уголовных дел, по которым к уголовной ответственности привлечены именно виновные лица, а количество дел с незаконным привлечением к уголовной ответственности лиц минимально.

Все ошибки, допущенные в процессе формирования доказательственной базы по уголовным делам, влекут неправильное определение обстоятельств дела, а в дальнейшем могут привести и к вынесению незаконного решения судом. Вот основные риски и перекосы, на которые следует обращать пристальное внимание в процессе документирования совершенного преступления, в доказывании причастности лица к его совершению.

Говоря о проблемных вопросах, возникающих в процессе доказывания причастности лица к совершенному преступлению, конечно же, важно обратить внимание на такие свойства совокупности доказательств, как их относимость, допустимость, достаточность, достоверность и проверяемость.

При определении относимости доказательств, устанавливаются или опровергаются фактические обстоятельства, являющиеся значимыми для уголовного дела. Допустимые доказательства подтверждают соответствие закону примененных средств доказывания. Обособленно от вышеуказанных свойств, по моему мнению, находится такое свойство доказательств, как достаточность. Ведь достаточность определяется на основании внутреннего убеждения, а точнее, – субъективного мнения лица, проводившего досудебное следствие, либо рассматривающего его в судебном заседании. Здесь нет четкого критерия относительно количественного состава доказательств. В зависимости от категории уголовного дела, времени его совершения, лица, его совершившего, а также прочих факторов, определён объем дополняющих и подтверждающих друг друга совокупных доказательств, отраженных в

обвинительном заключении, обвинительном акте и приговоре. Достоверность же доказательств отражает их действительность, а в результате расследования уголовного дела и рассмотрения его судом будет установлена истина. Что же касается такого свойства совокупности доказательств, как проверяемость, – это непосредственный анализ, выполняемый как следователем, так и судом, и направленный на сопоставление различных доказательств, их сравнение, сбор новых доказательств.

Ошибкой, которую допускают в практической деятельности правоохранители, в частности представители оперативных служб, является восприятие такого документа, как «явка с повинной» в качестве наиболее важного и опорного доказательства причастности и виновности лица. Преступный элемент зачастую использует «явку с повинной» для оттяжки времени, что позволяет предпринять действия, позволяющие избежать ответственности, скрыть информацию о подельниках. Несмотря на то, что «явка с повинной» представляется действующим уголовным законодательством в качестве смягчающего вину обстоятельства, лица, его написавшие, в ряде случаев утверждают, что писали его под давлением со стороны сотрудников, инициировавших его написание. В дальнейшем такое положение дел затрудняет процессуальное доказывание вины, создает ряд проблем. Считаю, что «явка с повинной», при достаточном количестве собранных при расследовании уголовного дела процессуальных доказательств не должна отражаться в качестве смягчающего вину обстоятельства.

Как ранее было указано, каждое преступление имеет отличительные черты, несмотря на внешнюю схожесть его совершения и последствий. Важно установить обстоятельства путем проведения предусмотренных законодательством следственных действий. Их тактика будет меняться, в зависимости от состава преступления, места его совершения, дополнительно полученной оперативно-значимой информации, поведения подозреваемых лиц, имущества или объектов, ставших объектами преступного посягательства, причинения вреда здоровью или смерти потерпевшего и прочего. Имея зафиксированные отправные данные совершенных действий или бездействия, важно четко идентифицировать их с предусмотренным уголовным законом преступлением. В зависимости от этого будет применяться та или иная тактика. Эти действия должны быть выполнены в максимально короткие сроки, что позволит максимально избежать возникновения проблемных вопросов.

Проблемным вопросом при процессуальном доказывании причастности лица к совершенному преступлению является установление мотива и цели. Ведь понимая мотив, то есть его внутреннее психическое отношение к тому или иному действию, установив обстоятельства, которые побудили конкретное лицо совершить преступление, можно безошибочно определить и цель преступления, то есть то, каким образом лицо собиралось распорядиться или распорядилось похищенным после совершения преступления.

Сложности возникают и при доказывании субъективной стороны действий преступника. Именно субъективная сторона каждый раз становится доминирующей. Конечно, здесь не обойтись без применения знаний в области психологии во время проведения следственных действий: допросов, очных ставок, следственных экспериментов, проверок показаний на местности, а также дополнительных допросов как подозреваемых, так и потерпевших, свидетелей. В ходе скрупулёзного проведения указанных следственных действий может быть собрана доказательственная база, процессуально подтверждающая причастность того или иного лица к совершению конкретного преступления, либо опровергающая именно его причастность к нему. Конечно, особое внимание объективной стороне следует уделять при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Цель – установление роли каждого лица при совершении преступления, для правильного назначения наказания за совершенные деяния. Однако, невзирая на тяжесть преступления, порядок вопросов, создающих проблему при доказывании виновности лица, остается неизменным.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 24.09.2023 г.). – 165 с.

Асанов Решат Шевкетович
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
кандидат юридических наук
(Симферополь, Россия)

К ВОПРОСУ О ВЫНЕСЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ДОПУСКЕ ЗАЩИТНИКА

УДК 343.1

Аннотация. Изучение результатов практической деятельности органов следствия свидетельствует о том, что на сегодняшний день при проведении предварительного расследования в ряде уголовных дел следователи в момент вступления в дело защитника выносят «постановление о допуске защитника», что вызывает вопросы с точки зрения законности указанного процессуального решения. В статье обосновывается позиция автора о необоснованности указанного процессуального решения.

Ключевые слова: следователь, решение, постановление, защитник, допуск, уголовное дело, участие, вступление.

Abstract. A study of the practical experience of investigative bodies reveals that, in a number of criminal cases, during preliminary investigations, investigators issue a "decree on the admission of a defense attorney" at the moment the defense attorney is introduced into the case. This raises questions regarding the legality of this procedural decision. This article substantiates the author's position that this procedural decision is unfounded.

Keywords: investigator, decision, resolution, defense attorney, admission, criminal case, participation, entry.

Будучи специальным субъектом уголовного судопроизводства, чье назначение заключается в оказании квалифицированной юридической помощи, адвокат в большинстве уголовных дел фигурирует в качестве защитника уголовно преследуемых лиц (подозреваемых и обвиняемых).

Важной особенностью в данном вопросе выступает то, что начало реализации адвокатом-защитником своих полномочий возникает исключительно с момента его официального вступления в уголовное дело в указанном статусе. Поэтому порядок процессуального вступления адвоката-защитника в уголовное дело имеет принципиально важное значение, как для подзащитного, так и для самого следователя, поскольку малейшее нарушение прав уголовно преследуемого лица в указанном вопросе может повлечь за собой серьезные правовые последствия для предварительного следствия в части соблюдения законности и получения допустимых доказательств.

Обращение к уголовно-процессуальному закону позволяет прийти к выводу, что в настоящее время данная процедура недостаточно полно закреплена в УПК РФ. Однако, и ранее она имела противоречивый и проблемный характер.

Рассмотрим подробнее указанный аспект проблемы.

До 2017 года в УПК РФ содержались следующие положения «в качестве защитников допускаются адвокаты» (ч. 2 ст. 49); «адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера» (ч. 4 ст. 49).

Как видно, законодатель ранее использовал термин «допуск», что прямо подразумевало разрешительный порядок вступления в дело, исходя из семантического значения указанного слова [1, с. 178-179].

Для большинства следователей такая норма стала основой для применения разрешительной процедуры вступления в дело адвоката-защитника, а равно позволяющей органу расследования влиять на данный процесс. Реализация такого подхода стала одним из наиболее частых случаев противодействия осуществлению адвокатами своих правозащитных полномочий.

В этой связи многие юристы отмечали, что данный вопрос ставит в зависимость решение о допуске адвоката от воли органа предварительного расследования [2, с. 107].

Ситуацию не исправлял даже тот факт, что Конституционный Суд РФ еще до принятия

действующего УПК РФ в своем Постановлении от 25 октября 2001 года прямо указывал на недопустимость зависимости вступления в дело защитника от волеизъявления должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело[1].

С принятием в 2001 году УПК РФ, законодатель не принял во внимание вышеуказанное постановление Конституционного Суда РФ и закрепил положения «о допуске защитника», отмеченные нами выше.

Эта ситуация вызвала соответствующую реакцию среди исследователей. Например, А.Г. Лесин справедливо отмечал, что «вступление защитника в уголовное судопроизводство носит некий разрешительный характер...Таким образом, для вступления адвоката в качестве защитника в уголовное дело, по-прежнему требуется разрешение (допуск)» [3. С. 260-261]. Аналогичного мнения придерживается и А.С. Таран [4. с. 119].

Наличие нерешенной проблемы вызвало не менее острую реакцию и среди правозащитников.

Ситуация оставалась неизменной вплоть до 2017 года, пока законодатель не внес соответствующие изменения в УПК РФ, полностью отказавшись от нормативного термина «допуск защитника» и, заменив его на такие категории как «защитник участвует» и «защитник вступает» в деле[2].

С принятием указанных нормативных изменений разрешительный порядок вступления защитника в дело сменился на уведомительный.

Казалось бы, проблема полностью стала разрешенной, однако в современной практической деятельности многие следователи по-прежнему сохранили привычку выносить «постановление о допуске защитника» при вступлении адвоката-защитника в дело, причем не имея какого-либо аргументированного объяснения своим действиям.

Такое положение вещей свидетельствует о сохранении до настоящего времени в следственной деятельности инерции порочной практики противодействия в реализации полномочий адвокатов-защитников, а равно попытке органов расследования отступить от фундаментального принципа обеспечения права на защиту.

Как итог, вышеуказанное «постановление о допуске защитника» в нынешних реалиях видится незаконным, поскольку противоречит положениям УПК РФ и Постановлениям Конституционного Суда РФ, а равно подлежит полному запрету в следственной деятельности со ссылкой на то, что вступление в дело защитника носит не разрешительный, а уведомительный характер.

Сохраняя объективность в рассматриваемом вопросе, также стоит обратить внимание и на другую его сторону.

Так, действующий УПК РФ гласит о том, что «адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера» (ч. 4 ст. 49). То есть, формально-юридическим основанием для вступления адвоката в дело является предъявление адвокатом своего удостоверения и ордера. Учитывая, что указанные документы на момент предъявления могут не соответствовать достоверности или действительности в силу разных причин, орган следствия должен иметь процессуальные механизмы противодействия заведомо неправомерной попытке какого-либо лица вступить в дело в качестве защитника без надлежащих документально подтвержденных полномочий, например, истечение срока действия удостоверения адвоката, неподлинность этого удостоверения или ордера и т.д.

В этих ситуациях видится обоснованным вынесение следователем постановления о недопуске лица в качестве защитника, с обоснованием принятого решения. То есть, идея

---

[1]По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева: постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 48. Ст. 4551.

[2] См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. №73-ФЗ // Российская газета. 2017. № 83. 17 апреля.

разрешительного вступления защитника в дело, на наш взгляд, должна быть реализована исключительно в случае выявления фактов предъявления лицом ненадлежащих документов, подтверждающих полномочия защитника.

Этот подход позволит обеспечить соблюдение баланса публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве, поскольку, с одной стороны, запретит органу следствия ставить в зависимость вопрос о вступлении в дело легитимного защитника, а с другой – сохранит за органом следствия полномочия по пресечению попытки вступления в дело лиц, не имеющих правовых оснований для участия в качестве защитника.

Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 178, 179.

2. Отчерцова О.В. Проблема допуска адвоката к участию в уголовном деле // Вопросы российского и международного права. 2016. № 7. С. 107.

3. Лесин А.Г. Вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: Материалы VI международной научно-практической конференции. Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. 2016. С. 260-261.

4. Таран А.С. «Недопуск» адвоката к участию в уголовном процессе: законодательство и судебная практика // Судебная власть и уголовный процесс судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 119.

Аубакирова Жадыра Маратовна
Alikhan Bokeikhan University,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
(Семей, Казахстан)

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 343.98

Аннотация. В статье представлен глубокий анализ эволюции криминалистической науки от ее истоков до современного состояния. Автор исследует переход от донаучных методов доказывания к строгому научному анализу вещественных доказательств. Особое внимание уделяется истории развития ключевых отраслей: дактилоскопии, трасологии и баллистики, а также их роли в обеспечении справедливости судебного процесса.

Ключевые слова: криминалистика, история права, следственные действия, идентификация личности, Ганс Гросс, судебная экспертиза, методика расследования.

Введение. История криминалистики – это летопись борьбы человеческого разума с преступностью. С древнейших времен общество нуждалось в механизмах установления истины, однако на протяжении столетий этот процесс опирался не на науку, а на интуицию, случайные свидетельские показания или систему формальных доказательств, где «царицей» считалось признание вины, зачастую полученное под давлением. Переход к научной парадигме стал возможен только в конце XIX века, когда бурный рост естественных наук — химии, биологии и физики — предоставил правосудию инструменты для объективного анализа следов преступления [1].

Зарождение идей научной регистрации и поиска следов. До появления системной криминалистики главной проблемой следствия была идентификация преступников-рецидивистов. Рост городов и мобильность населения позволяли преступникам легко скрываться, просто меняя имена. Первым научным ответом на этот вызов стала антропометрическая система Альфонса Бертильона, внедренная в 1879 году. Метод, известный как «бертильонаж», основывался на фиксации 11 параметров человеческого тела, которые, как полагал автор, остаются неизменными у взрослых людей.

Несмотря на революционность, система была громоздкой и подверженной ошибкам исполнителей. Исторический закат антропометрии наступил после знаменитого инцидента в американской тюрьме Ливенворт в 1903 году. Два заключенных — Уилл Уэст и Уильям Уэст — оказались практически идентичными по измерениям Бертильона, но их отпечатки пальцев были абсолютно разными. Этот случай открыл дорогу дактилоскопии как более надежному методу [3].

Ганс Гросс и систематизация криминалистических знаний. Криминалистика как самостоятельная дисциплина окончательно оформилась благодаря трудам австрийского юриста Ганса Гросса. В 1893 году он опубликовал «Руководство для судебных следователей», в котором впервые обосновал, что расследование должно опираться на материальные следы, а не только на слова людей. Гросс систематизировал разрозненные знания о микрочастицах, пятнах крови, следах животных и особенностях почерка. Именно он ввел в научный оборот термин «криминалистика», опредевив ее как учение о средствах и методах раскрытия и расследования преступлений. Наследие Гросса заложило фундамент для формирования следственной тактики и методики, которые используются и сегодня [1, 5].

Эволюция криминалистической техники: от гипса к лазеру. Развитие техники в историческом контексте можно разделить на три ключевых направления:

- **трасология (учение о следах).** Путь начался с примитивных гипсовых слепков следов ног. Эдмон Локар, создатель первой криминалистической лаборатории в Лионе, сформулировал фундаментальный «принцип обмена»: каждый контакт оставляет след. Сегодня этот принцип реализуется через лазерное сканирование мест происшествий и создание виртуальных 3D-моделей обстановки;

- **суудебная баллистика.** В начале XX века идентификация оружия проводилась на глаз. Благодаря работам Чарльза Уэйта и Кельвина Годдарда, внедривших сравнительный микроскоп, баллистика превратилась в точную науку. Теперь каждая пуля рассматривается как уникальный «паспорт» оружия;

- **криминалистическое исследование документов.** От простого визуального сличения подписей наука перешла к спектральному анализу чернил и бумаги, что позволяет выявлять даже самые совершенные подделки [2].

Биологическая революция: ДНК-профилирование. Если дактилоскопия стала прорывом XIX века, то ДНК-анализ – прорывом XX столетия. В 1984 году британский генетик Алек Джеффрис обнаружил, что структура ДНК каждого человека уникальна (за исключением однояйцевых близнецов). Первое же применение этого метода в деле Колина Питчфорка доказало его мощь: генетическая экспертиза не только позволила найти убийцу, но и спасла от тюрьмы невиновного человека, который уже дал признательные показания под давлением обстоятельств. Это стало поворотным моментом, навсегда изменившим стандарты доказательственной базы в суде [4].

Современные вызовы: цифровая криминалистика. В XXI веке история криминалистики вступает в новую фазу – цифровую. Преступления все чаще совершаются в виртуальном пространстве, что требует от криминалистов навыков работы с метаданными, блокчейн-транзакциями и зашифрованными каналами связи. Цифровой след сегодня также важен, как отпечаток пальца сто лет назад. Использование искусственного интеллекта для анализа огромных массивов видеоданных и распознавания лиц является прямым продолжением идей Бертильона и Гросса, но на новом техническом уровне.

Заключение. Ретроспективный взгляд на развитие криминалистики показывает, что эта наука всегда была на передовой прогресса. От измерения костей до анализа генома – каждый этап был направлен на минимизацию человеческого фактора и субъективизма в правосудии. Исторический опыт учит нас, что успех в борьбе с преступностью невозможен без постоянного совершенствования технического арсенала и глубокого научного анализа. Сегодня криминалистика остается важнейшим инструментом обеспечения правопорядка и защиты прав граждан в любой правовой системе.

Литература:

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – М.: ЛексЭст, 2002.

2. Локар Э. Руководство по криминалистике. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

3. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. – М.: Прогресс, 1974.

4. Джеффрис А. Генетическая дактилоскопия: истоки и развитие. – Лондон, 1987.

5. Ищенко Е. П. Криминалистика: Учебник. – М.: Проспект, 2011.

Багаутдинов Флер Нуретдинович
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова»,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
доктор юридических наук, доцент
(Казань, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ НАУКИ В РАСКРЫТИИ ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

УДК 343.6

Аннотация. в статье рассматриваются вопросы использования геномной регистрации и геномной экспертизы при раскрытии особо тяжких преступлений против личности, вносятся предложения о расширении перечня лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации.

Ключевые слова: геномная регистрация; геномная экспертиза; раскрытие преступлений; вещественные доказательства; биологические материалы; ДНК-информация.

Abstract. The article discusses the use of genomic registration and genomic expertise in solving especially serious crimes against the person, proposals are made to expand the list of persons subject to mandatory genomic registration.

Keywords: genomic registration; genomic expertise; solving crimes; physical evidence; biological materials; DNA information.

Успешное раскрытие преступлений, в особенности тяжких и особо тяжких преступлений против личности, в современных условиях невозможно без использования достижений науки. Одним из самых известных примеров этого является появление в уголовном судопроизводстве геномных экспертиз, или как их называют в обиходе – экспертизы ДНК.

В практике следственных органов Республики Татарстан имеются случаи раскрытия неочевидных убийств прошлых лет благодаря данным геномной регистрации и результатам геномных исследований. На берегу озера в Ютазинском районе Республики Татарстан в июне 2012 года нашли полуобгоревшее тело девушки. Ее изнасиловали, убили, а потом пытались сжечь, чтобы скрыть следы преступления. Погибшая оказалась жительницей башкирского города Туймазы. При осмотре места происшествия эксперты обнаружили множество улик, в том числе биологические следы предполагаемых убийц, но, тем не менее, следствие вскоре зашло в тупик. Следователи допросили всех знакомых погибшей, а также жителей близлежащих населенных пунктов, но обнаружить подозреваемых не удалось. Расследование уголовного дела пришлось приостановить. Образцы ДНК преступников были внесены в Федеральную базу данных генетической информации (ФБДГИ).

Выйти на след убийц удалось в ноябре 2025 года. Житель города Кириши Ленинградской области Еремин намеревался отправиться добровольцем в зону специальной военной операции и подписал контракт с Минобороны РФ. Согласно установленному регламенту он сдал образцы ДНК, которые и показали его причастность к убийству. В итоге вместо передовой мужчина оказался в следственном изоляторе.

В ходе следствия выяснилось, что Еремин родом из Туймазов. Под давлением улик он был вынужден признаться в убийстве. Рассказал, что в июне 2012 года один из его приятелей вернулся из армии, и они с компанией устроили застолье. Изрядно захмелев, Еремин с двумя собутыльниками поехали кататься по городу на машине. По дороге увидели на улице девушку, предложили подвезти. Затем увезли ее на территорию соседнего Ютазинского района Татарстана к озеру, где изнасиловали и жестоко убили, нанося удары ножом, отверткой, бутылкой. А чтобы скрыть улики, облили тело бензином и подожгли.

Еремин выдал следствию имена двоих знакомых. К тому моменту один из них уже умер, второй проживал в Туймазах. Его также задержали. Мужчина категорически отрицал вину, но доказательства оказались неопровержимы – образцы его ДНК также были обнаружены на месте преступления в 2012 году и внесены в федеральную базу данных.

Если заглянуть в историю, то ранее биологическая экспертиза могла дать заключение только о группе крови. А их, как известно, всего четыре. Результаты такой экспертизы могли лишь дополнить улики, но обвинить кого-то в преступлении на их основании было невозможно.

В 90-е годы прошлого века в России начали проводить геномные экспертизы. Времена

были сложные, все оборудование и реактивы для исследований были импортные, дорогостоящие. Следователям порой приходилось самим помогать судмедэкспертам в закупке всего необходимого. Зато следователи получали заключение экспертизы, практически подтверждающее вину конкретного подозреваемого. Например, в Казани с места убийства был изъят окурок, оставленный преступником. Через какое-то время вышли на подозреваемого, но доказательств против него не было. Отправили на экспертизу окурок со следами слюны и получили однозначный вывод о причастности проверяемого лица к убийству.

Следующим важным шагом стало введение в 2008 году обязательной геномной регистрации отдельных категорий лиц – осужденных к лишению свободы, неопознанных трупов. В 2023 году обязательную регистрацию геномных данных ввели и для лиц, подвергнутых административному аресту. Все это значительно расширило базу таких данных и облегчило работу следствия. Раскрытие убийства 13-летней давности в Ютазинском районе – пример успешного применения современных достижений науки.

Важно подчеркнуть, что результаты геномных экспертиз представляют собой практически стопроцентное утверждение, т.е. категорическую идентификацию человека. По своей силе заключения геномных экспертиз можно приравнять к выводам дактилоскопичесой экспертизы. Обе они сегодня представляют собой неопровержимые доказательства, способные даже без наличия других доказательств утверждать о причастности конкретного лица к преступлению.

Другой пример. В 2013 году двое граждан Азербайджана, работая в Бавлинском районе Республики Татарстан, совершили убийство местной девушки. Сразу же после убийства они выехали из России на родину. Труп девушки они закопали, и обнаружить его не удалось. В комнате, где проживали строители-азербайджанцы, нашли следы крови. Но как доказать, что это именно кровь пропавшей девушки? Ведь труп не найден, образцов крови девушки в медицинских учреждениях не сохранилось. И тут на помощь следователям пришла наука об исследованиях ДНК человека. У матери пропавшей девушки были получены ее образцы крови, по ним провели необходимые геномные исследования. Эксперты сравнили генетические признаки образцов крови, обнаруженных в комнате азербайджанцев, и крови матери девушки. Эксперты дали заключение, сто кровь, обнаруженная в комнате у азербайджанцев с точностью до 99,93 % происходит от женщины, которая является биологическим ребенком вышеупомянутой матери.

В 2025 г. усилиями правоохранительных органов путем международного сотрудничества удалось допросить подозреваемых в Азербайджане, и они признались в совершенном убийстве, указали место нахождения трупа, где он и был обнаружен.

Уголовное дело, в порядке международного сотрудничества, передали в Азербайджан. Для раскрытия преступления и сбора доказательств понадобилось немало лет. Задачу значительно могла бы облегчить обязательная геномная регистрация иностранных граждан при въезде в Российскую Федерацию.

Эффективно работает федеральная база данных геномной регистрации и в плане выявления преступлений, совершенных лицами, находящимися в местах лишения свободы по приговорам судов. Нередко имеют место случаи, когда ранее не судимое лицо совершает преступление, оставляя на месте преступления биологические следы, которые изымаются следователем и подвергаются геномной экспертизе. По каким-то причинам преступление остается нераскрытым. Далее, через определенный промежуток времени лицо совершает новое преступление, за которое привлекается к уголовной ответственности и осуждается к лишению свободы. Так как лицо уже попадает в перечень подлежащих обязательной геномной регистрации лиц, то в колонии у него берут образцы ДНК и помещают их в ФБДГР. В результате устанавливается совпадение его генетических признаков со следами, изъятыми по нераскрытому уголовному делу. И лицо привлекается к уголовной ответственности за преступление, совершенное ранее.

В целях увеличения объема федеральной базы данных геномной регистрации считаем целесообразным расширить перечень категорий лиц, подлежащих обязательной геномной

регистрации, и включить в него:

- всех осужденных, независимо от назначенной меры наказания (с лишением свободы или без лишения свободы);
- всех подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам;
- иностранных граждан и лиц без гражданства – при въезде в Российскую Федерацию;
- лиц из группы риска – состоящих на наркологическом учете, на учете по поводу хронического алкоголизма; лиц, привлеченных к административной ответственности за отдельные категории административных правонарушений (мелкое хулиганство, сопротивление работникам полиции, употребление наркотических веществ и др.).

Балко Владимир Иванович
ТОО Колледж «Кайнар»,
преподаватель
(Семей, Казахстан)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В ПОСЛЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946-1960 гг.)

УДК 343.982 ББК 67.408

Аннотация. В статье рассмотрено развитие криминалистических подразделений Казахстана в после войны (1946—1960 гг.). Показана значимость использования современных научных и технических решений и роль центральных органов МВД СССР в создании НИИ криминалистики, который оказывал большую научную и практическую помощь криминалистическим подразделениям органов внутренних дел Казахстана.

Ключевые слова: криминалистические подразделения Казахстана, НТО, Главного управления милиции, МВД СССР, Научно-исследовательский институт криминалистики, Борис Максимович Комаринец, НТО МВД КазССР, создание баллистической картотеки.

Abstract. The article examines the development of criminalist units in Kazakhstan in the post-war period (1946-1960). It highlights the importance of using modern scientific and technical solutions and the role of the central bodies of the USSR Ministry of Internal Affairs in establishing research institutes of criminology, which provided significant scientific and practical assistance to the criminalist units of Kazakhstan's internal affairs agencies.

Keywords: forensic units of Kazakhstan, NTO, Main Directorate of Militia, Ministry of Internal Affairs of the USSR, Research Institute of Criminalistics, Boris Maksimovich Komarinets, NTO of the Ministry of Internal Affairs of the Kazakh SSR, creation of a ballistic file.

Победоносное окончание Великой Отечественной войны открыло путь бурному развитию экономики Казахстана. Каждый год социалистического строительства по своим масштабам стал равен десятилетиям. Там, где прежде простирались безжизненные просторы, возникли десятки новых городов, образовались крупнейшие области. Каждая из девятнадцати областей Казахстана является крупным районом, органически связанным со всей экономикой республики и страны.

Казахстан занимал одно из ведущих мест в стране по валовой продукции промышленности, первое – по производству некоторых металлов, третье – по добыче угля, выработке электроэнергии, производству зерна, продуктов животноводства.

Мощным фактором дальнейшего подъема производительных сил республики стала героическая целинная эпопея. Освоение целины подняло на качественно новую ступень не только сельскую экономику республики, сделав Казахстан крупнейшей житницей страны, но и способствовало всестороннему росту его многоотраслевой индустрии, а также науки и культуры.

Трудящиеся республики, как и весь советский народ, самоотверженно трудились над выполнением и перевыполнением пятилетних планов развития народного хозяйства.

Решая важнейшие народнохозяйственные проблемы, правительство определило задачи по дальнейшему укреплению социалистического правопорядка в стране, борьбе с преступностью, охране государственного и общественного имущества, защите законных прав и интересов трудящихся.

Эти программные установки были положены в основу деятельности органов внутренних дел и милиции. Первостепенной задачей в этот период являлась ликвидация последствий войны в области охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью [1].

В Казахстане в первые послевоенные годы сохранялась сложная оперативная обстановка. Много совершалось тяжких преступлений «бандитствующими» элементами с применением огнестрельного оружия. В результате значительных усилий, умело проведённых оперативных мероприятий органами внутренних дел и милиции только за два послевоенных года (1946-1947) были выявлены и обезврежены 93 бандитские группировки, арестованы и преданы суду 187 опасных преступников, у которых изъято большое количество огнестрельного оружия. Аналогичная работа продолжалась и в последующие годы. Лишь с 1949 г. действующие бандитские группы в основном были ликвидированы, и с этого времени розыскная работа стала основным направлением в борьбе с бандитизмом [2]. Большой ущерб причиняли кражи государственного и общественного имущества, а также личной собственности граждан, в том числе преступниками-гастролерами, приток которых из других республик был зафиксирован в эти годы. Совершались преступления в карточной системе, которые наносили серьезный материальный ущерб государству, дезорганизовывали торговлю и плановое снабжение населения продуктами питания и промтоварами. Значительное место в структуре преступности занимала спекуляция, растраты и хищения социалистической собственности, взяточничество. Как тяжкое наследие войны давала о себе знать преступность среди несовершеннолетних.

В решениях съездов КПСС, пленумов ЦК КПСС не раз подчеркивалась важность активного использования современных научных и технических решений, передовых приёмов организации труда и управления, необходимость постоянного творческого поиска резервов. Это требование в полной мере относилось и к органам внутренних дел.

И вполне закономерно, что в новых послевоенных условиях в борьбе с преступностью органы внутренних дел и милиции стали больше использовать научно-технические методы и средства, чаще стали привлекать экспертов-криминалистов к производству экспертиз, к участию в осмотрах мест происшествий. Так, в 1946 г. количество криминалистических экспертиз, выполненных в НТО оперативного отдела УМ МВД Каз.ССР, возросло на 16,5% по сравнению с предыдущим годом, а участие экспертов в осмотрах мест происшествий – более чем в два раза. В последующие годы быстро стало расти количество баллистических, трасологических и дактилоскопических экспертиз, для которых объекты исследования, как правило, изымались на местах происшествий.

Приведем один из примеров оказания помощи следственным органам того периода экспертами НТО в деле изобличения расхитителя государственного и общественного имущества в крупных размерах.

В 1946-1948 гг. была произведена большая работа по совершенствованию организационной структуры органов милиции как в центре, так и на местах, коснувшаяся и криминалистических подразделений, чем была предопределена их дальнейшая судьба. К этому времени в НТО Главного управления милиции МВД СССР в качестве самостоятельного структурного подразделения был образован Научно-исследовательский институт криминалистики (НИИК). Институт внес большой вклад в дальнейшее развитие и улучшение деятельности территориальных криминалистических подразделений, которые в первые послевоенные годы были ещё относительно слабым звеном в структуре органов милиции. Об этой реорганизации следует остановиться более подробно, т.к. центральные органы МВД СССР в лице вновь созданного НИИ криминалистики оказали большую научную и практическую помощь криминалистическим подразделениям органов внутренних дел Казахстана. В частности, в подготовке экспертов различного профиля, разработке методик исследования вещественных доказательств, а также специальной криминалистической техники (по материалам А.И. Миронова).

В середине 1928 г. С.М. Потапов, стремясь поднять на более высокий уровень борьбу с уголовной преступностью путём широкого развертывания научно-исследовательской работы в

органах внутренних дел, ставит перед руководством наркомата вопрос о преобразовании научно-технического подотдела в научно- технический институт.

Руководство Центророзыска поддерживает эту идею и пишет наркому докладную записку, в которой обосновывает необходимость создания при НКВД России научно-технического института. Однако осуществить эту идею в то время не удалось. Она была реализована лишь 17 лет спустя. Её осуществил ученик С.М. Потапова – Борис Максимович Комаринец. Юношей он начал работать у С.М. Потапова секретарем подотдела. Закончив научно-техническое отделение Центральной школы милиции, Б.М. Комаринец работал экспертом, заместителем начальника НТО ОУР ГУМ НКВД и его начальником. Идея создания научно-технического института не покидала его все эти годы. Однако осуществить её было нелегко.

30-е годы и годы войны не были благоприятными для создания новых структур в органах внутренних дел, хотя сотрудники НТО помимо основной своей работы – производства экспертиз не – прекращали и научные исследования. Можно назвать лишь три крупные работы, которые были подготовлены в эти годы экспертами НТО ОУР НКВД СССР: «Пособие по дактилоскопии» (изданное ГУ РКМ НКВД СССР. М., 1935); «Дактилоскопическая идентификация на расстоянии»: Практическое руководство (изданное ГУ РКМ НКВД СССР, М., 1937). Особого внимания заслуживает капитальная работа, составленная Б.М. Комаринцем и Б.И. Шевченко – «Руководство по осмотру места преступления» (кн. 1, изданная ГУ РКМ НКВД СССР. М., 1938). И это, не считая многих оперативно-методических ориентировок, выпущенных НТО по различным вопросам криминалистики и повседневной практики (к примеру, по исследованию советских паспортов, подделанных фашистской разведкой, и др.).

После окончания Великой Отечественной войны вновь ставится вопрос об организации в органах внутренних дел научно-исследовательского подразделения.

В соответствии с приказом НКВД СССР №001529 от 19 декабря 1945 г. Научно-исследовательский институт криминалистики был организован в составе научно- технического отдела ГУМ МВД СССР как одно из его подразделений.

Первым начальником института, его инициатором и организатором был видный учёный-криминалист Борис Максимович Комаринец.

В соответствии с положением, объявленным приказом НКВД № 001529, на НИИК были возложены следующие задачи:

- внедрение научно-технических средств в работу милиции по борьбе с преступностью;
- руководство работой научно-технических отделов, отделений и групп управлений милиции республик, краев и областей;
- ведение научно-исследовательской работы с целью разработки новых и совершенствования имеющихся методов обнаружения и исследования вещественных доказательств;
- разработка аппаратуры и методов связи, секретной сигнализации и оперативной техники для органов милиции;
- производство экспертиз для управлений и отделов МВД СССР, повторных и сложных экспертиз – для периферийных органов МВД СССР, в том числе для Казахстана;
- собирание, систематизация и экспонирование материалов о работе милиции по борьбе с уголовной преступностью и выпуск альбомов по раскрытым преступлениям;
- выпуск руководств, учебников и пособий по криминалистике и производству криминалистических экспертиз;
- подготовка и переподготовка квалифицированных научно-технических кадров;
- перевод иностранной литературы по вопросам криминалистики и работы полиций, выпуск периодического бюллетеня иностранной криминалистической литературы [3, С.65].

Для осуществления этих задач в научно-техническом отделе кроме НИИК были созданы первое отделение (научно-техническое), в функции которого входили организация и руководство научно-технической работой в периферийных органах милиции, и Центральный криминалистический музей.

В состав НИИК входили следующие лаборатории: криминалистической экспертизы, баллистической экспертизы, физико-химическая, связи и сигнализации, фотографическая, а также бюро переводов, машинописное бюро и секретариат.

Правой рукой Б.М. Комаринца, его заместителем, был Анатолий Дмитриевич Хананин – соратник по многолетней совместной работе в научно-технических подразделениях органов внутренних дел. Химик по образованию, он возглавлял физико-химическую лабораторию.

Заметной фигурой в институте был Георгий Иванович Рыбников – квалифицированный эксперт-криминалист, специализировавшийся в области баллистических исследований.

В криминалистической лаборатории работали опытные специалисты по графической и технической экспертизе документов Ирина Ивановна Кеворкова и Серафима Лазаревна Цеханская. Обе они ещё до войны начали работать в НТО. Лабораторию возглавил Аркадий Иванович Пуртов – известный криминалист, разработавший пятипальцевую систему регистрации отпечатков пальцев, найденных на местах преступлений.

Фотографическую лабораторию в институте организовал Александр Тихонович Гаврилин, работавший в НТО фотографом с 1922 г.

В 1948 г. НИИК пополнился пришедшими из армии Анатолием Николаевичем Вакуловским, Семёном Исааковичем Поташником.

После окончания экспертного отделения Высшей офицерской школы МВД СССР в институт был направлен Анатолий Иванович Миронов, который в дальнейшем возглавил следоведческую лабораторию. Он был автором ряда статей по истории научно-технических подразделений.

Несмотря на крайне тяжелое положение со штатами, уже в первые годы своего существования Научно-исследовательский институт криминалистики проделал значительную и весьма полезную для органов милиции работу.

Так, в 1946 г. была подготовлена и сдана в печать книга «Осмотр места происшествия» под редакцией Б.М. Комаринца и И.В. Бодунова, изданы три оперативно-методические ориентировки по вопросам применения научно-технических средств в оперативной и следственной работе, прошли стажировку 13 экспертов НТО периферийных органов милиции, в т.ч. 5 человек из Казахстана.

В 1947 г. закончена работа на тему «Исследование пересеченных штрихов» (И.И. Кеворкова); начата разработка вопросов, связанных с исследованием фальшивых денежных знаков (А.Д. Хананин), и др. Изготовлены первые комплекты 20 альбомов (по 150 снимков каждый) баллистических данных огнестрельного оружия (Г.И. Рыбников, А.Н. Семилетова), разработана таблица графических признаков почерка, подготовлены три оперативно-методические ориентировки по различным вопросам криминалистической техники.

В 1948 г. происходит дальнейшее развертывание научно-исследовательской работы. Сотрудниками института было подготовлено 10 оперативно-методических ориентировок и пособий: «Осмотр и исследование изделий из драгоценных камней» (А.И. Белухин), «Волосы как вещественное доказательство» (Т.В. Боровецкая), «Следы курения» (А.И. Миронов) и др. Были закончены научно-исследовательские работы: «Сравнительное исследование тканей» (М.В. Кисин) и «Установление, какой рукой и пальцами оставлены следы на месте преступления» (А.И. Пуртов).

Комаринец Борис Максимович (1910-1979) – доктор юридических наук, известный советский криминалист, первый начальник НИИ криминалистики ГУМ МВД СССР, автор работ по дактилоскопической идентификации и криминалистическому исследованию огнестрельного оружия.

В 1949 г. была закончена разработка ряда научно-исследовательских работ, в частности: «Графическое исследование подписей» (С.И. Поташник), «Судебнохимические исследования дроби» (А.М. Фокин), «Основы идентификации оружия по стреляным пулям» (Б.М. Комаринец и Г.И. Рыбников), «Следы автомобиля» (И.И. Кеворкова и Б.М. Комаринец), «Фотографирование трупа» (А.И. Миронов и А.И. Пуртов) и др.

Разработана также система коллекций огнестрельного оружия и создана Центральная

картотека стреляных пуль и гильз, найденных на местах совершения преступлений (А.Н. Семилетова и А.Н. Вакуловский). В этом же году (1949) такая баллистическая картотека была создана в НТО МВД КазССР. Руководил ею старший эксперт С. Кыдырбаев. Подготовлены методические указания по организации криминалистических музеев (И.И. Пророков).

В 1949 г. сотрудники института написали 30 методических ориентировок для оперативного состава милиции по применению научно-технических методов расследования преступлений. Кинолаборатория в 1949 г. выпустила первый кинофильм об использовании оперативных сумок при осмотре места происшествия.

В 1950 г. правовое положение Научно-исследовательского института криминалистики существенно изменилось. Научно-технический отдел ГУМ МВД СССР, в состав которого входил институт, как самостоятельное подразделение был ликвидирован. Два отделения бывшего НТО ГУМ вошли в состав Научно-исследовательского института криминалистики, первое – как методический отдел по руководству периферийными НТО, НТГ, а второе – как отделение по производству кинофильмов.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 3632-1516сс от 22 августа 1950 г. Научно-исследовательский институт криминалистики стал подчиняться непосредственно Главному управлению милиции. Этим же постановлением было утверждено новое положение о Научно-исследовательском институте криминалистики. В нём указывалось, что НИИК входит в состав ГУМ МВД СССР и подчиняется непосредственно начальнику Главного управления милиции. Институт оставался по-прежнему сугубо экспертно-криминалистическим. Это видно из задач, которые были изложены в положении:

- ведение научно-исследовательской работы в области криминалистики и криминалистических исследований вещественных доказательств;
- подготовка для уголовного розыска научных кадров по криминалистике в порядке аспирантуры и усовершенствование подготовки экспертов-криминалистов для органов милиции;
- осуществление методического руководства научно-исследовательской работой в области криминалистических исследований;
- ведение научно-практической работы по выполнению криминалистических исследований;
- руководство и контроль за соблюдением правильной методики производства криминалистических экспертиз в органах милиции [3, С.67].

С каждым годом росла научная квалификация сотрудников института. Всё больше актуальных для практики работ получают оперативные работники милиции и эксперты. Завершены пособия: «Криминалистические отождествления огнестрельного оружия по стреляным пулям» (Б.М. Комаринец), «Установление личности по следам зубов» (А.И. Миронов) и др.

Активно применяются в работе по раскрытию преступлений картотеки пальцевых следов и стреляных пуль, разработанные сотрудниками НИИК. Если в 1953 г. по Центральной картотеке стреляных гильз в НИИК было проверено 50 стволов, то в 1954 г. – 187 стволов. В результате этой работы был раскрыт ряд серьезных преступлений.

В 1951-1953 гг. после окончания МГУ и юридического института в криминалистический отдел НИИК пришли молодые специалисты: В.А. Андрианова, Е.И. Зуев, Ю.П. Голдованский, В.А. Снетков, В.М. Шванков. Они активно включились в экспертную и научно-исследовательскую работу, сначала в роли лаборантов, а потом и научных сотрудников. В.А. Снетков с самого начала занимался проблемами словесного портрета, В.А. Андрианова – дактилоскопии, Е.И. Зуев и Ю.П. Голдованский – трасологии.

Несколько позже с практической работы в институт пришли А.П. Моисеев, В.Д. Зуев и А.И. Красавин. Моисеев А.П. активно включился в работу лаборатории исследования документов.

За 1954 год сотрудники института отсняли два кинофильма: «Осмотр места происшествия» и «Ленинградский криминалистический музей», разработали проект

экспертного чемодана и оборудовали образец спецмашины на базе ГАЗ-63, специально предназначенные для осмотров мест происшествий.

Быстрый рост автомобильного парка в стране и возросшая аварийность на автотранспорте поставили перед Министерством внутренних дел СССР вопрос о создании научного центра по решению указанных проблем.

В соответствии с приказом МВД СССР № 00771 от 24 сентября 1954 г. в институте криминалистики ГУМ МВД СССР был создан отдел безопасности движения, перед которым была поставлена задача по научной разработке мероприятий и технических средств, необходимых для обеспечения безопасности движения.

С каждым годом всё более реальным становилось влияние Научно-исследовательского института криминалистики на научно-технические подразделения милиции и оперативный состав органов внутренних дел СССР. Росло количество и повышалось качество выполняемых экспертиз и осмотров мест происшествий.

По пятипальцевым картотекам следов, изъятых с мест преступлений, в СССР в 1954 г. было раскрыто 871 преступление, в 1955 г. – 1383, в 1956 г. – 1627 преступлений. В эти цифры включены отчёты о работе НТО МВД КазССР [3, с. 69].

Возрос объём научной продукции и практической работы и у сотрудников НИИК. За 1956-1960 гг. в институте было издано 46 научных работ, в частности: монографическая работа «Криминалистическое отождествление человека по чертам внешности», подготовленная В.А. Снетковым; методическое пособие «Исследование объектов судебной экспертизы», составленное А.И. Мироновым и Х.М. Тахо-Годи, а также другие пособия для экспертов и оперативного состава.

Несмотря на то, что НИИК производил значительную работу, способствующую раскрытию преступлений, она носила в основном криминалистическую направленность и велась в области криминалистической техники и экспертизы. Интересы практики требовали от научных сотрудников института разработки более широкого круга вопросов. В частности, настоятельной стала необходимость разработки вопросов оперативной работы милиции, методов и средств профилактики преступлений и др. Поэтому в 1956 г. функции и задачи института были расширены и в связи с этим было изменено его название. Приказ МВД СССР № 0443 от 11 октября 1956 г. утвердил новое название и положение о Научно-исследовательском институте милиции (НИИМ) МВД СССР.

Согласно положению НИИМ, на основе изучения и обобщения опыта оперативной и следственной работы милиции должен был разрабатывать и внедрять необходимые средства и методы борьбы с преступностью, изыскивать новые, наиболее эффективные тактические приёмы по предупреждению и раскрытию преступлений. Для осуществления этих задач в НИИМ в 1956 г. создаётся специальный отдел исследования тактики и методов борьбы с преступностью. Кроме того, организуется экспериментальная лаборатория по разработке криминалистической техники. Указанные изменения сделали институт более разносторонним и универсальным научно-исследовательским учреждением МВД СССР.

Постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 25 октября 1956 г. было определено, что главной задачей Министерства внутренних дел СССР и МВД союзных и автономных республик является обеспечение охраны общественного порядка и безопасности граждан, своевременное предупреждение уголовных преступлений, а также обеспечение полной раскрываемости всех преступлений на основе строжайшего соблюдения социалистической законности. Успешное выполнение предъявленных требований было бы немыслимо без серьезного повышения мастерства работы милиции и правильно организованного обмена опытом их работы.

С этой целью наряду с другими требованиями Главного управления милиции было принято решение поручить НИИМ ежеквартально выпускать, начиная с 1957 г., бюллетень для руководящего и оперативного состава милиции. Основное назначение бюллетеня – распространение положительного опыта оперативной, следственной и научно-технической работы.

Таким образом: с окончанием Великой Отечественной войны был открыт путь к организации криминалистических подразделений во всех областных управлениях внутренних дел республики и в крупных городах. Эффективность борьбы с уголовной преступностью во всех её формах и проявлениях во многом зависит от согласованной деятельности государственных органов, и первую очередь правоохранительных. Значение приобрели разработки прогрессивных тактических методов применения и активного внедрения научно-технических средств. Указанные меры способствовали повышению раскрываемости преступлений на основе науки криминалистики.

Литература:

1. ГА Алма-Атинской обл, ф.830. оп. 3, д.7,8. св.2, л.348, 349, 658-700.

2. Миронов А.И. Криминалистические подразделения органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны (1941-1945) // Экспертная практика. 1975. №6, С.7-10.

3. Повезнюк Г.И. История криминалистических подразделений органов внутренних дел Казахстана. Алматы: Юрист, 2009. 154 с.

Биляев Владимир Александрович
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
профессор кафедры уголовно-процессуального права,
доктор юридических наук, доцент;
Сошина Наталья Викторовна
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
(Симферополь, Россия)

СВОБОДНАЯ ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСВ В РОЗЫСКНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 343.14

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса доказывания и оценки доказательств исторического розыскного (инквизиционного) типа уголовного судопроизводства. Сформулирован общи вывод о том, что свободная воля судьи оценивающего доказательства всегда оставалась и будет оставаться относительной, ограничиваемой правовыми предписаниями, формализующими единый процесс доказывания.

Ключевые слова: процесс доказывания, свобода оценки доказательств, внутреннее убеждение, заранее установленная сила доказательств, формальная теория доказательств.

Abstract. The article examines the peculiarities of the process of proving and evaluating evidence of the historical search (inquisition) type of criminal proceedings. A general conclusion is formulated that the free will of the judge evaluating the evidence has always remained and will remain relative, limited by legal prescriptions formalizing a single proof process.

Keywords: process of proof, freedom to evaluate evidence, internal belief, pre-established strength of evidence, formal theory of evidence.

Исследования вопросов доказывания по уголовным делам, относящиеся к области исторической типологии уголовного процесса, не теряют своей актуальности в настоящее время. В том числе, в связи активным развитием информационных технологий и возможностями применения в уголовно-процессуальной деятельности технологий искусственного интеллекта. Одним из потенциальных направлений применения таких технологий, является разумная минимизация субъективного человеческого фактора при оценке доказательств. При этом, важно определиться: не приведет ли применение таких технологий к регрессу самой модели доказывания, отказу от принципа свободы оценки доказательств и фактическому возврату к розыскному историческому типу уголовного судопроизводству, в котором, как принято считать, отсутствовала свобода оценки доказательств. Но так ли это было, на самом деле?

Формальная теория доказательств никогда не являлась теорией в собственном смысле, а представляет собой, скорее, теоретическое отражение целого конгломерата различных и взаимно отличающихся друг от друга правовых подходов и правил в части собирания, проверки

и оценки доказательств, которые были закреплены и применялись в Европейских государствах, включая Российскую империю, на протяжении достаточно длительного исторического периода.

В современном отечественном уголовном судопроизводстве и сейчас действуют правила, которые можно истолковать как правила о преимуществе «силе» одних доказательств перед другими. Так признательные показания обвиняемого в соответствии с ч. 2 ст. 77 УПК РФ не могут быть положены в основу обвинения без совокупности с другими доказательствами. В то же время, заключение эксперта, например, по делу о хранении наркотических средств, при отсутствии подтверждающих данный факт показаний и доказательств умысла на совершение преступления, может быть положено в основу обвинения. В этой ситуации показания обвиняемого можно рассматривать как несовершенное доказательство, а заключение эксперта, как совершенное?!

Процесс доказывания, независимо от его исторических особенностей, представляет собой единый информационный цикл получения субъектом доказывания достоверных знаний о совершенном преступлении. Поэтому обособление таких его элементов как собирание, проверка и оценка доказательств, и, даже, рассмотрение их в качестве «изолированных» этапов доказывания, возможно и целесообразно лишь в процессе теоретического познания. Остающиеся предельно формализованными такие элементы доказывания как собирание и проверка доказательств условно «связывают» также и элемент оценки доказательств, позволяя судить лишь об относительной и, непосредственно, зависимой от правил собирания и проверки доказательств, свободе такой оценки. Как отмечает М.С. Кузнецов «… существо «незыблемых» требований в отношении соблюдения юридической формы, мельчайший отказ от которых может привести к утрате юридической силы практически любого доказательства, является прямой объективизацией принципа формальной оценки доказательств в современном УПК РФ» [1].

В исторической разрезе, теории формальной и свободной оценки доказательств, принято соотносить в их принципиальном противопоставлении. Так, обращение к источникам, в которых были исследованы, во многом, архаичные, в современной понимании, исторические модели доказывания, которые соответствовали эпохам средневековья и более позднего времени, позволяет выделить в качестве существенного признака переходного и «классического» розыскного типов уголовного судопроизводства формальное деление доказательств на совершенные и несовершенные, а также установление в законе формальных правил, которыми необходимо было руководствоваться как при собирании, так и при оценке доказательств [2]. Однако, было бы неверным, утверждать, что субъект, вершивший суд, был каким-то образом связан или ограничен в своих выводах установленной в законе формальной силой доказательств. Формальное преимущество одних доказательств перед другими действовало лишь в части статусного преимущества конкретных источников доказательств, например, показаний различных в своем социальном статусе свидетелей, но при установлении субъектом оценки (по его внутреннему убеждению) равной степени достоверности доказательств данного вида. Формальных же правил установления достоверности доказательств никогда не существовало, как их не может быть и в принципе. Так, например, статья 333 Раздела 4 «О производстве дел уголовных в первой степени суда» Законов о Судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках Свода законов Российской Империи (том 15), в частности, предписывала отдавать преимущество мужчине перед женщиной, знатному перед незнатным и т.д., но «при равной степени достоверности законных свидетелей». При этом в ст. 332 анализируемого нами источника устанавливалось общее правило оценки показаний свидетелей, а именно: «Если показания свидетелей противоречат между собой, то принимать к доказательству свидетельства тех из них, которые по числу и вероятности рассказываемых им обстоятельств имеют решительный перевес»[3]. Таким образом, субъект оценки, как следует из указанных выше положений, оценивал доказательства, по внутреннему убеждению, на основе совокупности, имеющихся в деле доказательств (и как же могло быть иначе?!).

Нельзя также рассматривать исторически эволюционирующий розыскной тип (форму) уголовного процесса в качестве доктринально выверенной сложившейся правовой системы,

имеющей устоявшиеся, даже в рамках определенного исторического и географического разрезов, признаки и свойства. Несколько категоричное утверждение М.А. Чельцова-Бебутова, исследовавшего, в частности, правила собирания, проверки и оценки доказательств по Большому уголовному ордонансу 1670 года о том, что «Первым правилом было полное исключение свободной оценки доказательств судьями по их убеждению» [2], следует соотносить с правовыми историческими реалиями, относительно которых должны оцениваться характер и степень ограничения свободы в оценке доказательств. При этом, представляется совершенно очевидным, если опираться на положения упоминаемого источника, а также других исторических актов, в которых, как принято считать, закреплен исторический розыскной (инквизиционный) тип уголовного судопроизводства, также и то, что исключение свободной воли субъекта оценивающего доказательства, а это и предполагает отрицание возможности свободной оценки доказательств, было невозможным в рамках соответствующий исторических моделей процесса, учитывая, что сам процесс доказывания необходимо рассматривать в единстве и взаимосвязи его элементов в целом. Судья некогда не представлял собой пассивного «истукана», пред которым преподносили доказательства, как обвиняющие, так и оправдывающие подсудимого, с той единственной целью, чтобы он механически, с учетом заранее установленного «веса» каждого из доказательств и полностью отстранившись от осознанного волевого участия в конкретной судебной ситуации, включил эти доказательства в строго установленную формулу и путем математического подсчета только лишь констатировал результат. Но именно такая общая картина должна формироваться у читателя при ознакомлении с отдельными источниками научной и учебной литературы. Как нами уже отмечалось, свобода, или свободная воля судьи оценивающего доказательства всегда оставалась и будет оставаться относительной. В рамках конкретной правовой системы такая свобода ограничивается объективными правовыми предписаниями, в определенной степени формализующими единый процесс доказывания.

Абсолютизированная в современных теоретических представлениях заранее установленная сила доказательств исторического типа розыскного процесса определялась особенностями их формирования, включая выбор необходимого в той либо иной ситуации следственного действия, процесс чего всецело также зависел от властного субъекта (судьи), движимого, в условиях существующих моральных и этических критериев, к единственной цели – достижению справедливости, руководствуясь, при этом, законом и совестью. При этом, влияние формализованного законодательного компонента, в силу существующего уровня развития права и законодательства, сводилось к минимуму, оставляя на поприще сферы доказывания максимальное пространство для свободной воли субъекта доказывания, действующего преимущественно в пределах неправовых морально-этических ориентиров и исторического «правосознания».

Таким образом, рассматривая исторический розыскной тип уголовного процесса, можем заключить, что заранее установленная сила отдельных доказательств в рамках единой системы процесса доказывания, вовсе не отрицала свободу оценки доказательств. Чрезмерная, как сейчас принято считать, регламентация правил оценки доказательств, отразившаяся, с свою очередь, в таком известном теоретическом обобщении как «система (теория) формальных доказательств», компенсировалась широкими властными правами субъекта, вершившего правосудия, принимать меры к собранию и проверке доказательств в целях установления действительных обстоятельств содеянного.

Литература:

1. Кузнецов М.С. Проблема формальной оценки доказательств в свете действия института недопустимых доказательств: коллизии между правом и практикой // Вестник Российского университета кооперации. 2024. № 3(57). С. 139.

2. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://bibliotekar.ru/2-9-46-kurs-ugolovnogo-prava/38.htm (Дата обращения 05.03.2026).

3. Свод законов Российской империи. Том пятнадцатый. Законы уголовные [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://runivers.ru/bookreader/book388232/#page/1/mode/1up (Дата обращения 05.03.2026).

Бойко Виктория Александровна
ФГБУ Донецкая ЛСЭ Минюста России,
государственный судебный эксперт;
Колованов Александр Валерьевич
ФГБУ ВО ДонГМУ Минздрава России,
преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных наук
(Донецк, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ЗАДАЧ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

УДК 347.948

Аннотация. Рассмотрена проблема использования цифровых технологий в практической деятельности судебного эксперта-лингвиста. Обозначен круг неразрешённых проблем в области применения знаний, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, лингвистическая экспертиза, диагностические задачи, подростковый сленг, неологизмы.

Annotation. The article discusses the problem of using digital technologies in the practical activities of a forensic linguist. It outlines the range of unresolved issues in the field of applying knowledge generated by artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, linguistic expertise, diagnostic tasks, teenage slang, neologisms.

Проблемами судебной лингвистическое экспертизы остаются отсутствие общепризнанного алгоритма исследовательской работы, отсутствие общего понимания жанровой природы лингвистического экспертного заключения, несовпадение формулировок законодательных норм и лингвистических терминов, неопределённость границ компетенции экспертов-лингвистов и экспертов-психологов при производстве комплексных психолого-лингвистических экспертиз. Решение видится в применении современных цифровых технологий. Опираясь на Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и его дополнения, государственные судебно-экспертные учреждения планируют и внедряют комплексы технологических решений, позволяющие имитировать когнитивные функции человека, что в свою очередь позволит сформировать интеллектуальную поддержку принятия решений в судебной лингвистической экспертизе, распознавать речь, оптимизировать временные затраты и, в итоге, экономить время и иные ресурсы судебной экспертизы.

Цель данной работы – выявить ИИ-инструменты, способные оптимизировать процесс производства судебной лингвистической экспертизы.

Анализ современных исследований в области применения методов искусственного интеллекта (далее – ИИ) в судебно-экспертной деятельности показывает неослабевающий интерес к данной теме. Межу тем, все ещё остаются актуальными специфические для этой области знаний проблемы. Отечественными исследователями накоплен определенный положительный опыт применения средств искусственного интеллекта экспертизами других видов. Так, применение искусственного интеллекта в области решения идентификационных задач, внедренная в девятую версию АДИС (автоматизированная дактилоскопическая (мультибиометрическая) информационно-поисковая система), обеспечило автоматизацию просмотра экспертом рекомендательных списков. Нашел применение аппарат нейронных сетей для выявления признаков подделок в документоведческой экспертизе, а также для распознавания текстов, идентификации почерка и подписей, исследования следов оружия на пулях и гильзах [1; 2]. Современной экспертной практикой подтверждена результативность применения ИИ для обработки информации значительного объема, для установления связей между различными объектами, что особенно актуально в задачах автороведческой идентификации.

Проведенный нами анализ результативности применения ИИ в экспертной практике выявил отдельные недостатки в его применении. Так, искусственный интеллект допускает фактические ошибки в распознавании общепринятых положений языкознания. Также он

неоправданно заменяет конкретные аналитические процедуры общими рассуждениями по заданной теме. Отмечаем, что ИИ легко выходит за рамки содержания исследуемого текста и поставленного эксперту вопроса. Авторы отмечают неприспособленность ИИ к диагностическим задачам судебной лингвистической экспертизы [3].

Решение данных задач судебной лингвистической экспертизы осуществляется посредством анализа смысла высказывания, установления наличия в нем фактов и оценок, информационной и эмоциональной составляющих с учетом речевых характеристики автора и адресанта, особенностей коммуникативной ситуации, наличия в исследуемом высказывании прецедентных текстов. Еще не выработан единообразный алгоритм решения задач судебной лингвистической экспертизы [4, с. 554]. Соглашаемся с мнением автора, что каждое высказывание, предоставленное для экспертного исследования, отражает уникальную ситуацию, анализ которой требует индивидуального подхода. Также отметим, что спектр задач лингвистической экспертизы соответствуют возможности ИИ как средства распознавания образов (изображений, текста, звуков и других данных), анализа больших объемов данных, выявления признаков сходства и разделение их на группы согласно заданным признакам [2, с. 25].

Нами обобщены примеры применения компьютерного зрения для анализа креолизованных (поликодовых) текстов. Нередко именно в такой форме сообщения представлены в социальных сетях – в виде изображения с прикрепленным к нему текстом. К тому же, современные интернет-мессенджеры дают возможность публиковать короткие видео с наложенными на них звуком и текстом, так что такие публикации приобретают свойство интегративности. В таких сообщениях невозможно понять его содержание без объединения компонентов вербального и невербального. По нашим наблюдениям, поликодовые тексты, представленные на судебную лингвистическую экспертизу, фигурируют в уголовных делах об оскорблении и клевете, зачастую они содержат экстремистские смыслы. Распознавание компонентов поликодовых текстов необходимо при анализе контента сообщества в соцсети (если тема сообщества – смерть и насилие, а его целевая аудитория – подростки 12-17 лет). Отмечаем повышенную трудоемкость экспертного анализа публикаций, содержащих изображение, прикрепленный текст и аудиозапись.

Рассмотрим возможности ИИ, базирующегося на языковых моделях GPT-4 и Deep Seek. В ходе судебной экспертизы такие модели применяют в процессе семантической декомпозиции высказываний. Затруднение при этом вызывает отсутствие в словарях и онлайн-ресурсах (таких как gramota.ru и kartaslov.ru) толкования слов разговорного пласта лексики, в частности, бранной лексики, подросткового сленга и тех неологизмов, которые обозначают недавно возникшие явления языковой действительности.

На основании исследованной нами экспертной практики отметим сложность лингвистического исследования переписки подростков, связанную с индивидуальностью и отстроенностью от языка «взрослых». К примеру, анализу подлежит высказывание *«завела краш на внешке».* Слово «краш» уже какое-то время функционирует в молодежной среде, но тем не менее, его значение еще не закреплено в словарях. Deep Seek предлагает следующее толкование данного слова. «В молодежном сленге слово «краш» имеет два основных значения, которые связаны между собой:

1. Человек, который очень нравится, объект обожания. Это самое популярное значение. Крашем называют того, в кого ты тайно (или явно) влюблен, кем сильно увлечен или восхищаешься. Это может быть как реальный знакомый человек, так и знаменитость, киногерой или даже аниме-персонаж. Пример: *«Она мой краш, но я боюсь ей признаться». или «Мой новый краш – этот актер из сериала».*

2. Состояние сильной влюбленности (реже). Иногда слово используют для описания самого чувства – внезапной и сильной симпатии. Пример: *«У меня на него случился краш».*

Откуда взялось данное слово? Это заимствование из английского языка – слово crush переводится как «давить», «раздавливать». В переносном смысле идиома «to have a crush on someone» означает «быть по уши влюбленным», то есть чувство настолько сильное, что оно

буквально «раздавливает» человека. При этом следует принимать во внимание, что вне интернет-сленга у слова «краш» есть и другие значения (например, авария или компьютерный сбой). Между тем, в молодежной речи сейчас чаще всего имеют в виду именно объект симпатии».

Таким образом, благодаря ИИ мы получили информацию о толковании проблемного слова, сфере его употребления, происхождении, лексической сочетаемости *(«краш случился»*) и типе синтаксической конструкции с этим словом *(«краш случился на него»*).

Deep Seek толкует анализ слова *«внешка»* следующим образом. «Внешка – это разговорное слово, которое чаще всего означает внешнее независимое оценивание (ВНО). Вот основные значения в зависимости от контекста.

1. Тестирование (самое частое): Фразы вроде «сдать внешку» или «подготовка к внешке» относятся именно к этому тестированию.

2. Учеба: иногда студенты называют так внешнее обучение или экстернат (обучение вне стен университета).

3. Работа: может означать внештатного сотрудника (фрилансера или совместителя), то есть человека, который не состоит в постоянном штате компании.

Если вы встретили это слово в разговоре об учебе или поступлении, то почти наверняка речь идет о тестировании (ВНО)».

Однако, исходя из особенностей конкретной коммуникативной ситуации, данное толкование не может удовлетворить эксперта-лингвиста. Иное толкование слова «внешка» мы получаем, когда на ресурс ИИ вводим в качестве запроса не слово, а все высказывание: «Фраза *«завела краш на внешке*» – это молодёжный сленг, который состоит из трёх частей. Разберем значение каждой части исследуемой фразы.

1. Краш (от англ. crush – разбивать, крушить, а также сленговое «тайная влюблённость») – человек, который очень нравится, объект обожания, симпатии. Это может быть парень или девушка, в которых человек «влюблён» (часто безответно или на расстоянии).

2. Внешка – сокращение от «внешность» или «внешние данные». То есть речь идёт о том, как человек выглядит, о его физической привлекательности.

3. Завела – в данном контексте означает «начала», «стала воспринимать» или «посчитала».

В итоге, получаем полное значение данной фразы: *«Я (или кто-то другой) стала считать этого человека своим крашем (влюбилась/прониклась симпатией) исключительно из-за его внешности».* Иными словами, здесь симпатия возникла только на основе визуальной картинки, без учёта характера, общих интересов, но не в процессе общения. Человек понравился только внешне.

Еще пример лингвистического объекта, исследованного с помощью ИИ: *«Он, конечно, полный ноль по жизни, но как увидела его фото, сразу завела краш на внешке». «Не знаю, что у него внутри, но лицо красивое. Так что пока просто краш на внешке».*

Отметим некоторые риски применения Deep Seek в экспертной практике. Это, прежде всего, ненадежность, в плане достоверности результата, а также отсутствие гарантий конфиденциальности. Тем не менее, искусственный интеллект, базирующийся на языковых моделях, может стать помощником в толковании слов из специальных пластов лексики и расширить понимание коммуникативной ситуации.

Литература:

1. Бахтеев Д.В. Особенности распознавания подлога подписи человеком как первичные критерии для разработки системы искусственного интеллекта // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – № 17 (4). – С. 514-522.

2. Россинская Е.Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – №3 (115).

3. Юматов В.А., Юматова Э.Г. Искусственный интеллект в судебной экспертологии: проблемы и перспективы // Вестник ННГУ. – 2025. – №4. – С. 137-146.

4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: Теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2007.

Бордюгов Леонид Григорьевич
ФГБУ «Донецкая ЛСЭ Минюста России»,
директор,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики,
кандидат юридических наук
(Донецк, Россия)

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ИСТОРИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ

УДК 343.98

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся предмета, объектов, задач и стадий судебной экспертизы исследования нарушений правил охраны труда на предприятиях угольной промышленности. При этом акцентируется внимание на том, что данные исследования проводятся в рамках судебной экспертизы «Исследование соответствия деятельности на опасных производственных объектах требованиям охраны труда и техники безопасности». Данный вид экспертизы находится в стадии своего становления, поэтому актуальной является разработка теоретических и методических положений экспертизы данного вида.

Ключевые слова: требования охраны труда и техники безопасности, предприятия угольной промышленности, специальные знания, судебная экспертиза, теоретические и методические положения, предмет экспертизы, объект экспертизы, задачи экспертизы, стадии проведения экспертизы.

Abstract. The article discusses issues related to the subject, objects, tasks and stages of forensic examination of the study of violations of labor protection rules at coal industry enterprises. At the same time, attention is focused on the fact that these studies are carried out within the framework of the forensic examination «Study of compliance of activities at hazardous production facilities with labor protection and safety requirements». This type of examination is in its infancy, so the development of theoretical and methodological provisions for examination of this type is relevant.

Keywords: occupational health and safety requirements, coal industry enterprises, special knowledge, forensic examination, theoretical and methodological provisions, subject of examination, object of examination, examination tasks, stages of examination.

На современном этапе развития, особенно в связи с внедрением цифровых технологий в различные направления человеческой деятельности открываются все новые и новые возможности в науке и технике, появляются новые машины и механизмы, внедряются автоматизированные технологические комплексы, роботизированные технологии и т.д. Все это позволяет постепенно заменять человека в тяжелом, рутинном труде, исключать наличие действий человека во многих технологических процессах. Это в свою очередь сказывается положительно на состоянии производственной дисциплины, а значит и на состоянии охраны труда на производстве.

Вместе с тем, так называемый человеческий фактор, продолжает оказывать значительное влияние на многие процессы в производственной среде, в том числе и на возникновение чрезвычайных ситуаций, которые приводят к техногенным авариям, несчастным случаям и т.п.

Производственный травматизм, который обусловлен нарушениями требований охраны труда в производственной среде, приводит к значительным потерям трудовых ресурсов, приносит огромные материальные убытки, снижает доверие людей к государственным структурам, призванным бороться с нарушениями в сфере охраны труда.

В нашей стране численность пострадавших в результате несчастных случаев на производстве в 2019 году составила 23.3 тыс. человек, в 2020 году – 20.5 тыс. человек, в 2021 году – 21.6 тыс. человек, погибших, соответственно 1.06 тыс. человек, 0.91 тыс. человек, 1.21 тыс. человек.

Следует отметить, что в 2000 году численность пострадавших в результате несчастных случаев на производстве составляла 151.8 тыс. человек, в 2008 году – 58.3 тыс. человек, погибших, соответственно 4.4 тыс. человек и 2.55 тыс. человек [1].

Как видим, статистика показывает снижение, и даже значительное, в течение 20 лет (если сравнить данные 2000 года и 2019 года). Однако, несмотря на это, цифры не утешают, а

заставляют задуматься над решением данного вопроса. Кроме этого, эти цифры вызывают у некоторых исследователей если не сомнения, то скепсис [2].

В процессе расследования уголовных дел, возбужденных по фактам аварий и несчастных случаев на производстве, важную роль играет использование специальных знаний в форме судебной экспертизы.

Судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности является новым родом судебных экспертиз, которые проводятся в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации. Впервые ее начали проводить в ФГБУ Донецкой ЛСЭ Минюста России в 2023 году.

В специальной литературе справедливо отмечается, что инициирующим фактором формирования новых родов и видов судебной экспертизы выступают процессы дифференциации и интеграции научных знаний. Однако нельзя забывать и судебно-следственную практику, которая нуждается в использовании специальных знаний в той или иной сфере. Именно потребности судебно-следственной практики, особенно в новых регионах России, где широко развита сеть угольных шахт и предприятий непосредственно с ними связанных, сыграли ключевую роль в создании нового рода судебной экспертизы, так необходимой для судебно-следственных органов при расследовании нарушений правил охраны труда на предприятиях угольной промышленности. Этому в немалой степени способствовала также инициатива сотрудников федерального бюджетного учреждения «Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации» и федерального государственного бюджетного учреждения «Донецкая лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации».

Следует отметить, что экспертиза по исследованию нарушений правил охраны труда на предприятиях угольной промышленности ранее проводилась в Республиканском центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики. Такая экспертиза называлась горнотехнической. Кроме этого, также проводились экспертизы по охране труда и безопасности жизнедеятельности. Горнотехническая экспертиза появилась в 1995 году, ее теоретические основы были разработаны специалистами Донбасса. Именно Донецкое судебно-экспертное учреждение было на протяжении ряда лет первым и единственным государственным судебно-экспертным учреждением на постсоветском пространстве, которое проводило судебные горнотехнические экспертизы.

Судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности (Исследование соответствия деятельности на опасных производственных объектах требованиям охраны труда и техники безопасности) должна базироваться на определенных теоретических и методических разработках.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что ученым еще предстоит более глубокое осмысление не только научных основ данной экспертизы, но и ее наименования.

Вместе с тем, в настоящее время многие положения судебной экспертизы охраны труда, к чему можно отнести учение о ее предмете, объекте, задачах, нуждаются не только в углубленном изучении, но и требуют систематизированного теоретического обоснования.

Следует отметить, что основными причинами техногенных аварий, несчастных случаев, профессиональных заболеваний и грубых нарушений производственной дисциплины на предприятиях угольной промышленности являются низкая квалификация и некомпетентность персонала, отсутствие надлежащего контроля и надзора за его работой, ослабление требовательности к выполнению правил и норм техники безопасности. Все это ведет к росту количества, в частности, уголовных дел по фактам нарушений законодательства об охране труда.

Судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности проводится, когда стоит задача проанализировать каузальность и выявить причинно-следственные связи между действиями или бездействием причастных к возникновению чрезвычайной ситуации лиц и последствиями, которые наступили для работников, предприятия и окружающей среды. Более того, конечной целью почти каждого экспертного исследования должно быть выявление

именно причинно-следственных зависимостей, так как за техногенные чрезвычайные ситуации, то есть в возникновении которых доминирует «человеческий фактор», должны нести ответственность конкретные люди.

Производственный процесс является многогранной и многокомпонентной целостной системой со сложным способом взаимодействующих элементов (объектов): работников, машин, механизмов, оборудования и окружающей среды, в которой часто применяются опасные средства производства, ведутся работы повышенной опасности и могут происходить опасные природные явления. Любой сбой элемента как техногенного, так и природного происхождения в этой системе может привести к чрезвычайной ситуации.

В практической деятельности назначение судебной экспертизы охраны труда предполагает знание следователем и судом ее предмета, объектов и задач.

В предмет судебной экспертизы охраны труда входят фактические данные об обстоятельствах чрезвычайной ситуации на опасных производственных объектах, а также о причинах и условиях, способствовавших возникновению этой ситуации.

Указанные обстоятельства устанавливаются на основе специальных знаний путем исследования методами судебной экспертизы охраны труда объектов, представленных эксперту органом, назначившим экспертизу.

Объекты судебной экспертизы – это «носители информации о фактах и событиях» [3, с. 16].

Объектами судебной экспертизы охраны труда являются материальные и материализованные источники информации, определенные процессуальным законодательством и представленные эксперту органом, назначившим экспертизу, с целью решения поставленных вопросов и установления фактов, входящих в предмет данной судебной экспертизы.

Наиболее типичные задачи данной экспертизы следующие.

1. Установление механизма и обстоятельств техногенной аварии, произошедшей на предприятии угольной промышленности.

2. Определение технического состояния горных механизмов, машин и устройств и определение технических причин и времени возникновения их неисправностей, если таковые установлены.

3. Определение возможности совершить те или иные действия в заданных технических условиях тем или иным субъектом технологического процесса.

4. Установление причинной связи между действиями того или иного субъекта технологического процесса и наступлением конкретных обстоятельств, приведших к чрезвычайной ситуации.

Совокупность признаков объекта судебной экспертизы является условием и основанием для решения экспертных задач в области любого вида судебных экспертиз, создает «возможность их использования при решении классификационных, диагностических и идентификационных задач» [4, с.16].

Таким образом, понятие предмета, объекта, задач судебной экспертизы охраны труда при расследовании чрезвычайных ситуаций на предприятиях угольной промышленности вызывает интерес как с точки зрения применения экспертных технологий и возможностей данного вида судебной экспертизы, так и с точки зрения эффективности использования специальных знаний в судебно-следственной практике.

Экспертное исследование в рамках судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности при расследовании чрезвычайных ситуаций на предприятиях угольной промышленности состоит из нескольких стадий.

Первая является подготовительной. Она характеризуется тем, что на данной стадии само по себе исследование еще не проводится. Ведется подготовительная работа к нему. На данной стадии судебный эксперт изучает предоставленные материалы дела, оценивает их достаточность, намечает план проведения исследования и т.д.

На второй стадии, которая и является собственно исследованием, проводятся изучение и анализ предоставленных на судебную экспертизу объектов и материалов, анализируются

действия лиц, причастных к возникновению техногенного происшествия, устанавливаются причинные зависимости.

Следует подчеркнуть, что судебные экспертизы охраны труда и техники безопасности решают, как правило, диагностические и ситуалогические задачи. Методическую основу ситуалогических или ситуационных исследований составляет ситуационный анализ механизма происшествия, с помощью которого исследуются действия людей, связанные с использованием орудий труда, которые непосредственно участвуют в следообразовании.

Диагностические задачи решаются, если необходимо определить техническое состояние различных инструментов, машин и оборудования, неисправность которых могла повлиять на возникновение аварийной ситуации, установить способы и режимы проведения работ на соответствующем участке, конкретные организационные и технические причины возникновения исследуемой чрезвычайной ситуации на предприятии.

В некоторых случаях для доказательства существования причинности может потребоваться корреляционный анализ, тогда судебная экспертиза охраны труда и техники безопасности выполняется с применением комплексного подхода, который базируется на инженерно-логических и вероятностно-статистических исследованиях.

На третьей стадии экспертного исследования подводят итоги проведенных исследований и формулируют окончательные выводы.

После завершения проведения судебной экспертизы составляется специальный процессуальный документ – заключение эксперта. Этот документ является конечной целью экспертизы и определяет ее доказательственное значение в деле [5, с. 47].

Формирование нового рода судебной экспертизы в системе судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации позволит на новом, более качественном уровне расследовать уголовные дела по фактам нарушений законодательства об охране труда.

Литература:

1. Росстат. Официальная статистика. URL: http://rosstat.gov.ru/working_conditions. (дата обращения – 10.03.2026).

2. Клейменов М.П., Марковиченко С.В. Криминальная ситуация в сфере охраны труда // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 1(26). – С. 158-169.

3. Шляхов А.Р. Предмет и система криминалистической экспертизы. // Труды ВНИИСЭ. Вып. 3. – М.: ВНИИСЭ, 1971. – С. 11-38.

4. Винберг А.И. Некоторые философские аспекты учения об объекте судебной экспертизы //Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. Сб. научных трудов. – М.: ВНИИСЭ, 1984. – С. 3-21.

5. Методические рекомендации по назначению и производству судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности / Ю.А. Кривченко, Г.Г. Омельянюк, Л.Г. Бордюгов, И.Н. Марченко, Г.Л. Бордюгов – Самара: Самарама, 2024. – 124 с.

Брустилова Альбина Максимовна
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
студент;
Шумаев Дмитрий Геннадиевич
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
доцент кафедры судебных и правоохранительных органов
кандидат юридических наук
(Донецк, Россия)

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

УДК 343.11

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы уголовного судопроизводства в условиях его цифровизации. Выделены условия достижения истины по делу. Показана роль судебного следствия в обосновании судебного решения. Предложены пути совершенствования процедур судебного допроса эксперта, других участников судопроизводства. Обоснованы решения по оптимизации суда присяжных, по обеспечению неизменности состава суда на основе применения цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, судопроизводство, судебное следствие, доказательства, дистанционная

форма.

Abstract. The article examines the problematic issues of criminal proceedings in the context of their digitalisation. The conditions for establishing the truth in a case are highlighted. The role of the judicial examination in substantiating a court decision is demonstrated. The authors propose ways to improve the procedures for questioning an expert and other participants in the judicial proceedings. Solutions for optimising trial by jury and ensuring the immutability of the composition of the court through the use of digital technologies are substantiated.

Keywords: digitalisation, judicial proceedings, judicial examination, evidence, remote form.

Судебное следствие определяет справедливость вынесенного решения. Недостатки и упущения на данном этапе приводят к нарушению права на справедливый суд, негативно отражаясь на авторитете государства и доверии общества к власти. Однако, в условиях цифровизации судопроизводства судебное следствие претерпевает трансформации, что актуализирует уточнение его сущности.

Цель исследования – раскрыть современную сущность и правовую природу судебного следствия в условиях цифровизации судопроизводства.

Структура судебного разбирательства обеспечивает оптимальное соблюдение требований закона, объективности и справедливости выносимых судами решений. На стадии судебного следствия проверяются собранные доказательства, стороны представляют аргументы и доводы относительно предъявленного обвинения либо защиты подсудимого. У суда формируется непосредственное представление о событии, доказательствах и достаточности оснований для вынесения приговора.

Судебное следствие регулируется нормами УПК и представляет собой процедуру непосредственного рассмотрения обстоятельств дела судом первой инстанции [1; 2]. Полагаем, что основной целью судебного следствия – обеспечение полного, объективного и всестороннего выяснения обстоятельств совершенного преступления путем непосредственного исследования всех имеющихся доказательств, – установить истину по уголовному делу. Отметим центральное место судебного следствия в структуре судебного процесса, выделяя режим состязательности в определении вины либо невиновности обвиняемого лица. Судебное следствие представляет собой «структурно обособленную часть судебного разбирательства, в ходе которой судом при активном участии сторон по делу в условиях реализации демократических принципов уголовного процесса осуществляется исследование представленных и истребованных доказательств, имеющих решающее значение для формирования внутреннего убеждения судьи и вынесения законного и обоснованного решения по делу (приговора, постановления, определения)» [3]. Полнота производства судебного следствия обеспечивает «новое, полное, всестороннее, объективное исследование всех обстоятельств дела и вынесения законного и обоснованного приговора» [4, с. 82]. На этом этапе уголовного судопроизводства осуществляется исследование и окончательное оценивание представленных доказательств. Суд устанавливает, совместно со сторонами, их достоверность. Мы акцентируем на активной позиции сторон и суда в исследовании обстоятельств дела, при соблюдении норм процессуального законодательства.

На современном этапе можем наблюдать процессы цифровизации уголовного судопроизводства. Выделим обстоятельства, способствующие внедрению цифровых технологий в ход судебного следствия.

Судебный процесс сопровождаются составлением письменных процессуальных актов – главным образом, протокола судебного заседания. Суд принимает свое решение, опираясь на протокольно зафиксированные доказательства, которые были рассмотрены в рамках данного судебного производства [5]. В условиях состязательности суд выполняет роль независимого арбитра, обеспечивающего равноправие сторон. Фиксация хода судебного разбирательства осуществляется составлением протокола, что направлено на отражение порядка предоставления и оценки доказательств. Протокол впоследствии используется вышестоящими судебными инстанциями для проверки правильности действий нижестоящих судов и соблюдения ими законной процедуры. Именно поэтому председательствующий судья несёт личную ответственность за правильное оформление протокола, обеспечивая точность и объективность отображения в данном документе всей необходимой доказательственной информации. Однако,

учитывая объемность и сложную структуру указанного процессуального документа, вполне оправданным считаем применение средств цифровизации как инструмента представления и анализа доказательственной базы по делу. Полагаем, что использование искусственного интеллекта объективизирует процедуры анализа, сопоставления, выделения и оценки исследованных в ходе судебного следствия доказательств.

По нашим наблюдениям, в современных условиях становится избыточно затратным участие судебных экспертов в судебном заедании. Отмечаем тенденцию к специализации государственных судебных экспертов по видам экспертиз и технической оснащенности проводимых исследований. Данное обстоятельство затрудняет командирование работника государственного судебно-экспертного учреждения в другой город или регион для участия в судебном заседании. Полагаем, что судебный допрос эксперта целесообразно проводить дистанционно в цифровом формате, путем коммуникации автоматизированного рабочего места эксперта и автоматизированного рабочего места судьи.

Путем внедрения цифровых технологий предлагаем упростить и процесс допроса других участников судопроизводства. Очевидно, что современные возможности искусственного интеллекта обеспечивают верификацию допрашиваемого лица и достоверность предоставляемых им показаний.

Принцип гласности судопроизводства обеспечивается возможностью присутствия в зале суда представителей гражданского общества. Однако, такое не всегда достижимо, учитывая необходимость проверки и контроля опасных предметов в зале судебного заседания. Полагаем, что устранить сложности, связанные с ограниченностью вместимости зала судебного заседания, а также обеспечения безопасности открытого судебного заседания, – возможно путем трансляции судебного заседания на соответствующих цифровых ресурсах.

Существенные организационные трудности вызывает проведение суда присяжных. Полагаем очевидным, что цифровизация уголовного судопроизводства решит некоторые организационные проблемы данной формы судопроизводства.

Этап судебного следствия в рамках уголовного процесса должен соответствовать требованиям постоянства судейского состава. Такое требование действует от начала предварительного этапа и вплоть до окончания всех стадий судебного производства. Следовательно, если происходит изменение состава суда – допустим, ввиду заболевания одного из его членов – разбирательство возобновляют сначала, с первоначальной его стадии. Иначе говоря, при смене состава суда уголовное дело рассматривается вновь уже вновь сформированным составом судей. Принимая во внимание современные возможности цифровизации, можно предложить дистанционную форму участия судей в процедурах судебного следствия.

Подводя итоги можно сделать следующие выводы: 1. Судебное следствие представляет собой ключевую составляющую судебного процесса, осуществляемого в ходе заседаний суда, в которой суд совместно с участниками уголовного производства изучает представленные доказательства, чтобы установить обстоятельства, необходимые для справедливого и обоснованного решения по делу; 2. Становится очевидным, что происходящие трансформации в судебном следствии будут продолжаться с учетом развития средств цифровизации и внедрения в следственно-судебную практику современных АРМ (следователя, судьи, эксперта); 3. Совершенствование процессуального законодательства остается актуальной задачей, выполнение которой позволит органам, осуществляющим правосудие, эффективно справляться с современными вызовами судебной практики.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. – № 52 (часть I). – ст. 4921.

2 Меликова И.М. К вопросу о понятии судебного следствия как этапа судебного разбирательства / И.М. Меликова, К.С. Сефикурбанов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 4 (191). – С. 341-342.

3. Сычева О.А. Тактика судебного следствия : монография / О.А. Сычёва. – Ульяновск : Вектор-С, 2012. – 239 с.

4. Григорьев В.Н. Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М. : Эксмо,

2022. – 960 с.
5. Файзерахманова Н.Р. Психологические аспекты судопроизводства с участием присяжных заседателей / Н.Р. Файзерахманова // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 5-2(45). – С. 342-345.

Бурмагин Сергей Викторович
ФГАОУ ВО «Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина»,
профессор кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской,
доктор юридических наук,
судья в почетной отставке
(Москва, Россия)

ОБОСНОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ И ИХ ОБОСНОВАННОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

УДК 343.13

Аннотация. В настоящей статье раскрывается содержание понятия обоснованности судебного решения в уголовном процессе как неотъемлемого свойства акта правосудия и одновременно нормативно-правового требования, предъявляемого к нему как разновидности процессуального решения. Данная категория соотнесена с понятием обоснования судебного решения, под которым понимаются действия судьи по приданию судебному акту требуемого качества обоснованности.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное решение, фактические обстоятельства, обоснованность судебного решения, обоснование судебного решения.

Abstract. This article reveals the content of the concept of the validity of a judicial decision in criminal proceedings as an integral property of an act of justice and at the same time a regulatory requirement imposed on it as a type of procedural decision. This category is correlated with the concept of substantiation of a court decision, which refers to the actions of a judge to give a judicial act the required quality of validity.

Keywords: criminal proceedings, court decision, factual circumstances, validity of the court decision, justification of the court decision.

Процессуальные решения уголовного суда как акты правосудия должны обладать качеством правосудности, составными компонентами которого являются свойства законности, обоснованности, мотивированности и справедливости – правовые требования, которым в силу нормативно-правовых предписаний (ст. 7, 297 УПК РФ) должно соответствовать любое судебное решение [2, с. 529-539].

Тесная взаимосвязь свойств-требований законности, обоснованности и мотивированности судебных решений усложняет разграничение входящих в их содержание требований, что приводит к частому смешению, отождествлению таких близких по содержанию, но все же различных по смыслу и объему понятий как «обоснованность», «обоснованный», «обоснование», «мотивированность», «мотивированный», «мотивирование» и «мотивировка» в их приложении к судебному решению. Поэтому раскрытие содержания категорий «обоснование» и «обоснованность» судебных решений и их соотношения, чему и посвящена настоящая статья, имеет как научное, так и практическое значение.

Главным компонентом, на котором чаще всего строятся дефиниции обоснованности приговора и иных процессуальных решений, признается соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и их доказанность или, что одно и то же, подверженность содержащихся в приговоре выводов и решений установленными судом фактами и доказательствами [1, с. 1210; 5; 6, с. 218; 8, с. 16]. В такой интерпретации учитывается объективная связь задействованных в механизме принятия решений явлений: фактов, доказательств, выводов. Любое процессуальное решение, в том числе судебное, основывается на юридически значимых фактических обстоятельствах, опосредованных доказательствами, поэтому связка «доказательства – факты – выводы» в структуре обоснованности судебного решения выступает ключевым, неотъемлемым элементом.

Правоприменительная деятельность суда заключается в установлении исходных фактов и применении к ним правовых норм, а судебное решение как заключительный акт индивидуального правоприменения аккумулирует в себе результат этой деятельности и поэтому должно покоиться на конкретных фактических и юридических основаниях.

Конкретика первых определяется фактологической индивидуальностью (исключительностью) каждого судебного дела, вторые определены в законе на уровне видов решений. В этой связи понятие обоснованности судебного решения не может ограничиваться только требованием соответствия выводов суда об обстоятельствах дела, но со всей очевидностью должно охватывать соответствие установленным обстоятельствам дела (равно и подтверждающим эти обстоятельства доказательствам) всех иных, в том числе правовых, выводов, обуславливающих то или иное резолютивное решение, включаемое в принимаемый акт правосудия.

В пользу такого суждения можно сослаться на положения ст. 389.16 УПК РФ, которая раскрывает такое основание для отмены (изменения) приговора и иного судебного решения как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, но при этом не конкретизирует эти выводы, следовательно, подразумевает любые изложенные в судебном решении выводы без исключения, в том числе правового характера.

Как свойство судебного решения обоснованность выражает «объективные связи между результатами познания, закрепленными в описательной части приговора и решением по делу» [4, с. 13], а как правовое требование означает предписание суду вынести решение в точном соответствии со сформировавшимися и имеющимися в наличии фактическими основаниями. Соответственно обоснованным (*обоснованный* – подкрепленный фактами, убедительными доказательствами, основательный [7, с. 371; 9, с. 558]), т. е. реально обладающим свойством обоснованности или, иначе говоря, соответствующим требованию обоснованности, следует признать решение, в котором имеется указанная объективная связь – требуемое соответствие выводов и предписаний суда установленным фактическим обстоятельствам и совокупности доказательств, без которых установление и констатация фактов невозможна.

Таким образом, в развернутом виде обоснованность как необходимое и неотъемлемое внутреннее свойство любого решения уголовного суда и одновременно как правовое требование к его качественному состоянию означает соответствие вынесенного решения наличным, т.е. реально существующим и правильно установленным, фактическим основаниям его принятия, которое подразумевает, что: а) содержащиеся в судебном решении результирующие предписания согласуются с выводами суда, на которых эти резолюции основаны; б) выводы и резолюции суда по всем разрешаемым вопросам соответствуют установленным в судебном заседании фактическим обстоятельствам дела и закономерно вытекают из них; в) фактические обстоятельства дела установлены судом достоверно и в полном объеме, необходимом для принятия решения, на основе исследованных в ходе судебного разбирательства доказательств; г) в решении между различными суждениями, выводами суда отсутствуют противоречия [2, с. 590-591].

В свою очередь обоснование судебного решения следует рассматривать как интеллектуальную, логико-мыслительную деятельность судьи (судей) по выявлению, установлению и проверке связи выбираемого варианта решения и предшествующего этому выбору окончательного вывода о наличии в деле фактических и юридических оснований для принятия данного решения с достоверно установленными по делу фактическими обстоятельствами и доказательствами, на основе которых эти обстоятельства установлены.

Очевидно, что указанную связь невозможно установить без анализа и оценки доказательств и познаваемых с их помощью обстоятельств дела. Обоснование судебного решения сопровождается, а точнее заключается именно в анализе и оценке источников и доказательственной информации и ее содержания, в констатации и оценке (в том числе правовой) отдельных установленных фактов, их синтезе в единое событие, в единую фактическую основу рассматриваемого дела или отдельного процедурного вопроса, наконец, в аргументировании и формулировании выводов, вытекающих из выполненных анализа и оценки достоверно установленных обстоятельств. Вся эта деятельность охватывается процессом обоснования судебного решения. Результатом обоснования судебного решения, если оно выполнено судьей (судьями) надлежащим образом, с соблюдением установленных законом условий, будет являться придание судебному акту желаемого и необходимого для его правосудности свойства обоснованности.

Как отмечается в научной литературе [2, с.595-597; 10, с.6], необходимо различать статический и динамический аспекты обоснованности решения и четко разграничивать их в теоретических изысканиях и в практической деятельности. Статистический аспект выражает качественную, многоплановую характеристику (свойство) судебного решения, динамический – мыслительную деятельность судьи, операцию по обоснованию, аргументации принятого решения. При этом понятие «обоснование судебного решения» в значении указанной деятельности шире понятия «обоснованность судебного решения», поскольку включает в себя обоснование решения как с фактической, так и с юридической стороны.

Требование обоснованности детерминирует необходимость обоснования судебного решения, в свою очередь обоснование судебного решения является условием (предпосылкой) реализации требования обоснованности.

Необходимость разграничения обоснованности и обоснования судебного решения обусловлено и тем, что в отличие от свойства обоснованности, которое отражает объективное состояние, «обоснование субъективно и выступает как «для себя», так и для «внешнего адресата», т. е. как мотивировка» [4, с.8]. В данном контексте мотивировка фигурирует в значении действия – мотивирования принимаемого решения и очень близка по смыслу к понятию «обоснование» судебного решения, что вполне оправдано, если принять во внимание лексические значения указанных слов.

В русском языке в общеупотребительном плане слово обосновать (обосновывать) – значит «подкрепить, подтвердить убедительными доказательствами; дать обоснование, привести серьёзные доводы в пользу чего-либо; доказать правильность чего-нибудь [9, с.558], а мотивировать означает «приводить мотивы, доводы, объясняющие, оправдывающие какое-либо действие, поступок, доказывающие необходимость какого-либо действия» или «приводить мотивы, доводы в пользу чего-нибудь» [7, с.311].

В приложении к судебному решению получается, что обосновать – значит доказать правильность выводов и предписаний суда, подтвердить их убедительными доказательствами, подкрепить серьезными доводами, а мотивировать – привести мотивы, доводы в пользу принимаемого судом решения, объясняющие и доказывающие его необходимость в конкретной правовой ситуации. Как видим, термины «обосновывать» («обосновать») и «мотивировать», «обоснование» и «мотивировка», «обоснованный» и мотивированный» по смыслу очень близки, и в словарях русского языка они нередко представлены как взаимно определяющие и даже синонимичные, что и отражается на содержании научных понятий и дефиниций, построенных с использованием этих терминов и представленных в процессуальной теории. Тем не менее, в законе обоснованность и мотивированность фигурируют как самостоятельные правовые требования, поэтому нуждаются в четком смысловом разграничении.

Полагаем, что обоснование и мотивирование – две стороны одного процесса, единого этапа принятия судебного решения. Если обоснование – сугубо мыслительный процесс, то мотивирование – объективирование этого процесса, его внешнее выражение в процессуальных формах.

Формально обоснование-мотивирование можно разделить на два последовательных действия. Сначала судья мысленно обдумывает решение: оценивает по отдельности и в совокупности исследованные доказательства, отбраковывает недоброкачественные, улавливает и закрепляет в своем сознании объективно существующие и подтвержденные доказательствами связи между отдельными фактическими обстоятельствами, выявляет между ними и правовыми нормами логические и содержательные отношения, формулирует промежуточные и окончательные выводы, посредством логико-мыслительных операций перепроверяет соответствие этих выводов исходным фактическим данным, то есть обосновывает решение «для себя». Затем судья последовательно излагает сформированное в сознании обоснование в письменной форме, перенося его в текст описательно-мотивировочной части судебного решения, тем самым адресуя его уже другим субъектам.

Такое деление очень условно и имеет целью только выделение двух смыслов (двух сторон) обоснования – внутреннего и внешнего, но не отражает реального процесса

обоснования судьей принимаемого им решения, в котором обоснование «для себя» и обоснование «для внешнего потребления» (мотивирование), как правило, протекают одновременно и тесно переплетаются. Конечно, первоначально, прежде чем быть изложенной письменно, каждая мысль должна сформироваться в сознании, и в этом смысле обоснование «для себя» первично, но в целом процесс «внутреннего» обоснования решения судьей, как правило, сопровождается написанием им письменного текста и его последующей корректировкой (правкой и уточнением, изменением компоновки содержательных частей, направленности изложения и т.п.), то есть неразрывен с «внешним» обоснованием решения – его мотивированием.

Изложенное понимание соотношения понятий обоснованность и обоснование судебных решений соответствует наиболее распространенному в теории уголовного процесса пониманию мотивировки (у некоторых авторов – мотивированности) судебного решения как внешнего выражения его обоснованности [6, с.223; 11, с.327]. В этом аспекте Г.И. Загорский, определяет мотивированность как «такое свойство приговора, которое показывает взаимосвязь между исследованными в судебном разбирательстве доказательствами и сделанными на их основе выводами суда» [3, с.30]. Таким образом, сущность мотивирования («внешнего обоснования») судебного решения заключается в подтверждении (закреплении) в процессуальной форме фактических и юридических оснований его принятия, и объяснении судом выбора варианта принимаемого решения на основе предварительно сформировавшегося судейского убеждения о том, что такое решение отвечает критериям обоснованности и будет являться правосудным.

Литература:

1. Бажанов М.И. Избранные труды / отв. ред. В.Я. Таций. – Харьков: Право, 2012. – 1244 с.
2. Бурмагин С.В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 720 с.
3. Загорский Г.И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практич. пособие. – М.: Проспект, 2010. – 200 с.
4. Козина Т.В. Судебное следствие и обоснованность приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1992. – 23 с.
5. Куцова Э.Ф. Приговор и его качества // Законодательство. – 2009. – № 12. – С. 580-74.
6. Лупинская П.А. Решение в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 240 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1985. – С. 797.
8. Пашкевич П.В. Законность и обоснованность судебного приговора: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1958. – 20 с.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Изд. 3-е, стер. Т. 2. К-О. – М.: Рус. яз., 1986. – 736 с.
10. Сморчков А.И. Обоснованность правоприменительного решения: Теоретико-управленческий аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1989. – 24 с.
11. Строгович М.С. Курс уголовного процесса: В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1970. – 516 с.

Гапотченко Геннадий Николаевич
ФГБОУ «Донбасский государственный университет юстиции»
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(Донецк, Россия)

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ КОНКРЕТНОГО ЛИЦА: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

УДК 343.13

Аннотация. В статье исследуются отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, которые определяют основания и процессуальный порядок возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Автором отмечаются отдельные замечания и обосновываются предложения по усовершенствованию правовой регламентации норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации по данному вопросу.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, предварительное следствие, преступление, презумпция невиновности, раскрытие преступления, уголовное дело, уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Annotation. The article examines certain norms of the criminal procedure legislation of the Russian Federation,

which determine the grounds and procedural order for initiating a criminal case against a specific person. The author notes certain comments and substantiates proposals for improving the legal regulation of the norms of the criminal procedure legislation of the Russian Federation on this issue

Key words: initiation of a criminal case, preliminary investigation, crime, presumption of innocence, crime detection, criminal case, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Принцип презумпции невиновности закреплён в статье 49 Основного закона Российской Федерации – Конституции, и отражен во многих нормативных правовых актах Российской Федерации:

- уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 14) далее – УПК РФ) [1];
- Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст.. 5.) [2];
- Налоговом кодексе Российской Федерации [3], и других.

Уголовное судопроизводство в РФ с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (досудебное производство), и до вступления приговора суда по уголовному делу в законную силу регулируются нормами УПК РФ.

В нём даётся определение всех участников (субъектов) уголовного судопроизводства, которые уполномочены вести уголовный процесс и которые, в соответствии с УПК РФ, имеют определённые процессуальные права и обязанности (потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный).

Анализ указанных выше норм УПК РФ даёт основания сделать вывод о том, что в целом они изложены понятно, а указанные выше субъекты приобретают свой процессуальный статус в соответствии с процессуальным решением (постановлением) следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя.

Таковыми процессуальными решениями являются:

- постановление о признании лица потерпевшим по уголовному делу (гражданским истцом, гражданским ответчиком);
- постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого.

В соответствии с ч1 ст.46 УПК РФ, *подозреваемым* является лицо:

1) либо в отношении, которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 настоящего Кодекса;

2) либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса;

3) либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса;

4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 настоящего Кодекса.

В соответствии со ст.47 УПК РФ *обвиняемым признаётся* лицо, в отношении которого:

1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого;

2) вынесен обвинительный акт;

3) составлено обвинительное постановление.

Обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, *именуется подсудимым.*

Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, *именуется осужденным*.

Обвиняемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, *является оправданным.*

Таким образом, анализируя нормы УПК РФ, следует сделать вывод о том, что все указанные выше субъекты приобретают свой статус на основании определённого процессуального решения (постановления или определения), за исключением подозреваемого, когда в отношении определённого лица возбуждается уголовное дело, и, соответственно такое лицо сразу же приобретает статус подозреваемого.

В этом случае, в соответствии с УПК РФ, достаточно указать данные такого лица (ФИО)

в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Указанная трактовка статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве вызывает дискуссию на протяжении длительного времени.

Основной целью данной научной работы является исследование норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), выявление проблемных вопросов по теме исследования, формулировка выводов и обоснование конкретных предложений по усовершенствованию норм УПК РФ.

Действующий в настоящее УПК РФ во многом базируется на нормах предыдущего Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Республики (далее – УПК РСФСР), который был принят 27 октября 1960 г. и утратил силу с 1 июля 2002 г. [4].

Следует отметить, что дискуссия о придании статуса подозреваемого лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело, как и возможность возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, была ещё до принятия указанного дополнения в УПК.

Вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела, исследовали в своих научных работах С. Бажанов, С.В. Бородин, Ю.Н. Белозёров, В.Н. Григорьев, Н.В. Жогин, В.И. Зажицкий, В.С. Зеленецкий, В.А. Колодяжный, А.М. Ларин, П.А. Лупинская, Я.А. Мотовиловкер, М.С. Строгович, В.М. Тертышник и другие.

Необходимо отметить, что вопросы правового регулирования статуса подозреваемого были ранее предметом и нашего исследования [5].

Вместе с тем, отдельные вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела в отношении конкретного лица, остаются дискуссионными и актуальными до настоящего времени.

Первоначальная редакция ст.52 УПК отмечала, что подозреваемым признаётся:

1) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления;

2) лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения.

В соответствии с Федеральным Законом от 20.03.2001 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией прав человека и основных свобод», ч. 1 ст.52 УПК РСФСР была дополнена отдельным пунктом 1 следующего содержания:

«1) лицо, в отношении которого на основаниях и в порядке, установленных настоящим Кодексом, возбуждено уголовное дело; пункты 1 и 2 считать соответственно пунктами 2 и 3» [6].

В этой же редакции данная норма вошла в действующий УПК РФ 2001 г.

В соответствии с ч.1 ст. 46 УПК РФ, подозреваемым является лицо:

1) либо в отношении, которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 настоящего Кодекса;

2) либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса;

3) либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса;

4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 настоящего Кодекса.

Для того, чтобы попытаться понять логику законодателя, и чем была вызвана необходимость дополнения УПК нормой о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица одновременно с наделением его статусом подозреваемого, по нашему мнению, следует сделать небольшой исторический экскурс в те времена, и отметить ряд взаимосвязанных между собой факторов:

- распад Союза Советских Социалистических Республик и образование на основе союзных республик отдельных независимых государств со своим законодательством, правительством, Конституцией;

- резкий рост преступности и появление новых видов преступлений, которых не было ранее – вымогательство (рэкет); похищение людей; торговля людьми и др.;

- отмена в Конституции СССР нормы о руководящей и направляющей роли

Коммунистической Партии Советского Союза (КПСС), а затем и полный запрет КПСС;

- образование в каждом из вновь образованных независимых государств своих всевозможных политических партий, вплоть до Партии любителей пива, которая была создана в Российской Федерации, зарегистрирована в Минюсте РФ 10 апреля 1995 г. В 1998 г. ликвидирована после неудачных выборов в Гос. Думу РФ [7];

- правовой нигилизм граждан, когда словосочетание «возбуждение уголовного дела» ассоциировалось у них как уже со свершившемся фактом уголовного наказания в виде реального тюремного срока;

- отсутствие правовой культуры у некоторых высокопоставленных политиков того времени (их фамилии всем хорошо известны и сейчас), которые в своих публичных выступлениях «пугали» своих политических оппонентов «возбуждением уголовного дела».

Таким образом, внесением данной нормы, законодатель с самого начала придал уголовному процессу обвинительный уклон, так как ни одна из норм ныне действующего УПК РФ не содержит понятия юридических признаков и оснований, по которым на момент возбуждения уголовного дела следует определять такое лицо.

Необходимо указать, что примерно в эти же годы в Украине была принята аналогичная норма. На основании Закона Украины № 358/95-вр от 05.10.95 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Украины в связи с принятием Закона Украины «О борьбе с коррупцией» ст. 98 УПК Украины была дополнена частью второй следующего содержания: «если на момент возбуждения уголовного дела установлено лицо, совершившее преступление, уголовное дело должно быть возбуждено в отношении этого лица». С принятием нового УПК Украины в 2012 г. указанная норма была удалена, как и понятие «уголовное дело».

Необходимо отметить, что внесением указанных дополнений законодатель создал определённые неразрешённые вопросы, которые вызывают диаметрально противоположные мнения среди учёных-процессуалистов, вплоть до настоящего времени.

Некоторые авторы скептически высказывались о придании статуса подозреваемого лицу, фамилия которого указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела, отмечая её политизированную составляющую [8, с. 51-54].

Крайне негативно была воспринята указанная новация следователями, поскольку, во многих случаях под влиянием «надзирающих структур» следователи были вынуждены возбуждать уголовные дела в отношении конкретных лиц даже тогда, когда реальной была перспектива их прекращения в дальнейшем.

Не было единообразного понимания статуса указанного лица и в судейском корпусе. Так, в постановлении о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования от 28.02.2005 г., судья одного из районных судов г. Донецка делает вывод л том, что установлением лица, совершившего преступление, «следует считать момент (в том числе зафиксированный соответствующими процессуальными документами), с которого органу дознания, следователю или прокурору стали известны его анкетные данные» [9, с.91].

Адвокат А.П. Антонов отмечает, что «для того, чтобы возбудить уголовное дело в отношении конкретного лица, следователь (дознаватель и др.) должен располагать сведениями как минимум о трех обстоятельствах:

- что имело место деяние, содержащее признаки объективной стороны состава преступления;

- что в его совершении принимало участие конкретное лицо;

- фамилия, имя и отчество данного лица.

Точно установленным должно быть только первое из названных обстоятельств. Второе и третье обстоятельства могут быть установлены предположительно» [10].

Полагаем, что такая позиция не всегда верная. 10 августа 2000 г. в 11.28 час. во время учений в Баренцевом море произошёл взрыв на атомной подводной лодке (АПЛ) «Курск» когда АПЛ находилась в подводном положении. Спустя несколько минут акустическими приборами крейсера «Пётр Великий» был зафиксирован второй взрыв. В результате погибли все члены экипажа – 118 человек [11].

Не касаясь этических вопросов, попробуем дать юридическую оценку указанным выше событиям.

Возможно ли без возбуждения уголовного дела и выполнения необходимых следственных действий вообще установить, имело ли место какое-либо преступление, либо указанные события явились следствием природного стихийного характера? Возможно ли даже без осмотра места происшествия, к которому не имеется доступа в связи с отсутствием доступа к АПЛ, которая затонула на глубине 100 метров, принять решение о возбуждении уголовного дела? Возможно ли на время возбуждения уголовного дела определить по какой статье Уголовного кодекса следует квалифицировать вероятное преступление: диверсия; террористический акт; халатность, или другое?

Возможно ли (и целесообразно), имея анкетные данные практически всех членов экипажа, возбуждать уголовное дело в отношении какого-либо конкретного лица из их числа?

Ответ на эти вопросы содержится в определении известного ученого-процессуалиста Я.А. Мотовиловкера, который справедливо указывал, что «в отдельных случаях уголовное дело возбуждается не потому, что преступление совершено, а именно для того, чтобы установить совершено ли оно (со всеми для лица, его совершившего, последствиями)?» [12, с. 41].

В ходе расследования было назначено и проведено множество различных экспертиз, моделирование ситуации с аналогичной моделью торпеды и др.

В результате проведенного расследования было установлено, что в первом отсеке АПЛ произошёл взрыв кислородно-керосиновой смеси и возник пожар. В действиях членов экипажа АПЛ «Курск» отсутствует состав преступления, и уголовное дело было прекращено.

Известны случаи из личной следственной практики, когда, казалось бы на первый взгляд простая ситуация по вопросу об установлении виновности того или иного лица в совершении ДТП на момент возбуждения уголовного дела, при проведении предварительного следствия даёт совершенно противоположные результаты, и указывает на невиновность, например, водителя в том же наезде на пешехода, в результате которого наступила смерть последнего, а уголовное дело на вполне законных основаниях подлежит прекращению в связи с отсутствием состава преступления.

Многолетний личный опыт следственной работы даёт основания утверждать, что уголовные дела по отдельной категории преступлений (например, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 Уголовного кодекса РФ), – так называемые «дела по ДТП») возбуждаются, как правило, когда известны все его участники. При этом, в описательно-мотивировочной части постановления о возбуждении уголовного дела фабула излагается уже в утвердительной форме, примерно следующего содержания.

Пример. «30.01.2026 г. примерно в 10 часов водитель автомобиля ВАЗ-2106 гос. номер «123-45 ДОН» Иванов А.А., двигаясь по бульвару Шевченко в Калининском районе г. Донецка, на проезжей части совершил наезд на пешехода Петрова А.А., в результате чего Петров А.А. получил тяжкие телесные повреждения, повлекшие его смерть на месте» *(все события, даты, время и участники являются вымышленными).*

Кто из указанных граждан в данной ситуации должен иметь статус подозреваемого, и на каком основании? Казалось бы, из приведенного примера усматривается вина водителя Иванова А.А., но если ту же фабулу изложить по-другому, то и предполагаемый виновник ДТП может измениться.

Другой пример.

«30.01.2026 г. примерно в 10 часов пешеход Петров А.А., находясь на тротуаре бульвара Шевченко в Калининском районе г. Донецка, не убедился в безопасности и отсутствии движущегося транспорта, в нарушение Правил дорожного движения, выбежал на проезжую часть вне пешеходного перехода в непосредственной близости перед движущимся навстречу автомобилем ВАЗ-2106 гос. номер «123-45 ДОН» под управлением водителя Иванова А.А., в результате чего был сбит указанным автомобилем. От полученных телесных повреждений Петров А.А. скончался на месте ДТП» (все события, даты, время и участники являются вымышленными).

Многие процессуалисты выступают противниками возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица.

Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин отмечают, что, «когда в первичных материалах содержатся сведения относительно определенного лица, которое в дальнейшем может быть привлечено в качестве обвиняемого, соответствующее подозрение имеет лишь фактическое значение. Когда уголовное дело возбуждается в отношении определенного лица, то указанное лицо фактически связывается с преступным фактом. Оно не только фактически подозревается в преступлении, а юридически, в процессуальном акте привлекается к возбужденному уголовному делу, чем превращается в подследственного, своего рода обвиняемого. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает только один порядок возложения на лицо обязанности нести уголовную ответственность – привлечение в качестве обвиняемого и предъявление обвинения. До этого момента никто не имеет ни фактических, ни юридических оснований, чтобы официально констатировать причастность определенного лица к преступлению, возлагать на лицо обязанность в уголовном порядке отвечать за него». Поэтому, уголовное дело, справедливо указывают они, должно возбуждаться именно по факту преступления [13, с. 40, 51-54, 180-182].

Академик В.С. Зеленецкий справедливо делает вывод о том, что «само постановление о возбуждении уголовного дела (даже в отношении определенного лица) не содержит утверждения о виновности этого лица в совершении определенного преступления, поскольку согласно УПК, обвинение по делу начинается с момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Ни по форме, ни по содержанию постановление о возбуждении уголовного дела отнести к актам обвинения невозможно» [14, с. 222-223].

При исследовании вопроса возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, классик отечественной уголовно-процессуальной науки профессор М.С. Строгович указывал, что «следует твердо придерживаться принципа: уголовно дело возбуждается в отношении факта, события преступления (in rem), но не лица (in personam); лицо же привлекается в качестве обвиняемого по уже возбужденному уголовному делу, при наличии законных оснований. Даже и тогда, когда во время возбуждения уголовного дела имеются сведения в отношении лица, совершившего преступление, все равно уголовное дело должно быть возбуждено не в отношении этого определенного лица, а именно по факту, событию преступления. Эти сведения необходимо проверить, подтвердить доказательствами, а это возможно лишь в последующих стадиях процесса, но никак не во время возбуждения дела. Даже когда человека задержали на месте преступления, возбуждение уголовного дела не будет совпадать с привлечением лица к уголовной ответственности, поскольку постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого будет вынесено следователем уже после постановления о возбуждении уголовного дела» [15, с. 11-12].

Следует согласиться с мнением профессора И.В. Смольковой о том, что «само постановление о возбуждении уголовного дела в отношении лица не формулирует основание подозрения в отношении него. Вполне вероятно возникновение процессуальных ситуаций, когда в возбуждении уголовного дела будет отказано (например, когда к следователю доставлено лицо, не причастное к совершению преступления или не достигшее возраста уголовной ответственности). Если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, то для признания лица подозреваемым необходимо либо его задержать, либо избрать ему меру пресечения до предъявления обвинения. Вместе с тем, наличие подозрения не всегда достаточно как для задержания, так и для избрания меры пресечения» [16, с. 73].

В дополнение к ранее изложенному нами тезису о том, что в отдельных случаях политики угрожают друг другу «возбуждением уголовного дела», следует привести публикацию в издании «Европейская правда» о том, что «Президент Украины Владимир Зеленский и белорусская оппозиционерка С. Тихановская 25 января 2026 года встретились в Вильнюсе и обсудили возможность возбуждения уголовного дела против президента Белоруссии Александра Лукашенко». По мнению издания, такой шаг нужен для того, чтобы помешать усилиям администрации американского президента Дональда Трампа по выводу

белорусского лидера из международной изоляции [17].

Вот уж точно, апофеоз правового нигилизма, поскольку очевидно, что в данном случае не то, что состав преступления отсутствует, а отсутствует само событие какого-либо преступления. Налицо чисто политическая составляющая.

Возвращаясь к анализу норм действующего УПК РФ, следует сделать вывод о непоследовательности законодателя. Это заключается в том, что УПК РФ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, но не ОБЯЗЫВАЕТ (прим. автора – Г.Г.) делать это следователя, а также на законодательном уровне не определяет критерии, по которым на момент возбуждения уголовного дела следует юридически определять «лицо, совершившее преступление», а также не определяет в каких случаях дело следует возбуждать в отношении конкретного лица, а в каких случаях по факту совершения определённого преступления.

Часть 2 ст. 146 УПК РФ не требует и не обязывает в постановлении о возбуждении уголовного дела указывать конкретное лицо, в отношении которого возбуждается уголовное дело.

Если следовать такой логике, то тогда и предварительное следствие проводить нет необходимости, а все уголовные дела, которые возбуждены в отношении конкретного лица, следует на основании одного только постановления о возбуждении уголовного дела сразу же направлять в суд для рассмотрения по существу. Ведь лицо, совершившее преступление, уже установлено.

Раскрываемость – 100%, рай для отдельных оперативных работников.

Как известно, в статусе подозреваемого лицо может находиться до 10 суток, после чего ему должно быть предъявлено обвинение.

По отдельным категориям уголовных дел предъявить обвинение в течение 10 суток с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица сложно, а иногда и вообще невозможно по ряду объективных причин (большой объём проведения следственных действий, длительный срок проведения отдельных экспертиз и др.).

Сложно понять, к чему нужна такая спешка возбуждать уголовное дело в отношении конкретного лица? Полагаем, что такая регламентация статуса подозреваемого в УПК РФ явно противоречит принципу презумпции невиновности. По своему содержанию она является не юридически обоснованной, а популистской от начала до конца, и, рассчитана не на познания в области юриспруденции, а на слух обывателя о том, что «раскрыто очередное преступление».

Данная норма не способствует защите прав и свобод граждан, в отношении которых возбуждаются уголовные дела. Считаем, что во время предварительного следствия единственным законным способом установления лица, совершившего преступление (предварительно), в соответствии с нормами действующего УПК РФ является привлечение такого лица в качестве обвиняемого.

До этого, а тем более, при возбуждении уголовного дела делать выводы о виновности определенного лица в совершении преступления преждевременно.

Выводы. Изложенное позволяет сформулировать предложения в УПК РФ.

УПК РФ *предусматривает* возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, но не *обязывает* делать это следователя, а также на законодательном уровне не определяет критерии, по которым на момент возбуждения уголовного дела следует юридически определять «лицо, совершившее преступление».

Часть 2 ст.146 УПК РФ не требует и не обязывает в постановлении о возбуждении уголовного дела указывать конкретное лицо, в отношении которого возбуждается уголовное дело.

Нормы УПК РФ не конкретизируют в каких случаях уголовное дело следует возбуждать в отношении конкретного лица, а в каких случаях по факту совершённого преступления.

Принятием данной нормы законодатель с самого начала придал уголовному процессу обвинительный уклон, что явно не способствует защите прав и свобод граждан, в отношении которых возбуждаются уголовные дела. Считаем, что данные дополнения являются

политическим популизмом, и не основаны на нормах права.

Предложения.

Пункт 1 части 1 ст. 46 следует исключить из действующего УПК РФ как противоречащий другим нормам этого же УПК.

Дополнить ст.14 УПК РФ «Презумпция невиновности» частью 5 следующего содержания: «Преступление следует считать раскрытым, а лицо, совершившее его установленным, только на основании обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу».

Полагаем, что законодателю следует исключить из норм УПК РФ политику в данном вопросе и вернуться в правовое поле.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2065 г.) Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.01.2026).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026 г.) Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 26.01.2026).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая). Принят Государственной Думой 16 июня 1998 года. Одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года. Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671 / (дата обращения: 26.01.2026).
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960. Основной Федеральный закон, регламентирующий производство по уголовным делам (ред. от 29.12.2001 с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002 г.) (утратил силу). Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 26.01.2026).
5. Гапотченко Г.Н. Правовое регулирование статуса подозреваемого по законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: Материалы III Международной научно-практической конференции, 25-26 мая 2023 года, г. Донецк / отв. ред. к.ю.н., доцент С.Ю. Мироненко. – «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России. – Донецк, 2023. – 670 с. – С.109-116.
6. Федеральный Закон от 20.03.2001 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией прав человека и основных свобод». Принят Государственной Думой 21 февраля 2001 года. В редакции Федерального закона от 30.12.2001 г. № 196-ФЗ. Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30787/ (дата обращения: 29.01.2026).
7. Партия любителей пива (Россия). Электронный ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki_Партия любителей пива_(Россия) (дата обращения: 29.01.2026).
8. Бажанов, С. Оправдана ли так называемая доследственная проверка? // С. Бажанов / Законность. – 1995. – № 1. – С.51-54
9. Гапотченко Г.Н. Судебное производство по уголовным делам (сборник судебных решений): Практическое пособие (для всех форм обучения) / Сост.: Г.Н. Гапотченко, Кафедра уголовного процесса ДЮИ. – Донецк: ДЮИ, 2007. – 292 с.
10. Антонов А.П. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица. Электронный ресурс. URL: https://pravo163.ru/vozbuzhdenie-ugolovnogo-dela-v-otnoshenii-konkretnogo-lica/?ysclid=lf2i7zz95h261484594 (дата обращения: 29.01.2026).
11. Катастрофа АПЛ «Курск». Электронный ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Катастрофа_АПЛ_«Курск» (дата обращения: 29.01.2026).
12. Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты (вопросы факта и права) / Я.О. Мотовиловкер. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, – 1984. – 152 с.
13. Жогин Н.В. Возбуждение уголовного дела / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – Москва: Госюриздат. – 1961. – 206 с.
14. Зеленецкий В.С. Возбуждение уголовного дела / В.С. Зеленецкий. – Харьков: Издательство «КримАрт», – 1998. – 340 с.
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2 / М.С. Строгович. – Москва: Наука, – 1970. – 516 с.
16. Смолькова И.В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица как основание его признания подозреваемым (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) / И.В. Смолькова // Lex russica, – 2021. – Т. 74. – № 4. – С. 71-78.
17. Издание «Европейская правда узнала, что Зеленский обсудил уголовное дело против Лукашенко». Электронный ресурс. URL: https://www.rbc.ru/politics/27/01/2026/69787ed89a79474e07333e9a (дата обращения: 16.02.2026).

Гнатенко Светлана Геннадьевна
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
студент
(Симферополь, Россия)

РОЛЬ СУДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРИНЦИПОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ СТОРОН В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 343.131.2

Аннотация. В статье исследуется роль суда как участника уголовного процесса, ответственного за обеспечение принципов состязательности и равноправия сторон. Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления формального подхода к данным принципам для достижения объективной истины. Автор анализирует процессуальные полномочия суда, позволяющие компенсировать дисбаланс ресурсов сторон и гарантировать справедливое судопроизводство.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, принцип состязательности, принцип равноправия сторон, процессуальные полномочия, судебное следствие, доказательства.

Abstract. The article examines the role of the court as a participant in criminal proceedings responsible for ensuring the principles of adversarial proceedings and equality of the parties. The relevance of the topic is due to the need to overcome a formal approach to these principles to achieve the objective truth. The author analyzes the procedural powers of the court that allow compensating for the imbalance of the parties' resources and ensuring fair justice.

Keywords: criminal procedure, court, adversarial principle, principle of equality of the parties, procedural powers, judicial investigation, evidence.

Конституционная имплементация принципов состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации) обусловила кардинальную ревизию процессуального статуса суда в системе уголовного судопроизводства. Эволюция от следственно-активной роли к модели арбитра, ответственного за обеспечение справедливого правового спора между обвинением и защитой, обозначила новую парадигму судебной деятельности. При этом в доктринальном и правоприменительном дискурсе сохраняется дискуссия относительно оптимальных параметров и содержательных границ активности суда в рамках обновленной процессуальной конструкции. Декларируемое равноправие сторон нередко нивелируется асимметрией их материальных, организационных и информационных ресурсов, где сторона государственного обвинения обладает значительным преимуществом перед стороной защиты. В свете указанных противоречий актуализируется потребность в системном исследовании комплекса процессуальных прерогатив суда, ориентированных на их целевое использование в качестве инструмента достижения действительного, а не формального, равноправия сторон, выступающего непременным условием реализации принципа состязательности, установления объективной истины и постановления законного и обоснованного судебного решения.

Правовая регламентация статуса суда как участника уголовного процесса, призванного обеспечивать состязательность и равноправие, содержится в ст. 15 УПК РФ. Ч. 3 указанной статьи возлагает на суд обязанность создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Данная норма получает конкретизацию в ст. 243 УПК РФ, согласно которой председательствующий в судебном заседании принимает все предусмотренные законом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон. Как верно отмечает С.В. Бурмагин, установление для суда широкого перечня обязанностей по обеспечению равенства сторон является признаком того, что в судебном разбирательстве это основное направление его деятельности [5, с. 156]. Обязанность по созданию условий для реализации сторонами своих прав выражает обеспечительную функцию суда.

Реализация этой обеспечительной функции проявляется, прежде всего, в руководстве судебным следствием. Суд не является стороной в споре, но он организует и контролирует процедуру исследования доказательств. В соответствии с ч. 3 ст. 274 УПК РФ суд вправе по собственной инициативе вызвать и допросить лицо в качестве свидетеля или назначить

экспертизу, если это необходимо для проверки доказательств, представленных сторонами. Данное полномочие является ярким примером «относительной активности» суда, о которой пишут В.Н. Перекрестов и В.М. Шинкарук [7, с. 43]. Подобная процессуальная активность суда не должна квалифицироваться в качестве нарушения принципа состязательности либо оказания неправомерного содействия одной из сторон процесса. Напротив, указанная деятельность судебного органа имеет целью нейтрализацию возможной пассивности стороны защиты либо восполнение недостаточной доказательственной обоснованности позиции обвинения, что в своей конечной цели корреспондирует задаче установления объективной истины по уголовному делу. Как справедливо указывает А.А. Камардина, результативность состязательности как инструмента судебного познания во многом зависит от воли, инициативы и активности судей [6, с. 251].

Ключевым аспектом деятельности суда как гаранта равноправия является его полномочие по оказанию содействия сторонам в представлении доказательств. Сторона защиты, не обладая властными полномочиями по принудительному истребованию документов или обеспечению явки свидетелей, может реализовать свое право на защиту лишь через суд. Удовлетворение судом ходатайств защиты об истребовании доказательств, вызове свидетелей, назначении судебной экспертизы (ст. 271 УПК РФ) является важнейшей гарантией компенсации процессуального неравенства. Т.П. Шестакова определяет это как обязанность суда по «содействию активности сторон», что означает оказание необходимой помощи в использовании процессуальных средств доказывания таким участникам, которые в силу различных обстоятельств не могут реализовать свой состязательный потенциал в полном объеме [8, с. 54]. При этом суд должен проявлять одинаковую готовность удовлетворить обоснованные ходатайства как защиты, так и обвинения, не создавая искусственных преимуществ ни для одной из них.

Особое значение в обеспечении равноправия имеет контроль суда за допустимостью доказательств. В соответствии со ст. 235, 88 УПК РФ суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе обязан исключить доказательство, полученное с нарушением требований закона. Эта деятельность суда имеет ярко выраженный активный и властный характер. Она не только защищает права личности от нарушений на досудебных стадиях, но и выравнивает процессуальные позиции сторон, лишая обвинение возможности основывать свою позицию на нелегитимно полученных сведениях. Активность суда в этой сфере является неотъемлемым элементом доказывания, понимаемого как проверка и оценка представленной информации. Как отмечают В.Н. Перекрестов и В.М. Шинкарук, в теоретическом споре об активности суда зачастую происходит подмена понятий, когда доказывание по уголовному делу отождествляется с доказыванием вины. Суд активен в первом и ограничен во втором [7, с. 45]. Проверка допустимости доказательств, их достоверности и достаточности – это прямая обязанность суда, вытекающая из его функции по разрешению дела.

Еще одной важной обязанностью суда, закрепленной в ст. 11 УПК РФ, является разъяснение участникам процесса их прав, обязанностей и ответственности. Эта обязанность носит непрерывный характер в ходе всего судебного разбирательства. Для стороны защиты, особенно когда подсудимый не обладает профессиональными юридическими знаниями, такое разъяснение является необходимой предпосылкой для реальной, а не формальной реализации права на защиту. Суд обязан не только разъяснять права, но и информировать стороны о движении дела, уведомлять о поданных ходатайствах и обеспечивать возможность высказать по ним свое мнение. Несоблюдение этой процедуры, как показано в кассационном определении Верховного Суда Республики Мордовия, ведет к нарушению равноправия сторон и влечет отмену судебного решения [4, с. 23].

Резюмируя изложенное, анализ процессуальных прерогатив суда свидетельствует о несоответствии его роли в современном уголовном судопроизводстве России упрощенной модели пассивного арбитра. Напротив, суд как ключевой участник процесса обладает значительным комплексом властных полномочий, которые подлежат последовательной и обоснованной реализации для формирования действенных гарантий состязательности и

равноправия сторон. Указанная реализация находит свое выражение в осуществлении руководства судебным следствием, оказании содействия сторонам в процессе доказывания, осуществлении контроля за допустимостью доказательств и разъяснении процессуальных прав. Степень реализации судом указанных полномочий в конечном счете определяет, останется ли конституционный принцип равноправия сторон декларативной нормой либо приобретет характер функционального механизма, гарантирующего справедливое правосудие и достижение объективной истины по каждому рассматриваемому уголовному делу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 27. – Ст. 4476.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.

4. Кассационное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 31.01.2007 по делу № 22–96/07 // Бюллетень Верховного Суда Республики Мордовия. – 2007. – № 13. – С. 23.

5. Бурмагин С.В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2016. – 304 с.

6. Камардина А.А. Роль суда в обеспечении состязательности и равноправия сторон при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2014. – № 5(49). – С. 250-252.

7. Перекрестов В.Н., Шинкарук В.М. Роль суда по установлению объективной истины по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – № 3. – С. 40-47.

8. Шестакова Т.П. Обязанности суда по обеспечению равноправия сторон // Право: современные тенденции : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, октябрь 2018 г.). – Краснодар: Новация, 2018. – С. 52-56.

Захаров Денис Александрович
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права
кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)

СТАТУС ЛИЦА, ПРИНИМАЮЩЕГО УЧАСТИЕ В ПРОВЕРКЕ ЗАЯВЛЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. Статья направлена на обоснование необходимости применения системного подхода при определении статуса лиц, привлекаемых к проведению проверки сообщения о преступлении и соответствующих данному статусу прав и обязанностей.

Ключевые слова: судебный контроль, обоснованность уголовного преследования, гарантии прав участников уголовного производства.

Annotation. The article is aimed at substantiating the need to apply a systematic approach in assessing the effectiveness of guarantees for participants in criminal proceedings against whom criminal prosecution has been terminated or a criminal case has been refused.

Key words: judicial control, validity of criminal prosecution, guarantees of the rights of participants in criminal proceedings.

Название статьи возможно не совсем корректно с точки зрении терминологии, но по мнению автора более точно определяет связь задач стадии и законного интереса отдельных участников, который в очень упрощенной форме можно свести к двум противоположным решениям: о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Раздел II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» не содержит полного перечня лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, что, с учетом требований к максимально буквальному толкованию уголовно-процессуального законодательства, можно трактовать как то, что лица, не указанные в данном разделе к участникам уголовного

судопроизводства не относятся. При этом анализ норм уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики относительно практически каждого этапа производства по уголовному делу свидетельствует об определенном количестве лиц, фактически вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, но процессуальный статус которых либо четко не определен, либо даже не назван.

В свою очередь, ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ содержит ряд групповых определений, по мнению автора, отличающих по количеству лиц в них входящих. Указанная статья определяет лиц вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений в стадии возбуждения уголовного дела как «лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», «участников проверки сообщения о преступлении» и «участников досудебного производства». Таким образом, определяется вид участников уголовного процесса статус, которого должен быть обусловлен как содержанием, целями и задачами первой стадии уголовного производства, так и спецификой законных интересов, соответствующего лица, вовлеченного в уголовно-процессуальные отношения.

Вместе с тем, как это уже указывалось выше, практика правоприменения постоянно сталкивается с ситуациями, когда в уголовно-процессуальные отношения вовлекаются субъекты, правовой статус которых законодателем конкретно не обозначен. С учетом этого следует согласиться с позицией Морозовой О.С. согласно участниками уголовного судопроизводства можно определить всех лиц, вовлеченных в уголовный процесс и принимающих какое-либо участие в производстве по уголовному делу. Иными словами, это все лица, осуществляющие какую-либо деятельность по уголовному делу [2].

В теории уголовно-процессуального права еще в 60-х гг. XX в. профессор М.С. Строгович определял субъективное право как выраженные в норме права и закрепленные в ней: полномочия совершать определенные действия и требовать соответствующие действия от других [1]. Именно, данная составляющая, а именно, требование соответствующих действий от лиц, осуществляющих доследственную проверку для большинства заинтересованных лиц (за исключением, заявителя) практически не урегулирована.

Интересует вопрос о последствиях нарушения прав указанных лиц как для процессуального действия, в котором они принимали участие, так и для решения, принятого по итогам стадии возбуждения уголовного дела. В первую очередь вопрос касается лица привлеченного к отобранию объяснений, который в зависимости от обстоятельств дела может быть, как потенциальным свидетелем, так и потенциальным подозреваемым.

Применительно к итоговым решениям стадии возбуждения уголовного дела судебная практика исходит из широкой трактовки управомоченного субъекта. Так, судам следует иметь в виду, что не исключается рассмотрение жалобы, поданной на постановление о возбуждении уголовного дела по факту совершенного общественно опасного деяния, если из жалобы и приложенных к ней материалов усматривается, что обжалуемое постановление способно причинить ущерб конституционным правам и свободам лица, обратившегося с жалобой (п.16 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»). Для того, чтобы данную трактовку понятия заинтересованного лица можно было применить к процедуре проверки сообщения о совершении преступления необходимое законодательное регулирование отсутствует. Даже упомянутые в ч.1.1 УПК РФ группы «лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» и «участников проверки сообщения о преступлении» в статье используемые как синонимы различаются по содержанию. Например, лица, фактически совершившее одну и ту же совокупность действий, например, давшие объяснения, могут быть отнесены к «лицам, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» если объяснения были отобраны в порядке ст. 144 УПК РФ, либо к «участникам проверки сообщения о преступлении» если объяснения отбирались в ходе опроса в порядке ст.6 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», так как формально процедура процессуально не урегулирована.

Литература:
1. Морозова О.С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства: результаты исследования // Диссертация на на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.4 / Морозова Ольга Сергеевна. Омск, 2024. С. 270.
2. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М, 1966. С. 168.

Кондратюк Сергей Викторович
ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»,
доцент департамента публичного права,
кандидат юридических наук, доцент
(Тольятти, Россия);
Бокова Евгения Дмитриевна
Луганский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской федерации»,
студент;
Самброс Андрей Андреевич
Луганский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской федерации»,
студент
(Луганск, Россия)

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

УДК 343.9

Аннотация. Рассмотрены эволюция и современное состояние профилактической деятельности следственных органов. Выявлены системные проблемы, препятствующие эффективной профилактике в деятельности следственных органов. Обоснована необходимость трансформации подхода к следственной профилактике. Предложено изменение в УПК РФ, направленное на обязательность выявления фактов и обстоятельств профилактического характера.

Ключевые слова: следственная деятельность, профилактика преступлений, процессуальное регулирование, задачи следственной профилактики, виды профилактики.

Abstract: The evolution and current state of preventive activities of investigative authorities are considered. Systemic problems that hinder effective prevention in the activities of investigative bodies have been identified. The necessity of transformation of the approach to investigative prevention is substantiated. An amendment to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation has been proposed, aimed at making it mandatory to identify facts and circumstances of a preventive nature.

Keywords: investigative activity, crime prevention, procedural regulation, tasks of investigative prevention, types of prevention.

Исторически, профилактика преступлений рассматривается как составляющая государственной политики, адаптированная к конкретным социально-политическим условиям. Так, в советский период активно разрабатывалась теория предупреждения преступности. В 1970-е годы, профилактика преступлений рассматривалась как самостоятельная задача уголовного судопроизводства. В ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР 1960 года было сказано, что уголовное судопроизводство должно способствовать предупреждению и искоренению преступлений [1].

В современной России, несмотря на декларированную значимость предупреждения преступности, деятельность следственных подразделений по данному направлению характеризуется фрагментарностью и отсутствием единой методологической базы. Как справедливо отмечают исследователи, современный УПК РФ отказался от понятия «задачи» уголовного судопроизводства, заменив его на «назначение», что уже на концептуальном уровне сместило акцент с превенции на расследование совершённого деяния [2; 3].

Теория предупреждения преступности в нашей стране начала формироваться в 1970-е годы, а свое продолжение получила в теоретических положениях по профилактике преступлений отдельных видов. Теоретическими задачами признавалось научное обоснование профилактической деятельности, разработка путей и способов планомерного воздействия на

причины и условия, способствующие совершению преступлений, полное искоренение преступности [4-6].

На сегодня профилактика преступлений в следственной деятельности интерпретируется как комплекс мер, направленных на выявление и нейтрализацию криминогенных детерминант, правовое просвещение и раннее пресечение преступных деяний. В научной среде криминологов сложилось мнение, что профилактика преступлений – это предупредительная деятельность, направленная на устранение, ослабление, нейтрализацию криминогенных факторов, детерминирующих преступление; недопущение совершения преступления лицом, ведущим антиобщественный образ жизни; разъяснение гражданам их прав и обязанностей, способов защиты себя и своего имущества от преступных посягательств.

Профилактика преступлений осуществляется следователем в ходе расследования или сразу после его окончания. Однако, некоторая часть предупредительных мер может применяться и до возбуждения уголовного дела, если возникла необходимость предпринять срочные меры, направленные на пресечение начавшегося либо предупреждение готовящегося или возможного нового преступления. Нормативную базу следственной профилактики составляют положения УПК РФ и Федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ №182-ФЗ). Отметим, что в указанных нормативных правовых актах закреплен дуализм общей и индивидуальной профилактики. Между тем, соответствующие нормы законов носят рамочный характер, не детализируя процессуальный регламент для следствия. В результате, дуализм общей и индивидуальной профилактики выражается в том, что профилактика реализуется как в ходе расследования преступления, так и в виде самостоятельной аналитической работы. Отметим, что отсутствие четкого разграничения указанных направлений следственной деятельности снижает ее эффективность. Исследователи определяют следственную профилактику как систему криминалистических знаний и основанных на них умений и навыков сотрудников правоохранительных органов по применению в целях предупреждения преступлений научных средств, приемов и методов криминалистики [7-9]. По нашему мнению, УПК РФ недостаточно определяет обязанности следователя в сфере профилактики, сводя их необходимости выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ), а также к возможности внесения представления в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). К тому же, термин «профилактическая деятельность» и ее формы раскрываются в рамочном ФЗ № 182-ФЗ, что создает разрыв между отраслевым и специальным регулированием [10; 11].

Авторы разграничивают виды профилактики: следственную и криминалистическую профилактику. Криминалистическая профилактика рассматривается как самостоятельная частная теория криминалистики, а не только как придаток к расследованию [12; 13]. Направлением профилактической деятельности следственных органов признано правовое воспитание, а также предотвращение и пресечение преступлений. Согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ дознаватель, руководитель следственного органа, следователь на протяжении всего процесса расследования, выявляет в рамках профилактической работы, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Однако, предоставленное указанным субъектам расследования право по собственному усмотрению вносить представление об устранении обстоятельств, способствовавших преступлению, представляет собой системный пробел, снижающий эффективность профилактической функции досудебного производства. Действительно, сложившаяся диспозитивная конструкция («вправе внести») институционально закрепляет вторичный, факультативный характер предупреждения преступности, оставляя реализацию этой задачи на усмотрение конкретного должностного лица. Данный подход порождает правовую неопределенность и способствует субъективизму, когда представления вносятся не в силу необходимости, а зачастую для формального отчета, что в конечном итоге нивенлирует реальный криминологический эффект [14]. Проведённый нами анализ следственной практики, показал, что следователи нередко формально подходят к составлению документа, ограничиваясь шаблонными фразами, а предложенные меры, в ряде случаев

(например, уборка территории района), не находятся в причинно-следственной связи с совершенным преступлением (хранение наркотиков). Для преодоления указанных недостатков и трансформации профилактики из декларативной в реальную составляющую деятельности следственных органов предлагаем изменить императив нормы ч. 2 ст. 158 УПК РФ, заменив формулировку «вправе внести» на «обязан внести». В целом, ч. 2 ст. 158 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «2. Установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь обязан внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. В случае, если по итогам расследования обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, не выявлены, в материалах уголовного дела делается соответствующая запись, удостоверяемая подписью дознавателя, следователя».

Приведем следующие обоснования данной поправки. Во-первых, она направлена на преодоление противоречия между декларируемой значимостью профилактики и отсутствием действенных механизмов её процедурного обеспечения. Обязанность фиксации и реагирования на криминогенные факторы преобразует профилактику из потенциальной возможности в неотъемлемый элемент профессиональной деятельности следователя. Во-вторых, установление обязанности требует логического завершения – процессуальной фиксации результата. Поэтому предлагаемая редакция содержит дополнение: в случае, если по итогам расследования не выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, то в материалах уголовного дела делается соответствующая запись. Данное положение исключает возможность уклонения от исполнения обязанности путем простого умолчания и создает прозрачный учетный механизм для внутреннего ведомственного и судебного контроля.

Введение предложенной императивной нормы создаст процессуальную основу для последующего развития более сложных инструментов, таких как «криминологическое заключение». Сделанное нами предложение будет способствовать развитию единых методик выявления системных, а не только ситуационных, причин преступлений. В перспективе, данная поправка изменит парадигму деятельности органов следствия и дознания, постепенно смещая акцент с исключительно реактивной модели работы (расследование уже совершенного) на проактивную, где каждое расследование становится источником данных для предотвращения будущих преступлений. Таким образом, предлагаемое изменение редакции ч. 2 ст. 158 УПК РФ приобретает концептуальный характер, оно направлено на укрепление правопорядка через системное и обязательное устранение условий, порождающих преступность.

В свою очередь, ФЗ №182-ФЗ в ст. 15 выделяет два основных вида профилактики преступлений: 1) общая профилактика – направлена на выявление и устранение причин и условий правонарушений, повышение уровня правовой грамотности и правосознания граждан; 2) индивидуальная профилактика – на оказание воспитательного воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений.

Определим профилактические функции следственных органов: организация профилактической деятельности, во взаимодействии с инспекторскими службами полиции; разработка методического обеспечения работы по профилактике преступлений.

Выделим задачи профилактики преступлений, осуществляемой следственными органами: 1) выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления; 2) выявление недостатков в деятельности государственных предприятий и учреждений, где возникли криминогенные обстоятельства; 3) разработка плана мероприятий, направленных на ликвидацию причин и условий совершения преступлений, а также на устранение недостатков в деятельности субъектов предупредительной системы и объектов их профилактического воздействия; 4) выяснение особенностей совершения преступлений по способу, месту, времени, субъектам, чтобы определить основные направления следственной и оперативно-розыскной деятельности по их предупреждению.

Таким образом, недостатки в профилактической деятельности следственных органов обусловлены нечеткостью законодательного формулирования профилактических задач. Предложено изменение в текст ч. 2 ст. 73 УПК РФ, направленное на закрепление обязанности по выявлению следственными органами фактов и обстоятельств профилактического характера.

Литература:

1. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / А.В. Агутин, А.С. Александров, Л.Б. Алексеева [и др.]. Москва: Издательско-правовое предприятие «Вердикт», 1996. 727 с.

2. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебник для вузов / В.В. Иванов, М.Ю. Жирова, Ю.В. Кувалдина [и др.]. 5-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Юрайт, 2024. 434 с.

3. Трашкова С.М. Некоторые вопросы понимания криминалистической профилактики на современном этапе / С.М. Трашкова // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2(43). С. 308-312.

4. Клейменов М.П. Профилактика правонарушений: исторический очерк / М.П. Клейменов, А.В. Кондратьев, Е.М. Сейбол // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 1. С. 108-119.

5. Шалагин А.Е. Теория предупреждения преступности: от истоков к перспективам криминологической науки / А.Е. Шалагин, И.А. Шалагин // Modern Science. 2022. № 1-1. С. 164-171.

6. Шестак В.А. Теория предупреждения преступности в России и за рубежом: история и современность / В.А. Шестак // Lex Russica (Русский закон). 2008. Т. 67, № 2. С. 411-422.

7. Терроризм и экстремизм как угроза национальной безопасности: криминалистическое противодействие и профилактика / М.В. Авакьян, Т.С. Волчецкая, И.Е. Козырева [и др.]. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2024. 183 с.

8. Девиантное поведение в молодежной среде: криминалистические особенности и социальные инновации в системе профилактики: Монография / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, М.А. Болвачев [и др.]. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2025. 209 с.

9. Шруб М.П. Криминалистическая профилактика как элемент общеюридической системы мер предупреждения преступности / М.П. Шруб // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2017. № 6. С. 206-210.

10. Уголовный процесс: Учебник / И.Л. Бедняков, М.Ю. Жирова, А.Ф. Закотянская [и др.]. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2022. 682 с.

11. Файрушина Р.Д. Понятие и правовая основа профилактической деятельности следователя / Р.Д. Файрушина, Ю. Б. Имаева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 1(13). С. 62-67.

12. Комаров И.М. Исторический и некоторые теоретические аспекты криминалистического предупреждения преступлений / И.М. Комаров, Е.И. Ян // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1(88). С. 180-187.

13. Каменецкий Ю.Ф. О необходимости разработки теории следственной профилактики как самостоятельного направления криминалистики / Ю.Ф. Каменецкий, В.П. Шиенок // Предварительное расследование. 2018. № 1(3). С. 35-43.

14. Александров А.Н. Предупредительная деятельность следователя как один из важнейших аспектов обеспечения задач уголовного судопроизводства / А.Н. Александров, Д.Н. Рудов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2013. № 1(21). С. 33-37.

Кондратюк Сергей Викторович
ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет,
доцент департамента публичного права,
кандидат юридических наук, доцент
(Тольятти, Россия);
Запорожец Мирослава Артёмовна
Луганский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской федерации»,
студент
(Луганск, Россия)

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

УДК 343

Аннотация. В статье исследуется правовая природа и практика применения официального предостережения как меры криминологической профилактики, предусмотренной Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». На основе анализа нормативных правовых актов, ведомственных документов МВД России и ФССП России, а также научной литературы, автор приходит к выводу о наличии фундаментальных дефектов правовой конструкции предостережения. К числу основных проблем относятся: неопределенность понятий «действия, создающие условия для совершения правонарушений» и «антиобщественное поведение», отсутствие объективных критериев их оценки, возможность применения предостережения при отсутствии состава правонарушения, а также введение ответственности за неисполнение предостережения без совершения нового противоправного деяния. Аргументируется позиция о криминогенном и коррупциогенном потенциале действующей модели. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, криминологическая профилактика, официальное предостережение, антиобщественное поведение, правовая неопределенность, принцип законности.

Annotation. The article examines the legal nature and practice of applying official warnings as a measure of criminological prevention provided for by Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016 "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation." Based on the analysis of regulatory legal acts, departmental documents of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Migration Service of Russia, as well as scientific literature, the author comes to the conclusion that there are fundamental defects in the legal structure of the warning. The main problems include: the ambiguity of the concepts of "actions that create conditions for the commission of offenses" and "antisocial behavior", the lack of objective criteria for their assessment, the possibility of using warnings in the absence of an offense, as well as the introduction of liability for failure to comply with warnings without committing a new illegal act. The position on the criminogenic and corruption potential of the current model is argued. Specific proposals for improving legislation are being formulated.

Keywords: crime prevention, criminological prevention, official warning, antisocial behavior, legal uncertainty, principle of legality.

В условиях трансформации общественных отношений и роста вызовов безопасности эффективная система профилактики правонарушений становится одним из приоритетных направлений государственной политики [1; 3; 7]. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон № 182-ФЗ) закрепил легальные основы этой деятельности, определил круг субъектов профилактики, принципы, формы и методы их работы. Одной из ключевых мер индивидуальной профилактики, предусмотренных указанным законом, является официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (ст. 20). На первый взгляд, данная мера представляет собой мягкий, превентивный по своей природе инструмент, позволяющий воздействовать на лиц, чье поведение еще не достигло степени общественной опасности, но уже создает предпосылки для совершения правонарушений. Однако более детальный анализ нормативной конструкции официального предостережения, а также складывающейся практики его применения, обнаруживает ряд серьезных дефектов, которые не только снижают эффективность профилактической деятельности, но и создают угрозу соблюдению фундаментальных принципов права, в первую очередь – принципа законности и правовой определенности.

Целью настоящей статьи является выявление и системный анализ проблем правовой неопределенности в правовом регулировании института официального предостережения, а также формулирование конкретных предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Институт предостережения не является абсолютно новым для российской правовой системы. Различные его модификации существовали и ранее в разных отраслях права. Так, Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» в ст. 25.1 предусматривает такое средство прокурорского реагирования, как предостережение о недопустимости нарушения закона. Данная мера объявляется прокурором в целях предупреждения правонарушений при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, и ее неисполнение может повлечь за собой ответственность в установленном порядке. Сходный по своей сути институт закреплен и в уголовно-исполнительном законодательстве: ст. 37.1 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также ст. 17.1 Уголовно-

исполнительного кодекса Российской Федерации предусматривают возможность объявления официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Важное место занимает и представление, предусмотренное ч. 2 ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которое вносится дознавателем или следователем в организацию или должностному лицу о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления. Однако наиболее широкий по кругу лиц и наиболее универсальный характер получило именно профилактическое предостережение, закрепленное в Законе № 182-ФЗ, которое могут объявлять сотрудники полиции, иные уполномоченные должностные лица. В соответствии с ч. 1 ст. 20 Закона № 182-ФЗ, официальное предостережение является мерой индивидуальной профилактики правонарушений, которая объявляется физическому лицу в целях недопущения действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопущения продолжения антиобщественного поведения. При этом существенным условием является то, что в действиях лица отсутствуют признаки состава преступления или административного правонарушения. То есть, предостережение применяется на «нулевой» стадии – когда поведение лица еще формально не является противоправным, но, по мнению уполномоченного органа, оно создает угрозу для будущего нарушения закона.

Наиболее уязвимым элементом правовой конструкции предостережения является легальное определение антиобщественного поведения, содержащееся в пункте 6 ст. 2 Закона № 182-ФЗ. Согласно этому определению, антиобщественное поведение – это действия (бездействие) физического лица, не влекущие за собой уголовную или административную ответственность, но нарушающие общепринятые нормы морали и права других лиц. Данная дефиниция содержит в себе сразу несколько критических недостатков, которые делают ее применение на практике крайне затруднительным и чреватым злоупотреблениями. Первый недостаток заключается в отсылке к «общепринятым нормам морали». Мораль как форма общественного сознания, в отличие от права, не кодифицирована, не имеет формально определенных источников и единого для всех социальных групп содержания. То, что считается нормой морали в одном регионе, в одной возрастной или социальной группе, может не признаваться таковым в другой. Даже внутри одного общества моральные представления эволюционируют во времени. Как следствие, термин «общепринятые нормы морали» представляет собой классическую оценочную категорию, содержание которой в каждом конкретном случае определяется правоприменителем субъективно. Это неизбежно ведет к правовой неопределенности и создает предпосылки для произвольного усмотрения со стороны должностных лиц. Второй недостаток связан с тем, что закон никак не определяет, какие именно нормы морали подлежат защите посредством государственного принуждения в рамках профилактической деятельности. Очевидно, что существуют разные уровни моральных норм – общечеловеческие, религиозные, корпоративные, групповые. Государство, как правило, берет под защиту лишь те моральные установки, которые имеют общезначимый характер и корреспондируют с базовыми конституционными ценностями. Однако Закон № 182-ФЗ не проводит никаких разграничений, фактически позволяя правоприменителю самостоятельно решать, какие именно моральные нормы считать «общепринятыми» и, соответственно, обязательными для соблюдения под угрозой вынесения предостережения. Третий недостаток – отсутствие какого-либо порога нарушения прав других лиц. По буквальному смыслу закона, для объявления предостережения достаточно любого, даже самого незначительного нарушения прав других лиц, если при этом отсутствует состав административного или уголовного правонарушения. Однако понятие «нарушение прав» также является оценочным. Можно ли считать нарушением прав эпизодическое незначительное неудобство, причиненное другому лицу? Или требуется реальный, ощутимый вред? Закон не дает ответа на этот вопрос, что вновь оставляет его на усмотрение сотрудника, выносящего предостережение.

Кроме того, как обоснованно отмечают В.В. Крамской, Р.Б. Осокин и Ю.В. Трунцевский, легальное понятие «антиобщественное поведение», закреплённое в п. 6 ст. 2 Закона № 182-ФЗ,

охватывает только активную форму его проявления – действие, но не содержит указания на возможность совершения антиобщественного поведения в форме бездействия. Авторы справедливо указывают, что «для целей Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» представляется необоснованно узким формулирование антиобщественного поведения только через признак активности, т.е. действия, несмотря на то, что механизм совершения субъектом общественных отношений всякого акта всегда сопряжён с выбором им формы деяния, которое может быть выражено также и в виде пассивного поведения – бездействия». В подтверждение своей позиции исследователи приводят данные о том, что в структуре преступности стабильный удельный вес занимают деяния, связанные с бездействием: например, неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей составляла от 1,93% до 2,66% от всех зарегистрированных преступлений в 2017–2020 гг., что свидетельствует о необходимости расширения понятийного аппарата Закона № 182-ФЗ [4]. Таким образом, действующая редакция необоснованно сужает сферу профилактического воздействия, исключая из неё пассивные формы антиобщественного поведения. В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что оценочные категории, не подкрепленные объективными критериями, превращают институт предостережения из средства профилактики в инструмент внесудебного принуждения, который может использоваться для борьбы с неугодными лицами или для оказания давления на граждан. Не случайно исследователи ставят вопрос о конституционности данной нормы, поскольку она допускает ограничение прав и свобод граждан на основании крайне расплывчатых и субъективных критериев.

Вторым основанием для вынесения официального предостережения, наряду с антиобщественным поведением, является совершение действий, создающих условия для совершения правонарушений. Данное понятие не раскрывается в Законе № 182-ФЗ, что порождает еще большую правовую неопределенность. В теории криминологии под условиями, способствующими совершению преступлений, традиционно понимается совокупность обстоятельств, которые сами по себе не порождают преступность, но облегчают реализацию преступных намерений, повышают вероятность наступления общественно опасных последствий [5]. К числу таких условий относят, например, недостатки в охране имущества, слабый контроль за соблюдением правил безопасности и т.п. Однако, во-первых, данные условия чаще всего носят объективный, безличностный характер, тогда как предостережение адресуется конкретному физическому лицу. Во-вторых, установить наличие причинно-следственной связи между действиями конкретного лица и будущим (гипотетическим) правонарушением, которое еще не совершено, практически невозможно. Правоприменитель вынужден оперировать вероятностными категориями, основанными на предположениях, а не на доказанных фактах. В-третьих, закон не определяет степень вероятности наступления правонарушения, при которой действия лица могут быть признаны «создающими условия». Ответа на эти вопросы законодательство не дает. Таким образом, понятие «действия, создающие условия для совершения правонарушений» является, по сути, «условной» нормой, которая может быть применена к самому широкому кругу деяний. Это свидетельствует об избирательном и непредсказуемом применении данной нормы, что недопустимо для правового государства.

Особое внимание стоит уделить ч. 3 ст. 20 Закона № 182-ФЗ, которая устанавливает, что неисполнение лицом официального предостережения является основанием для применения к нему мер ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Данная норма фактически вводит юридическую ответственность за деяние, которое само по себе не является правонарушением. Ведь предостережение выносится за действия, которые, как прямо указано в ч. 1 той же статьи, не содержат признаков состава преступления или административного правонарушения. Следовательно, гражданин может быть привлечен к ответственности не за совершение противоправного деяния, а за то, что он не выполнил требование должностного лица о недопустимости «неодобряемого» поведения. Такая правовая конструкция вступает в явное противоречие с одним из основополагающих принципов

юридической ответственности – принципом «нет наказания без закона». То есть, ответственность должна наступать только за деяние, которое законом признается правонарушением, и только при наличии всех элементов соответствующего состава. В рассматриваемом случае ответственность грозит за сам факт неисполнения предостережения, то есть за бездействие, которое законом не квалифицируется как противоправное. Более того, неясно, что конкретно понимать под «неисполнением» предостережения. Как верно отмечает В.А. Зикеев, «такая правовая конструкция обладает криминогенным потенциалом, так как позволяет привлекать к ответственности за правомерные, но «неодобряемые» действия» [2]. По сути, государство через механизм предостережения создает для гражданина новую обязанность – прекратить поведение, которое формально законом не запрещено. Неисполнение этой обязанности влечет санкции. Подобный подход противоречит самой идее правового государства, где свобода лица ограничена только законом, а не усмотрением чиновника. Более того, как свидетельствуют результаты социологического опроса, проведённого А.С. Лизуновым, С.А. Майоровой и А.О. Харитоновым, более 78% сотрудников органов внутренних дел оценивают объявление официального предостережения как малоэффективную меру профилактического воздействия [6]. Причина такого отношения, по мнению авторов, напрямую связана с отсутствием правовых последствий для лиц, не выполняющих требования, содержащиеся в официальном предостережении. Без таких последствий предостережение, по сути, превращается в разновидность мер убеждения, а не принуждения.

Вышеописанная проблема усугубляется и тем фактом, что в российской правовой системе существуют различные виды предостережений, которые регулируются разными законами и ведомственными актами и не приведены к единому знаменателю. Прокурорское предостережение объявляется от имени прокуратуры и имеет свои основания и процедуру. Предостережение в уголовно-исполнительной системе применяется к лицам, содержащимся под стражей, и также обладает своей спецификой. Предостережение, выносимое сотрудниками полиции в рамках Закона № 182-ФЗ, имеет наиболее широкую сферу действия. Наконец, представление следователя (дознавателя) в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, хотя и не называется предостережением, по сути выполняет ту же функцию. Между тем, единство правового регулирования отсутствует. Различаются процедуры вынесения, сроки рассмотрения, последствия неисполнения, круг уполномоченных лиц. Приказ МВД России от 4 марта 2020 года № 119 подробно регламентирует процедуру, но не может устранить материально-правовые дефекты, заложенные в самом законе. Кроме того, как отмечает Г.А. Рукавишников, объявление официального предостережения при осуществлении профилактической работы применяется оперативными подразделениями органов внутренних дел недостаточно активно, потенциал данной предупредительной меры используется не в полном объёме. Одной из основных причин автор называет отсутствие полномочий оперативных подразделений по объявлению официального предостережения в отраслевом законодательстве, регламентирующем оперативно-розыскную деятельность [8]. В связи с этим обоснованным представляется предложение Г.С. Шкабина о дополнении ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» положением, наделяющим органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, правом объявления лицу обязательного для исполнения официального предостережения о недопустимости совершения преступления [10]. Реализация данной рекомендации позволила бы вовлечь оперативные подразделения в профилактическую работу на более ранних стадиях формирования преступного умысла.

Следующая группа проблем связана с доказыванием обстоятельств, служащих основанием для вынесения предостережения, и с отсутствием достаточных процессуальных гарантий для лица, в отношении которого оно выносится. Поскольку предостережение применяется в отсутствие состава правонарушения, то собирание доказательств осуществляется не в рамках уголовно-процессуальной или административно-процессуальной формы, которая содержит развитые гарантии прав лица (право на защиту, на ознакомление с материалами, на обжалование и т.д.), а в упрощенном порядке, установленном для проверки заявлений и сообщений о происшествиях. Этот порядок не рассчитан на доказывание таких вероятностных

и оценочных категорий, как «создание условий» или «антиобщественное поведение». Лицо, в отношении которого проводится проверка, формально имеет право давать объяснения, но не обладает, например, правом на адвоката, правом заявлять ходатайства в полном объеме, правом на ознакомление со всеми материалами проверки. Более того, закон не требует, чтобы решение о вынесении предостережения принималось на основе полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств – достаточно лишь «наличия сведений», которые могут быть почерпнуты из самых разных источников, включая анонимные сообщения. Закон № 182-ФЗ не устанавливает обязанность уполномоченного органа разъяснить лицу, какое именно поведение вменяется ему как «создающее условия» или «антиобщественное», какие конкретно нормы морали были нарушены. В форме официального предостережения, утвержденной приказом МВД России № 119, предусмотрено лишь общее указание на то, что действия лица «создают условия» или «указывают на антиобщественное поведение», но не требуется детализировать, какие именно действия и почему подпадают под эти категории. Это существенно затрудняет возможность обжалования.

Кроме того, отдельного внимания заслуживает вопрос о судебном обжаловании официального предостережения. Как справедливо отмечает К.В. Тулаева, в практике контрольных (надзорных) органов прослеживается тенденция к возложению на подконтрольных субъектов обязанностей по исполнению определённых требований посредством вынесения предостережения [9]. В таких случаях предостережение фактически подменяет собой предписание, что недопустимо, так как лишает его профилактического смысла и влечёт нарушение принципа законности. Автор обоснованно заключает, что если в тексте объявленного предостережения наличествуют обязательные, а не рекомендательные положения, то его оспаривание должно допускаться в судебном порядке. Критерием разграничения должно являться именно наличие или отсутствие в тексте документа обозначенных требований (обязанностей), адресованных подконтрольному лицу. Хотя в доктрине и практике отсутствует самостоятельный механизм судебного обжалования предостережения как ненормативного правового акта, на практике такие дела единичны. Отсутствие эффективных механизмов судебного контроля является серьезным пробелом правового регулирования.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что действующая редакция ст. 20 Закона № 182-ФЗ и связанных с ней норм обладает значительным коррупциогенным потенциалом. Широкие дискреционные полномочия правоприменителя, отсутствие четких, объективных критериев оценки поведения, возможность вынесения предостережения на основании предположений – все это создает благоприятную среду для злоупотреблений. Сотрудник полиции может использовать предостережение как средство давления на граждан, как инструмент внесудебного «наказания» за поведение, которое субъективно ему не нравится, но формально законом не запрещено. Социальные риски также очевидны. Граждане, получившие предостережение, могут испытывать страх и неуверенность в своих правах, поскольку они не понимают, какое именно их поведение признано «недопустимым» и что им нужно делать, чтобы избежать ответственности. Это противоречит принципу правовой определенности, который является неотъемлемым элементом верховенства права. Действующее регулирование института предостережения этой задачи не выполняет.

Проведенный анализ позволяет сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательного регулирования института официального предостережения. Эти предложения направлены на устранение правовой неопределенности, минимизацию рисков произвольного правоприменения и повышение эффективности профилактической деятельности. Во-первых, необходимо уточнить понятийный аппарат Закона № 182-ФЗ. Из пункта 6 ст. 2 следует исключить отсылку к «общепринятым нормам морали», заменив ее на объективные критерии оценки поведения, а также дополнить указание на возможность совершения антиобщественного поведения в форме бездействия. Предлагается следующая редакция: «антиобщественное поведение – действие или бездействие физического лица, не влекущие за собой уголовную или административную ответственность, но

совершенные публично либо неоднократно и причиняющие реальный вред правам и законным интересам других лиц или создающие реальную угрозу причинения такого вреда». Во-вторых, ст. 20 Закона № 182-ФЗ должна быть дополнена исчерпывающим перечнем действий, которые могут рассматриваться как «создающие условия для совершения правонарушений». Такой перечень может быть установлен в подзаконном нормативном правовом акте и подлежать периодическому пересмотру. Перечень должен быть закрытым и не подлежать расширительному толкованию. В-третьих, ч. 3 ст. 20 Закона № 182-ФЗ требует кардинальной корректировки. Ответственность за неисполнение официального предостережения должна наступать исключительно в случае, если последующие действия лица содержат признаки самостоятельного состава преступления или административного правонарушения. Привлечение к ответственности только за сам факт неисполнения предостережения (без нового противоправного деяния) следует признать недопустимым и исключить из закона. В-четвертых, необходимо внедрение процессуальных гарантий при вынесении предостережения. Следует установить обязанность уполномоченного должностного лица предоставить лицу мотивированное письменное разъяснение, какие именно действия (бездействие) вменяются ему, на каком основании они признаны «создающими условия» или «антиобщественными», какие доказательства это подтверждают. Лицо должно иметь право знакомиться с материалами проверки, давать объяснения, представлять доказательства своей невиновности, пользоваться помощью защитника -адвоката. Также необходимо создать эффективный механизм судебного обжалования предостережения, выделив в качестве самостоятельного основания для обжалования наличие в тексте предостережения обязательных требований (предписаний). В-пятых, в целях унификации правового регулирования целесообразно разработать и принять единый федеральный закон «Об официальном предостережении (предостережении) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения», который бы заменил разрозненные нормы в Законе № 182-ФЗ, Законе о прокуратуре, УПК РФ, УИК РФ и ведомственных актах, а также восполнил пробел в законодательстве об оперативно-розыскной деятельности, наделив оперативные подразделения соответствующими полномочиями. Наконец, необходима система мониторинга и контроля за применением предостережений. Прокуратура должна осуществлять регулярный надзор за законностью вынесенных предостережений, а МВД России – анализировать практику их применения. Статистика по вынесенным предостережениям должна быть открытой и доступной для научного анализа.

Институт официального предостережения является важным, но в настоящее время крайне несовершенным инструментом криминологической профилактики. В его правовом регулировании обнаруживается фундаментальный дефект – правовая неопределенность, порождаемая использованием оценочных категорий, отсутствием объективных критериев для их применения, неоправданно узким охватом только активных форм поведения, а также введением ответственности за неисполнение предостережения при отсутствии состава правонарушения. Правоприменительная практика оценивает эффективность данной меры как низкую, оперативные подразделения практически не используют предостережение ввиду пробелов в отраслевом законодательстве. Судебное обжалование предостережения затруднено. Все это создает риск произвольного правоприменения, обладает коррупциогенным потенциалом и противоречит принципу верховенства права. Выход из сложившейся ситуации видится в системном реформировании законодательства по предложенным направлениям. Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению законности, повышению доверия граждан к правоохранительной системе и более эффективному предупреждению правонарушений.

Литература:

1. Законность: состояние и тенденции в 2020–2024 годах. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению / А. Л. Аристархов, Н. Д. Бут, А. С. Васнецова [и др.]. Москва : ИД «Городец», 2026. 472 с.

2. Зикеев В.А. Критический анализ Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / В.А. Зикеев // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 67-72.

3. Ковалева Н.Н. Структура федеральных государственных информационных систем субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / Н.Н. Ковалева // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 1. С. 14-25.

4. Крамской В.В. «Антиобщественное поведение» в контексте процедуры объявления официального предостережения (предостережение) о недопустимости продолжения антиобщественного поведения: вопросы законодательного совершенствования понятия / В.В. Крамской, Р.Б. Осокин, Ю.В. Трунцевский // Криминологический журнал. 2021. № 1. С. 57-61.

5. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2018. С. 560.

6. Лизунов А.С. К вопросу о повышении эффективности профилактического воздействия выносимого полицией официального предостережения / А.С. Лизунов, С.А. Майорова, А.О. Харитонов // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 85-88.

7. Мелихов А.И. Значение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел для единой системы профилактики правонарушений / А.И. Мелихов // Философия права. 2022. № 3(102). С. 81-87.

8. Рукавишников Г.А. К вопросу об использовании официального предостережения оперативно-розыскными подразделениями органов внутренних дел / Г.А. Рукавишников // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 1(65). С. 159-167.

9. Тулаева К.В. Основания и пределы оспаривания предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований при осуществлении государственной контрольной (надзорной) деятельности / К.В. Тулаева // Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Владимир, 21 ноября 2024 года. Владимир: АРКАИМ, 2025. С. 465-471.

10. Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шкабин Геннадий Сергеевич. Москва, 2018. 409 с.

Костенюк Екатерина Александрова
Оренбургский районный суд Оренбургской области,
помощник судьи
(Оренбург, Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.1

Аннотация. В статье в рамках системного подхода исследуются актуальные проблемы реализации принципа гласности в условиях формирования новой цифровой парадигмы уголовного процесса. Опираясь на концептуальные положения теории права, автор обосновывает понимание гласности как фундаментального конституционного принципа, выступающего универсальным критерием допустимости внедрения технологических инноваций в сферу правосудия. Особое внимание уделяется специфике обеспечения прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при использовании систем дистанционной связи. Автором критически анализируются риски девальвации процессуальных гарантий при переходе к формату «электронного правосудия». В работе аргументируется необходимость создания защищенной цифровой среды, обеспечивающей баланс между публичностью судебного разбирательства и соблюдением режима конфиденциальности взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности с защитниками. Сформулирован вывод о том, что применение мессенджеров и систем видеоконференцсвязи должно быть жестко детерминировано алгоритмами идентификации участников и требованиями транспарентности итоговых судебных решений.

Ключевые слова: уголовный процесс, гласность, видеоконференцсвязь, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, мессенджеры, цифровизация правосудия.

Abstract. Within the framework of a systematic approach, the article examines the actual problems of implementing the principle of transparency in the context of the formation of a new digital paradigm of the criminal process. Based on the conceptual provisions of the theory of law, the author substantiates the understanding of glasnost as a fundamental constitutional principle that acts as a universal criterion for the permissibility of introducing technological innovations into the field of justice. Special attention is paid to the specifics of ensuring the rights of legal entities and individual entrepreneurs when using remote communication systems. The author critically analyzes the risks of devaluation of procedural guarantees during the transition to the «electronic justice» format. The paper argues for the need to create a

secure digital environment that ensures a balance between the publicity of the trial and compliance with the confidentiality regime of interaction between business entities and defenders. The conclusion is formulated that the use of instant messengers and video conferencing systems should be strictly determined by participant identification algorithms and transparency requirements of final court decisions.

Keywords: criminal procedure, glasnost, video conferencing, legal entity, individual entrepreneur, messengers, digitalization of justice.

Фундаментальный характер принципа гласности предопределяет его статус как обязательного императива уголовного судопроизводства, не подлежащего девальвации при изменении технологической формы процесса. Будучи конституционной ценностью, закрепленной в ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, гласность выступает гарантом общественного контроля за правосудием и необходимым условием реализации права на справедливое судебное разбирательство.

Данная конституционная норма находит свое прямое продолжение в ст. 241 УПК РФ, которая императивно устанавливает открытость судебного разбирательства во всех судах. В контексте цифровой трансформации правосудия важно подчеркнуть, что положения ст. 278.1 УПК РФ, регламентирующие использование систем видео-конференц-связи, не создают исключений из общего правила гласности, а лишь расширяют пространственные границы его реализации.

Следовательно, применение любых дистанционных платформ (включая мессенджеры) должно в полной мере отвечать требованиям ст. 9 УПК РФ о недопустимости действий и решений, унижающих достоинство или создающих угрозу жизни и здоровью, а также гарантировать соблюдение ст. 15 УПК РФ о состязательности сторон. Несоблюдение стандартов «цифровой гласности» при участии юридических лиц и индивидуальных предпринимателей следует рассматривать как существенное нарушение процессуальной формы, влекущее за собой риск признания полученных доказательств и итоговых решений недопустимыми в силу ст. 75 УПК РФ.

В современных условиях дихотомия между традиционным залом судебного заседания и виртуальным пространством видеоконференцсвязи не должна приводить к дифференциации стандартов законности. Принцип гласности сохраняет свою строгую обязательность вне зависимости от способа трансляции волеизъявления участников. Более того, в условиях формирования цифровой парадигмы правосудия, возникает феномен и «цифровой гласности», который требует обеспечения транспарентности не только самого процесса, но и используемых алгоритмов идентификации.

Любая технологическая модификация – от классической ВКС до современных систем дистанционной связи – обязана отвечать критерию процессуальной прозрачности. Соблюдение гласности в цифровом контуре не может быть факультативным; оно является сущностным признаком легитимности судебного акта. Отступление от данного принципа под предлогом процессуальной экономии или технологического удобства неизбежно влечет за собой риск деградации правовых гарантий, особенно в делах с участием субъектов предпринимательской деятельности, где публичность контроля является ключевым барьером против необоснованного процессуального принуждения.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что интеграция мессенджеров в архитектуру уголовного судопроизводства предопределяет необходимость институционализации категории «цифровой личности». В данной системе координат принцип гласности обретает новое содержание, выступая в качестве высшего правового ценза: дистанционный формат судебного заседания должен обеспечивать трансляцию не столько визуального образа, сколько юридически верифицированного процессуального статуса участника.

Обеспечение прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в цифровом контуре правосудия находится в прямой корреляции с качеством нормативной регламентации алгоритмов платформы «Max». Ключевым условием легитимности таких процедур является создание механизмов, гарантирующих неизменность и достоверность идентификационных

данных, что призвано исключить риски несанкционированного участия в деле посторонних лиц. Таким образом, цифровизация уголовного процесса в отношении субъектов предпринимательской деятельности допустима лишь при условии сохранения незыблемости фундаментальных процессуальных гарантий и соблюдения баланса между технологической эффективностью и требованиями правовой определенности.

Апробация и последующая интеграция мессенджера «Max» в контур уголовного судопроизводства не может рассматриваться как изолированный технологический акт, вне системного единства с базовыми параметрами функционирования ГАС «Правосудие». Реализация принципа гласности в отношении субъектов предпринимательской деятельности (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) в современных условиях детерминирует необходимость глубокой нормативно-технической конвергенции программного обеспечения с императивными требованиями уголовно-процессуального законодательства [2; 3].

Концептуальные проблемы верификации в условиях межсистемного взаимодействия.

В отличие от ортодоксальных систем видеоконференцсвязи, применение платформенных решений типа мессенджеров требует обеспечения бесшовной интеграции с подсистемами ГАС «Правосудие», в первую очередь – в части аутентификации участников посредством ЕСИА. По справедливому замечанию Е.В. Марковичевой [7], цифровое правосудие априори предполагает соблюдение стандарта «процессуальной прозрачности». Это означает, что при дистанционном участии защитника или представителя бизнес-структуры через платформу «Max», сведения об их правовом статусе и полномочиях должны быть синхронизированы с материалами электронного уголовного дела в режиме реального времени.

В отсутствие подобной технологической синергии происходит деформация истинного принципа гласности (в концептуальном понимании В.В. Ершова [4]): суд и иные участники судопроизводства утрачивают инструмент немедленной верификации полномочий лица. Данный вакуум создает условия для «процессуальных диверсий», ставя под сомнение не только достоверность волеизъявления субъекта, но и легитимность всей процедуры получения доказательственной информации в цифровой среде.

Действующие Инструкции по судебному делопроизводству (в районных судах, верховных судах субъектов РФ и др.) на современном этапе сохраняют ориентацию на традиционные, преимущественно «материальные» формы фиксации процессуальной деятельности. Для обеспечения легитимизации использования платформенных решений, таких как мессенджер «Max», и приведения ведомственного регулирования в соответствие с вызовами цифровизации, представляется необходимым реализовать комплекс следующих мер:

- модернизация нормативных положений, регламентирующих использование систем дистанционной связи. Требуется внесение изменений в соответствующие разделы Инструкций с целью расширения перечня допустимых программно-технических средств, способных обеспечить защищенный протокол взаимодействия. При этом технологическая нейтральность законодательства должна сочетаться с жесткими требованиями к сертификации таких инструментов;

- унификация алгоритмов процессуальной фиксации дистанционного участия. В рамках развития ГАС «Правосудие» необходимо закрепить четкий порядок отражения в протоколе судебного заседания факта и способа дистанционного подключения участников. Это позволит минимизировать риски оспаривания достоверности судебного акта по формальным основаниям;

- институционализация регламента «цифрового присутствия» для широкого круга субъектов. В целях обеспечения конституционного стандарта гласности, на важность которого указывают в своих работах О.А. Качалова, требуется разработка специальных правил доступа к дистанционным заседаниям для слушателей и представителей средств массовой информации. Обеспечение публичности процесса в цифровой среде должно стать не факультативной опцией, а обязательным условием транспарентности правосудия [6].

Подобная корреляция ведомственных актов с принципами уголовного судопроизводства

позволит избежать фрагментарности правового регулирования и обеспечит устойчивость процессуальной формы в условиях технологического прогресса».

В контексте совершенствования процессуальных механизмов защиты прав субъектов предпринимательской деятельности представляется необходимым рассмотреть вопрос о формировании эффективных «нормативных фильтров».

Соблюдение законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в условиях цифровизации правосудия диктует потребность в имплементации в Инструкцию по делопроизводству четких гарантий сохранения адвокатской тайны, в том числе при коммуникации через мессенджеры. В рамках модернизации ГАС «Правосудие» целесообразно предусмотреть создание специализированного технического «шлюза». Данный инструментарий должен обеспечивать представителю юридического лица и его защитнику возможность перехода в режим конфиденциального диалога, исключающий риски фиксации (записи) и трансляции информации в общий канал гласности, что в полной мере отвечает современным стандартам обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь.

Тем самым, модернизация Инструкций по делопроизводству – это не технический вопрос, а вопрос обеспечения правовой определенности. Мы должны исключить ситуацию, когда использование мессенджера «Max» становится дискрецией отдельного судьи, а не системным элементом цифровой архитектуры ГАС «Правосудие».

Гласность как истинный принцип права, в цифровую эпоху реализуется через надежность программного обеспечения. Реформирование Инструкций по судебному делопроизводству в части интеграции современных средств связи (мессенджеров) с ГАС «Правосудие» позволит минимизировать риски нарушения прав ЮЛ и ИП, обеспечив гласность процесса без потери его защищенности.

Для реализации принципа гласности в условиях цифровой трансформации и легитимизации мессенджера «Max» в процессах с участием бизнеса, необходим системный, поэтапный подход. В соответствии с концепцией В.В. Ершова [5] о праве как единстве теории и практики, предлагается следующий алгоритм реформирования.

Этап 1. Законодательный уровень: модернизация УПК РФ.

Прежде всего, необходимо преодолеть «техническую узость» текущих норм. Как подчеркивает О.А. Качалова, процессуальная форма не должна быть тормозом для правосудия, но обязана гарантировать права участников.

Изменение ст. 241 УПК РФ (Гласность). Необходимо закрепить возможность обеспечения доступа к открытому заседанию не только через физическое присутствие, но и путем предоставления «авторизованного цифрового доступа» через верифицированные платформы.

Изменение ст. 241.1 и ст. 189.1 УПК РФ. Предлагается расширить понятие «технических средств связи», включив в них специализированное программное обеспечение (мессенджеры), интегрированное с государственными информационными системами. Это создаст правовой фундамент для использования платформы «Max».

Особый статус ЮЛ и ИП. Введение нормы, позволяющей представителям бизнеса ходатайствовать о дистанционном участии через мессенджер при условии обеспечения конфиденциальности консультаций с защитником (что коррелирует с исследованиями Е.А. Костенюк).

Этап 2. Ведомственный уровень: Изменения в Инструкцию по судебному делопроизводству в районных судах (Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 N 36 (ред. от 30.12.2025) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде»).

На этом этапе происходит институционализация процесса, которую Е.В. Марковичева называет «созданием цифровых алгоритмов правосудия».

1. Регламентация «Цифрового зала суда». В Инструкцию необходимо внести главу, определяющую порядок подключения участников через мессенджер «Max». Это должно

включать обязательную фиксацию в журнале судебного заседания ГАС «Правосудие» ID-идентификатора участника.

2. Протоколирование и архивация. Изменение порядка ведения протокола. Гласность требует, чтобы аудио- и видеопоток из мессенджера автоматически сохранялся в ГАС «Правосудие» как неотъемлемая часть материалов дела.

3. Верификация полномочий, Инструкция должна содержать требование о предварительной загрузке в систему (через личный кабинет) сканов доверенностей и ордеров адвокатов, подтвержденных УКЭП, до начала сеанса связи в мессенджере.

Этап 3. Технико-правовая интеграция с ГАС «Правосудие».

Реализация истинного принципа гласности невозможна без обеспечения «технической достоверности» [1].

Синхронизация. Мессенджер «Max» должен стать интерфейсом (front-end), в то время как ГАС «Правосудие» остается ядром (back-end). Любое действие в мессенджере (заявление ходатайства, предъявление документа ИП) должно мгновенно отражаться в системе делопроизводства суда.

Публичный контур. Создание в ГАС «Правосудие» модуля «Публичная трансляция», куда при наличии технической возможности и соблюдении требований ст. 241 УПК может транслироваться поток из мессенджера для неограниченного круга лиц (реализация внешней гласности).

В контексте обеспечения прав субъектов предпринимательства нормативная фиксация статуса цифровых платформ в УПК РФ должна базироваться на диалектическом понимании принципа гласности. Современная архитектура уголовного судопроизводства требует трансформации гласности из сугубо механического обеспечения открытости процесса в сложный правовой механизм, где публичность судебного разбирательства гармонично сочетается с защитой профессиональной и коммерческой тайны.

Легитимация использования мессенджера «Max» на уровне закона позволит рассматривать цифровой интерфейс не как угрозу транспарентности, а как инструмент реализации «умной гласности». Это подразумевает, что право на доступ к информации и участие в процессе реализуется через защищенные каналы связи, где пределы публичности четко верифицированы законом. Таким образом, гласность перестает быть абстрактной категорией и становится гарантированным стандартом участия ЮЛ и ИП в процессе, обеспечивая баланс между общественным интересом и конфиденциальностью адвокатского взаимодействия.

Литература:

1. Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 5 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-videokonferentssvyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-i-zarubezhnyh-stran (дата обращения: 15.02.2026).

2. Вилкова Т.Ю. Уголовный процесс. Принцип гласности уголовного судопроизводства. М.: Юрайт, 2025. 277 с.

3. Вилкова Т.Ю. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы: монография. М., 2024. 286 с.

4. Ершов В.В. Принципы российского уголовно-процессуального права: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2016. №7. С. 27-38.

5. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография / В.В. Ершов. – Москва: РГУП, 2020. – 564 с.

6. Качалова О.В., Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. 2025. №1 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chastnye-i-publichnye-interesy-pri-proizvodstve-po-ugolovnym-delam-i-tsifrovizatsiya-ugolovnogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 15.02.2026).

7. Марковичева Е.В. Цифровая трансформация Российского уголовного судопроизводства // Правосудие. 2020. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-rossiyskogo-ugolovnogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 15.02.2026).

8. Марковичева Е.В., Рябинина Т.К. Гласность судебного разбирательства по уголовным делам: баланс публичных и частных интересов // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 132-150.

Крипиневич Светлана Сергеевна
ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
доцент кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной,
кандидат юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

СИСТЕМНОСТЬ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ: ОТ ФРАГМЕНТАРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ К ОБЩИМ УСЛОВИЯМ

УДК 434.13

Аннотация. В статье анализируются пробелы в правовом регулировании подготовительной деятельности суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. На основе обобщения судебной практики обосновывается необходимость формирования института общих условий как способа восполнения законодательного процессуального вакуума и обеспечения законности принимаемых судебных решений на этапе подготовки к судебному заседанию в досудебном производстве.

Ключевые слова: досудебное производства, общие условия, судебные решения, подготовка, судебная деятельность, судебное заседание.

Abstract. The article analyzes the gaps in the legal regulation of the court's preparatory activities in the pre-trial stages of criminal proceedings. Based on the generalization of judicial practice, the article substantiates the need to establish the institution of general conditions as a way to fill the legislative procedural vacuum and ensure the legality of court decisions at the stage of preparation for a court hearing in pre-trial proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, general conditions, court decisions, preparation, judicial activities, court hearing.

В настоящий момент процедура судебной деятельности в досудебных стадиях не предусматривает подробного нормативного регулирования. Это обстоятельство уже неоднократно становилось предметом научных обсуждений, были высказаны интересные и во многом конструктивные предложения по преодолению трудностей правоприменителей, связанных с недостатком законодательного регулирования (пробелами в указанной части) [1; 2; 3]. Тем не менее, законодательно эти проблемы не решаются, о чем однозначно сигнализирует правоприменительная практика.

Так, в нарушение порядка рассмотрения жалоб суд не заслушал принимавшего участие в судебном заседании заявителя и его представителя, не предоставил возможность иным участвующим в судебном заседании лицам высказаться по существу доводов жалобы заявителя, не предоставил заявителю возможность выступить с репликой, а изложенные в этой части в протоколе судебного заседания процессуальные действия не подтверждаются аудио записью судебного заседания. В связи с этим решение суда отменено [4].

Другой пример. В нарушение ч. 3 ст. 125 УПК РФ суд не известил (даже не предпринял попытку известить) заявителя о месте, дате и времени судебного заседания, и это при том, что суд располагал сведениями об адресе его проживания [5].

В отдельной части представляется понятной причина сложившейся проблемной ситуации в части регулирования судебной, включая подготовительную, деятельности: уголовно-процессуальный закон, в том числе и по большей части именно в досудебном производстве перегружен различными деталями. В силу системности уголовно-процессуального закона введение дополнительных процедурных правил в судебное производство приведет к необходимости расширения объема регулирования деятельности органов досудебного производства, что еще больше усложнит их работу.

Хотя процедура самого судебного заседания находит хотя бы фрагментарное отражение в нормах уголовно-процессуального закона, регулирование подготовки к нему в досудебном производстве полностью отсутствует – здесь наблюдается процессуальный вакуум. Тем не менее следует признать, что судья обладает фундаментальными полномочиями, реализуемыми именно на этой стадии (например, правом вынесения решения об отказе в принятии жалобы о нарушении конституционных прав граждан).

Так, судом неправильно был определен предмет обжалования, что повлекло необоснованный отказ в принятии жалобы к рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ. В

результате постановление Льговского районного суда отменено, материал по жалобе направлен в тот же суд на новое рассмотрение со стадии принятия к судебному производству [6].

Важным считаем при этом акцентировать внимание на системности регулирования судебной деятельности. Полагаем, что в рамках судебной деятельности указанный признак должен быть обязательным и распространяться не только на само судебное заседание, но и на этап его подготовки. Основа всех задач, которые суд призван решить в судебном заседании, должна быть подготовлена на предшествующем ему (судебному заседанию) этапе.

В практической плоскости реализация рассматриваемого требования не отличается последовательностью. Несмотря на то что ст. 7 УПК РФ закрепляет для судьи императив вынесения законных, обоснованных и мотивированных постановлений, процессуальный закон не возлагает на суд обязанность по истребованию фактических материалов в ходе разрешения ходатайств органов предварительного расследования либо жалоб, подаваемых в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ. Следствием этого выступает отсутствие на этапе подготовки к судебному заседанию процессуального механизма, позволяющего сформировать доказательственную базу, необходимую для вынесения судебного акта, отвечающего установленным критериям.

Вместе с тем на подготовительном этапе судья наделяется полномочиями по осуществлению контрольных функций, в частности по проверке законности обращения. Таким образом, уже в рамках подготовки к судебному заседанию судья объективно нуждается в располагаемой совокупности фактических данных, позволяющих обеспечить соответствие принимаемого решения требованиям ст. 7 УПК РФ. Однако приходится констатировать, что реализация указанных полномочий осуществляется в условиях полного отсутствия нормативной регламентации такой судебно-подготовительной деятельности.

В отсутствие четкой законодательной регламентации судебная практика сформировала собственные прецедентные подходы. Как свидетельствует обобщение судебных материалов, суды фактически перешли к решению контрольных задач уже на этапе подготовки к судебному заседанию. В подтверждение этому можно привести пример из судебной практики, когда суд, еще до начала судебного заседания, оценил компетентность должностного лица, проверил законность возбуждения дела и соблюдение сроков обращения, а также констатировал наличие достаточных данных о событии преступления, обоснованность подозрения в отношении конкретного лица и подтверждение законности его задержания (ст. 91, 92 УПК РФ). Далее в указанном судебном решении следует формулировка, имеющая, как представляется, важное значение для подготовительного этапа судебной деятельности в досудебном производстве: «В представленных суду первой инстанции материалах содержатся достаточные для данной стадии уголовного производства документы, подтверждающие обоснованность избрания в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу» [7].

Иная ситуация отражена в постановлении Подольского городского суда Московской области от 11 января 2018 г., где суд отказал в принятии к рассмотрению жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела от 6 марта 2014 г [8]. В данном случае также уже на этапе предварительного изучения представленных материалов судья не усмотрел оснований для принятия жалобы к производству. Суд апелляционной инстанции поддержал данное решение, указав, что суд первой инстанции правомерно установил отсутствие нарушения конституционных прав заявителя и затруднения доступа к правосудию. Данный судебный акт был вынесен в порядке подготовки к судебному заседанию, фактическое проведение которого было признано нецелесообразным.

Есть ряд весьма показательных судебных решений, демонстрирующих что в условиях подготовки к судебному заседанию фактически судьи принимают решение по существу заявленной жалобы: «Судьей неверно определен предмет обжалования при проведении предварительной подготовки к судебному заседанию и фактически жалоба заявителя разрешена по существу, что противоречит требованиям ч. 3 ст. 125 УПК РФ, при этом судьей не было установлено, воспользовался ли заявитель правом, предусмотренным ст. 124 УПК РФ, и не имеется ли решения об удовлетворении такой жалобы» [9].

Суд первой инстанции в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию установил, что из текста жалобы заявителя К. можно сделать вывод о том, что следователь неправильно собирает и хранит вещественные доказательства [10].

Неотъемлемым компонентом уголовно-процессуальной формы выступает документирование хода и результатов процессуальной деятельности с наделением соответствующих носителей информации юридической силой. В судебном заседании регламентация документального фиксирования ограничена постановлением судьи, выносимым в связи с разрешением вопросов, указанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Между тем юридически значимый характер могут приобретать и иные обстоятельства, выходящие за пределы указанного перечня. В качестве примера можно привести извещение лиц, чье участие признается законом обязательным. Исходя из содержания ч. 3 ст. 125 УПК РФ, проведение судебного заседания по жалобе при неявке перечисленных в норме лиц допускается только при условии, что они были извещены заблаговременно. Следовательно, определяющее значение имеет не столько сам факт направления извещения, сколько его своевременность. Полагаем, что подобные процессуальные действия обладают самостоятельной правовой значимостью и требуют документальной фиксации в целях обеспечения законности судебного разбирательства. В то же время уголовно-процессуальный закон не содержит правил, регламентирующих порядок такого документирования.

Особое значение имеет документирование самого судебного заседания, проводимого, например, в порядке ст. 125 УПК РФ. Учитывая полное отсутствие в уголовно-процессуальном законе упоминания о протоколировании судебного заседания, тем не менее отметим, что в правоприменительной практике это правило соблюдается. Более того, в ряде ситуаций ведется не только обычный (на бумажном носителе), но и аудио-протокол.

Сопоставительный анализ различных форм подготовительной деятельности, реализуемых на досудебных и судебных этапах уголовного судопроизводства, позволяет выявить следующую закономерность, представляющую теоретический интерес.

В рамках судебных стадий вариативность носит сугубо процедурный (формальный) характер, тогда как круг вопросов, подлежащих разрешению судом, остается неизменным в силу его нормативной определенности и исчерпывающей регламентации. Применительно к досудебным стадиям подготовительная деятельность напротив характеризуется вариативностью как в содержательном, так и в формальном отношении. Это обусловлено тем, что различными свойствами обладают как процедуры судебного заседания, так и перечень разрешаемых вопросов, что неизбежно накладывает отпечаток на сущность и объем подготовительных действий.

В связи с реализацией контрольно-ревизионных полномочий на этапе подготовки к судебному заседанию обращает на себя внимание отсутствие нормативно закрепленной процедуры вынесения судьей таких промежуточных решений, как отказ в приеме обращения либо оставление его без рассмотрения. Подобные судебные акты, несмотря на их широкое распространение в правоприменительной практике, принимаются в условиях правовой неопределенности, что актуализирует не только задачу восполнения существующего законодательного пробела, но и проблему оценки юридической состоятельности уже вынесенных постановлений.

Обобщение материалов судебной практики позволяет констатировать, что подходы к определению приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК РФ, нередко экстраполируются из институтов апелляционного и кассационного производства. Вместе с тем представляется, что данный вид обращений должен оцениваться по самостоятельным критериям, обусловленным спецификой предмета обжалования, особенностями досудебной стадии процесса, сжатыми сроками судебной проверки, а также факультативным характером процессуального статуса заявителя.

Все эти проблемные аспекты ставят задачу (при нормативистском подходе к регулированию уголовно-процессуальной деятельности) по разработке масштабных дополнений уголовно-процессуального закона правилами, обращенными:

- на сроки;

- порядок подготовки к судебному заседанию в досудебных стадиях в случаях, определенных ст. 108, 109, 125, 125.1, 165 и др. УПК РФ;

- определение круга участников при четком формулировании условий участия определенных лиц;

- документирование судебной деятельности и др.

И все эти правила должны соответствовать высокому уровню вариативности, обусловленному подходом законодателя к определению не только круга участников, но и характера этого участия (обязательный, факультативный). Получается, что для такого этапа деятельности как подготовка судьи к проведению судебного заседания в досудебном производстве в уголовно-процессуальный закон должны быть внесены весьма многочисленные дополнения. Полагаем, что такого рода подход вряд может быть реализован и сомнения в этом тем более обоснованы, что законодателем до настоящего времени эти правила не установлены. Отметим, что современные научные исследования направлены именно в это русло и предлагают многочисленные изменения и дополнения уголовно-процессуального закона [11, с. 27-28; 12, с. 190-191; 13, с. 91; 14; 15].

В то же время выполнение значимых в правовом отношении действий и принятие процессуальных решений, имеющих характер юридических фактов не позволяют оставлять эту сферу уголовно-процессуальных правоотношений без нормативного регулирования. Тем более, что в условиях досудебного производства, как ранее уже отметили, высока значимость системного регулирования и отсутствие этой системы в одном звене неизбежно и негативно отражается на всех иных элементах, входящих в эту систему.

Судебные заседания, проводимые в досудебном производстве, отличаются индивидуальностью процессуальной формы: каждое из них призвано разрешать свой специфический круг вопросов (отличаются качеством индивидуальности), следовательно, дифференциация прослеживается одновременно как в содержательном, так и в процедурном аспектах.

В настоящий момент активно развивается концепция, согласно которой требуется расширить круг общих условий судебного разбирательства, с возможностью их применения к процедуре предварительного слушания [16, с. 182].

Данная концепция находит своих сторонников. В частности, высказываются предложения о включении в категориальный аппарат уголовно-процессуального права таких дефиниций, как «общие условия всего уголовного процесса» [17, с. 47-48]; «общие условия уголовного судопроизводства» [18, с. 398; 19, с. 25]; «условия применения особого порядка судебного разбирательства» [20, с. 45-60]; «общие условия отказа государственного обвинителя от обвинения» [21, с. 130-150]; «общие условия возбуждения уголовного дела» [22]; «общие условия упрощенного производства» [23, с. 51]; «общие условия производства в суде присяжных» [24, с. 422-425]; «общие условия судебного разбирательства с участием присяжных заседателей» [25, с. 7,60].

По мнению М.П. Полякова и Р.Р. Шайхулова, выработать общие условия возможно исключительно применительно к двум стадиям – досудебной и судебной: «наличие общих условий у двух стадий обусловлено смешанным типом российского уголовного процесса, который на досудебном этапе тяготеет к розыскному типу процесса, а на судебном – к состязательному» [26, с. 19].

Дальше в своих рассуждениях идет К.И. Мигушин: «Система общих условий может быть разработана применительно к любой стадии… Подобные условия могут быть свойственны также не только стадиям, но и их частям (институтам), например, следственным действиям» [27, с. 10].

Развивая данную идею в указанном направлении, можно представить и возможность формирования общих условий судебного заседания в досудебных стадиях, как элемент, в том числе процессуальной формы подготовки к судебному заседанию.

Представляется, что предложения, касающиеся формирования общих условий

применительно к разным стадиям уголовного процесса, являются перспективными. Их практическая реализация позволила бы существенно повысить эффективность разрешения вопросов, связанных с подготовительной деятельностью, включая этапы, не входящие в судебное разбирательство.

С нашей точки зрения, общие условия представляют собой систематизированные нормативные правила, определяющие порядок осуществления процессуальных действий на конкретной стадии. Они обладают рядом отличительных черт: во-первых, характеризуются более высокой степенью нормативной определенности по сравнению с принципами; во-вторых, ориентированы на детальную регламентацию процедуры; в-третьих, сохраняют универсальный характер, распространяя свое действие либо на множество участников, либо на одного, но в широком спектре процессуальных ситуаций.

Применительно к этапу подготовки к судебному заседанию в качестве общих условий могут выступать:

- полномочия председательствующего до начала судебного заседания, включая ознакомление с обращениями, поступившими в суд, истребование новых либо дополнительных материалов;
- сроки совершения отдельных действий или принятия процессуальных решений;
- обеспечение явки участников;
- определение сроков проведения судебного заседания;
- полномочия секретаря судебного заседания и помощника судьи по подготовке судебного заседания;
- сроки совершения отдельных действий или принятия процессуальных решений;
- обеспечение явки участников;
- определение сроков проведения судебного заседания;
- полномочия секретаря судебного заседания и помощника судьи по подготовке судебного заседания;
- основные вопросы, подлежащие разрешению судьей до начала судебного заседания в досудебных стадиях;
- порядок вынесения судьей решений до начала судебного заседания, их виды, форма, правовое значение.

Иные элементы уголовно-процессуальной деятельности судьи в условиях подготовительного этапа, полагаем, могут быть восприняты из иных форм судебной деятельности, «перенесены» судьей в указанный этап и реализованы с использованием нормативного регулирования соответствующей стадии.

Литература:

1. Устинов А.А. Особенности доказывания при рассмотрении судом жалоб в ходе досудебного производства по делу // Российский судья. 2020. № 7. С. 36-41.

2. Ендольцева А.А. Производство по жалобе, поступившей в суд в порядке ст. 125 УПК РФ: дискуссионные вопросы // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 39-44.

3. Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О процессуальном порядке разрешения военными судами жалоб на досудебной стадии уголовного процесса: материалы судебной практики // Право в вооруженных силах. 2023. № 11. С. 78-83.

4. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 13.06.2023 г. по делу № 3/10-8/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 06.06.2024 г. по делу № 22к-2282/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

6.Апелляционное постановление Курского областного суда от 12.02.2024 г. по делу № 22К-126/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное определение Тульского областного суда от 27.10.2017 г. по делу № 22–2365 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Апелляционное определение Московского областного суда от 13.02.2018 г. по делу № 22к–864 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное постановление Брянского областного суда от 31.10.2024 г. по делу № 22-1655/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.12.2023 г. по делу № 10-24869/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Семенцов В.А. Судебный контроль при производстве следственных действий // Российский судья. 2005. № 12. С. 26-30.

12. Бедняков И.Л. Некоторые вопросы осуществления судебного контроля за законностью производства следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 3. Самара: Самарский ун-т, 2008. С. 187-198.

13. Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2009. – 95 с.

14. Кондрат И.Н. Судебный контроль в охране прав и свобод участников уголовного процесса на стадии досудебного производства: пробелы законодательного регулирования и перспективы его совершенствования // Российский судья. 2012. № 11. С. 29-32.

15. Глухов А.С. Обжалование в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ, решений, действий (бездействия) дознавателей и органов дознания ФССП России // Юстиция. 2016. № 4. С. 93-104.

16. Дудко Н.А. Общие условия судебного разбирательства в системе гарантий социалистического правосудия: дис. … канд. юрид. наук. М., 1984. – 218 с.

17. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 251 с.

18. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учебник для вузов / Р.Х. Якупов / науч. ред. В.Н. Галузо. 5-е изд., испр. и доп. М.: Зерцало, 2005. – 607 с.

19. Тарнавский О.А. Обеспечение прав и частных интересов участников уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. – 191 с.

20. Рыбалов К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М.: Юрлитинформ, 2004. – 146 с.

21. Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. – 239 с.

22. Козырев П.П. Общие условия возбуждения уголовного дела как средство обеспечения единства процессуальной формы // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Вып. 11. Омск: Омская академия МВД России, 2004. С. 112-115.

23. Гладышева О.В., Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2008. – 148 с.

24. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов / под ред. А. П. Гуськовой, А. В. Ендольцевой. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2007. – 639 с.

25. Петровский Н.К. Вердикт присяжных заседателей и его социально-правовые последствия: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1998. – 198 с.

26. Поляков М.П., Шайхулов Р.Р. О принципиальном подходе к понятию общих условий стадий досудебного и судебного производства // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1.С. 18-20.

27. Мигушин К.И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России: теоретические и прикладные аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. – 188 с.

Купин Алексей Фёдорович
Главное управление криминалистики (Криминалистический центр)
Следственного комитета Российской Федерации,
старший инспектор,
кандидат юридических наук, доцент
(Москва Россия)

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ АЛГОРИТМОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДОКУМЕНТИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ, ХРАНЯЩЕЙСЯ НА СВТ

УДК 343.982.4

Аннотация. В статье рассмотрены криминалистические особенности изучения средств вычислительной техники с участием специалиста в целях поиска, обнаружения, изъятия документированной информации. Исходя из конкретных ситуаций, связанных с осмотром средств вычислительной техники и электронных носителей информации, описан алгоритм работы специалиста, позволяющий оптимизировать порядок действий в ходе таких осмотров.

Ключевые слова: электронные носители информации, средства вычислительной техники, электронные документы, цифровые изображения документов, документированная информация.

Abstract. The article discusses the forensic features of studying computer equipment with the participation of a specialist in order to search for, detect, and remove documented information. Based on specific situations related to the examination of computer equipment and electronic media, the article describes an algorithm for the specialist's work, which allows for optimizing the procedures during such examinations.

Keywords: electronic media, computer equipment, electronic documents, digital images of documents, and documented information.

Возможности обнаружения, фиксации и изъятия документированной информации с различных средств вычислительной техники (далее – СВТ), а также последующего ее использования в раскрытии и расследовании преступлений рассмотрены в ряде работ [3; 4; 6, с. 8-15; 7; 11], а порядок изъятия электронных носителей информации (далее – ЭНИ) и копирования данных с них закреплен в ст. 164.1 УПК РФ. В связи с чем отсутствует необходимость в подробном разъяснении основополагающих начал производства таких действий. По нашему мнению, целесообразным и актуальным видится разработка конкретных криминалистических рекомендаций – алгоритмов, в которых найдет отражение порядок использования специальных знаний в целях поиска сведений об отдельных видах такой информации – электронных документах, изображениях документов и следах работы с ними.

Заметим, что как правило, для осмотра СВТ в целях обнаружения фиксации и изъятия информации в качестве специалистов могут привлекаться сотрудники правоохранительных органов, которые по занимаемой должности являются либо экспертами по специальностям, предполагающим исследование компьютерных устройств, либо специалистами в той же сфере [9, с. 130; 15]. Кроме того, в качестве специалистов могут быть привлечены и иные лица, которые обладают необходимыми специальными познаниями [1, с. 141].

При подготовке к производству следственного действия специалисту, в первую очередь, важно получить от следователя сведения о его сути и определенных важных обстоятельствах. Зачастую следователь может не обладать конкретной информацией о вещной обстановке на месте проводимого следственного действия, однако, как правило, он располагает сведениями, которые имеют значение для специалиста, к ним относятся:

1. Место проведения следственного действия;
2. Вид и предположительное количество осматриваемых СВТ;
3. Возможное место хранения искомой компьютерной информации:
- персональные или служебные компьютеры и телефоны;
- локальный сервер, видеорегистратор;
- удаленный сервер и т.д.;
4. Владельцы устройств и компьютерной информации, а также лица, обладающие доступом к ним [12; 14].

Представляется возможным выделить три типовых места производства следственного действия, отличающихся специфическими приемами подготовки:

1. Жилой дом, квартира в многоэтажном доме или иное небольшое помещение или постройка, в которых проживает или периодически находится относительно небольшое количество людей;

2. Офисные помещения, крупное предприятие или учреждение, а также случаи проведения одновременных обысков в нескольких обособленных друг от друга строениях (помещениях) одной организации или зданий и участков, принадлежащих одному лицу;

3. Труднодоступная местность, на которой может отсутствовать доступ к электричеству и связи.

В зависимости от одной из этих ситуаций специалисту необходимо принять решение о подготовке дополнительных технических средств, которые будут использованы в ходе следственного действия. Прежде всего, такими дополнительными средствами являются:

1. Внешние накопители информации, на которые в ходе следственного действия будут создаваться криминалистические образы, копироваться компьютерная информация, а также извлекаться данные с обнаруженных СВТ, изъятие которой в конкретной ситуации не представляется возможным по различным причинам;

2. Электрогенераторы и портативные внешние аккумуляторы, которые необходимы в случае, если ожидается длительное производство следственного действия в труднодоступной местности или в местах, где возможны проблемы с доступом к электричеству;

3. Специальные технико-криминалистические средства, необходимость применения

которых обусловлена обстоятельствами, известными участникам следственного действия.

Важно иметь ввиду, что лицом, ответственным за производство следственного действия, является следователь (дознаватель), поэтому именно он организует порядок его производства. В зависимости от указаний следователя и состава следственной оперативной группы специалисту могут быть поручены и другие задачи, не связанные напрямую с поиском и извлечением информации с различных СВТ. Так, помимо работы с ЭНИ специалисту может быть поручено:

- производство фото- и видеофиксации хода производства следственного действия;
- участие в осмотре помещений и поиске конкретных объектов;
- поиск и фиксация различных следов человека и иных следов, наличие которых позволяет сформировать объективное представление о происходящих событиях и (или) действиях;
- применение специальных технико-криминалистических средств [2; 5; 8; 10].

Общий алгоритм действий специалиста по непосредственному изучению СВТ, в целях получения сведений об электронных документах, изображениях документов и работе с ними сводится к следующим шагам.

1. Произвести поиск СВТ, предположительно содержащего интересующую органы расследования преступлений цифровую информацию, при нахождении выполнить фото-видео фиксацию обнаруженного устройства.

2. Осуществить действия по техническому обеспечению осмотра обнаруженных СВТ.

3. Обеспечить минимизацию утерь или изменения данных, хранимых на обнаруженных СВТ.

4. При необходимости провести извлечение данных из обнаруженных СВТ непосредственно на месте производства следственного действия.

5. Оказать помощь в описании в протоколе следственного действия процесса обнаружения, фиксации и изъятия СВТ, а также изъятия хранящейся на нем информации, если в этом была необходимость.

Этот порядок, в зависимости от типа места производства следственного действия, а также типа обнаруживаемого и изымаемого СВТ, может дополняться отдельными операциями. Непосредственное обнаружение информации об электронных документах, изображениях документов и работе с ними, при обнаружении СВТ производится в следующем порядке.

1. Получение доступа к данным на ЭНИ.

2. Извлечение данных из средства вычислительной техники, в том числе, путем обнаружения скрытых и восстановления удаленных данных о цифровых изображениях документов и работе с ними.

3. Извлечение данных из облачных сервисов и хранилищ.

4. Интерпретация извлеченных и обработанных данных в доступный для изучения формат и передача их следователю.

Исходя из особенностей осмотра непосредственно самих СВТ, а также содержащихся в них ЭНИ возможно условно выделить два вида осмотра: в служебном кабинете или в ходе производства осмотра места происшествия, обыска, выемки или любого другого следственного действия, проводимого вне служебного кабинета.

Изучение в служебном кабинете начинается с фотофиксации предоставленных на осмотр упакованных объектов и их дальнейшей распаковки [13]. В ходе фиксации необходимо сфотографировать как общие, так и частные признаки осматриваемого ЭНИ, а также СВТ, если ЭНИ первоначально находится в этом устройстве. Так, необходимо зафиксировать:

- место расположения СВТ (общие, узловые снимки);
- внешний вид и состояние устройства (лицевая, оборотная стороны, снимки по диагонали при необходимости)
- идентифицирующие маркировочные обозначения, рукописные и иные надписи;
- если объектом осмотра является системный блок, в составе которого имеется 2 и более электронных накопителя, необходимо после демонтирования стенок корпуса произвести фотофиксацию обнаруженных внутри корпуса накопителей, а также схему их подключения к

материнской плате.

К наиболее распространенным признакам, которые необходимо зафиксировать, отдельных СВТ также относятся: серийный номер, IMEI – международный идентификатор мобильного оборудования и ICCID (Integrated Circuit Card Identifier) – серийный номер SIM-карты из 19-20 цифр, который, как правило, располагается на одной из сторон возле чипа, разные повреждения и пояснительные надписи, которые могут располагаться на отдельных устройствах. Далее следует предпринять меры по предотвращению удаления или изменения компьютерной информации, хранящейся на осматриваемых и изымаемых устройствах.

В результате осмотра в зависимости от применяемых технических средств форма представления обработанных данных может быть разной. Например, при использовании специальных программных средств, таких как «Мобильный криминалист», «UFED Physical Analyzer» и «MD-RED», существует возможность создания электронного «отчета», вместе с которым сохраняется программа для просмотра данного отчета в том виде, в каком его создавал специалист. Использование подобной формы представления результатов осмотра позволяет упростить работу как специалисту, так и следователю, который будет ознакомлен с данным «отчетом», так как специалисту для его создания необходимо лишь выделить необходимые обработанные данные и объединить их при создании «отчета», а следователю для осмотра данных на устройстве не потребуется наличие каких-либо специальных знаний или сложных инструкций.

Таким образом, применение разработанных и предлагаемых к использованию алгоритмов позволяет эффективно осуществлять поиск, обнаружение и извлечение информации, связанной с созданием, копированием электронных документов и изображений документов и работой с ними, хранящейся на СВТ.

Литература:

1. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? в 2 т. Том 1. Общая часть / А.Р. Белкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 287 с.

2. Болычев В.Г. Применение научно-технических средств в процессуально-тактической деятельности следователя: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2012. – 23 с.

3. Васюков В.Ф. и др. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учебное пособие / В.Ф. Васюков, А.Г. Волеводз, М.М. Долгиева, В.Н. Чаплыгина. – М.: Прометей, 2023. – 1086 с.

4. Вехов В.Б., Ковалев С.А. Особенности использования специальных знаний для получения доказательственной информации при исследовании электронных мобильных устройств / В.Б. Вехов, С.А. Ковалев // Судебная экспертиза. – 2016. №4 (48). – С. 8-18.

5. Виницкий Л.В. и др. Актуальные вопросы использования помощи специалиста на стадии возбуждения уголовного дела: монография / Л.В. Виницкий, С.Л. Мельник, Я.Д. Ревенко. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 226 с.

6. Гаврилов Б.Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учеб. пособие / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова. – М.: Проспект, 2017. – 160 с.

7. Латыпов В.С. Использование специальных знаний в теории и практике уголовного судопроизводства России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 214 с.

8. Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018. – 31 с.

9. Мира К.А. и др. Механизм хищения чужого имущества с использованием информационных технологий: монография / К.А. Мира, А.Н. Першин. – М: Юрлитинформ, 2024. – 184 с.

10. Расулова Н.С. и др. Заключение специалиста как справочно-вспомогательное средство доказывания в уголовном судопроизводстве: монография / Н.С. Расулова, С.Б. Россинский. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 176 с.

11. Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в уголовном судопроизводстве: монография / Ю.Н. Соколов. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 279 с.

12. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.

13. Стрельцов И. А. и др. Особенности цифровой фотосъемки при проведении осмотров мест происшествия: Методическое пособие для следователей и следователей-криминалистов / И.А. Стрельцов, В.В. Кузнецов, С.С. Никишов. – М., 2017. – 192 с.

14. Тушканова О.В. и др. Основы обнаружения и изъятия цифровых следов: Методические рекомендации / О.В. Тушканова, Т.Ю. Салихов, В.А. Смехнов, В.М. Щербак, В.В. Кузнецов. – М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. – 150 с.

15. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / А.М. Зинин, А.И. Семикаленова, Е.В. Иванова; под общ. ред. А.М. Зинина. – 2 изд., перераб. и доп. – М., 2018. – 288 с.

Макаренко Алёна Сергеевна
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
студент
(Тула, Россия)

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПРИ ДОПРОСЕ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

УДК 343.13

Аннотация. Статья рассматривает поведенческие тактические приёмы при допросе в уголовном процессе, анализирует правовые и этические границы их применения. Освещаются проблемы размытости критериев допустимого воздействия, работы с уязвимыми категориями лиц и недостаточной психологической подготовки следователей. Предлагаются пути решения: усиление обучения, видеофиксация допросов, привлечение психологов и другие.

Ключевые слова: допрос, уголовный процесс, тактические приёмы, правовые границы, этические нормы, следователь, психологическая подготовка, видеофиксация, профессиональная этика, методы воздействия.

Abstract. The article examines behavioral tactics during interrogation in criminal proceedings and analyzes the legal and ethical boundaries of their application. It highlights the problems of vague criteria for permissible influence, working with vulnerable categories of individuals, and insufficient psychological training of investigators. The article proposes solutions, such as enhancing training, recording interrogations, and involving psychologists, among others.

Keywords: interrogation, criminal proceedings, tactics, legal boundaries, ethical standards, investigator, psychological training, video recording, professional ethics, and methods of influence.

Допрос – одно из наиболее распространённых и значимых следственных действий в уголовном процессе, направленное на получение достоверных показаний от участников судопроизводства. Эффективность допроса во многом зависит от грамотного применения следователем поведенческих тактических приёмов, которые должны одновременно обеспечивать достижение целей расследования и соответствовать правовым и этическим нормам. В условиях роста требований к качеству следствия и усиленного внимания к соблюдению прав человека вопрос о границах допустимого воздействия приобретает особую актуальность.

Как отмечает В.С. Абраменкова, «Весь процесс допроса, если следователь проводит его искусно, мастерски, представляет собой психологическое воздействие на допрашиваемого. Само направление допроса, система постановки вопросов, предъявление при допросе тех или иных доказательств – всё это действует на психику обвиняемого» [1, с. 101].

Правовые основы допроса закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 187-191 УПК РФ). Закон запрещает применение насилия, угроз, обмана и иных незаконных методов воздействия (ст. 302 УК Российской Федерации). Этические границы определяются нормами профессиональной морали и общепризнанными принципами уважения человеческого достоинства. Ключевой критерий допустимости тактического приёма – сохранение свободы волеизъявления допрашиваемого: он вправе давать или не давать показания, причём без какого-либо принуждения.

Среди распространённых поведенческих приёмов выделяют:

- установление психологического контакта (доброжелательный тон, проявление понимания, поиск точек соприкосновения);
- допущение легенды (временное согласие с ложной версией для выявления противоречий);
- предъявление доказательств в нарастающем порядке (от менее значимых к наиболее весомым);
- использование противоречий в показаниях разных лиц;
- демонстрация осведомлённости следователя (создание впечатления полноты собранных данных);
- маскировка истинных целей вопросов;
- тактические паузы (выдерживание паузы после ответа для побуждения к дополнительным пояснениям);
- апелляция к положительным качествам допрашиваемого (акцент на его

ответственности, честности, социальной роли).

Рассмотрим пример допустимого приёма. Следователь, допрашивая подозреваемого в краже, сначала создаёт непринуждённую обстановку, задаёт нейтральные вопросы о биографии и привычках. Затем постепенно переходит к обстоятельствам преступления, последовательно предъявляя полученные доказательства: сначала косвенные (записи с камер наблюдения), затем прямые (результаты дактилоскопической экспертизы). Такой подход помогает преодолеть сопротивление без нарушения закона [2, с. 15]. В соответствии с наработанными криминалистической наукой рекомендациями, в процессе свободного рассказа допрашиваемого не следует перебивать, задавать ему вопросы, останавливать для того, чтобы записать в протокол уже сказанное, потому что допрашиваемый отвлекается от воспроизведения виденного им или услышанного, его внимание рассеивается, он может потерять «нить» рассказа [4, с. 80].

В то же время, на практике встречаются и проблемные случаи. Одна из ключевых проблем современности – размытость границ между допустимым психологическим воздействием и запрещённым принуждением. Например, длительное проведение допроса с минимальным перерывом, сопровождаемое настойчивыми требованиями (например, «признаться ради блага семьи»), может фактически трансформироваться в психологическое давление. Другой пример – использование дезинформации: сообщение подозреваемому заведомо ложных сведений о якобы имеющихся доказательствах его вины. Хотя такой приём иногда приводит к получению необходимых показаний, всё же он противоречит этическим нормам и может быть признан судом недопустимым доказательством.

Особую сложность в уголовном процессе представляет проведение допроса в отношении уязвимых категорий лиц, к которым относятся несовершеннолетние, лица с психическими расстройствами и пожилые люди. Повышенная внушаемость данных категорий участников следственных действий существенно увеличивает риск неправомерного психологического воздействия со стороны следователя – даже при использовании формально допустимых тактических приёмов.

Так, у детей и подростков когнитивные и эмоционально-волевые процессы находятся в стадии формирования. Для них характерны: повышенная восприимчивость к авторитету взрослого (в т.ч. следователя); склонность к фантазированию и смешению реальных и воображаемых событий; зависимость от внешней оценки и желание «угодить» собеседнику; недостаточное понимание долгосрочных последствий своих показаний [3, с. 259].

Что касается пожилых людей**, то** возрастные изменения нередко обусловливают: ухудшение памяти (особенно кратковременной); замедление когнитивных процессов и скорости реакции; повышенную тревожность и зависимость от одобрения со стороны; страх оказаться в непривычной стрессовой ситуации (в т.ч. на допросе).

Все эти факторы создают предпосылки для следующих рисков: получение недостоверных показаний из-за непроизвольного искажения информации; самооговор под влиянием психологического давления или желания «закончить процедуру»; отказ от реализации процессуальных прав (в т.ч. права на консультацию с адвокатом); травматизация личности в результате некорректного проведения допроса [5, с. 191].

Ещё одна проблема — недостаточная психологическая подготовка следователей. Многие опираются на интуицию, а не на научно обоснованные методики, что повышает вероятность ошибок и злоупотреблений. Кроме того, дефицит времени и высокая нагрузка вынуждают некоторых сотрудников прибегать к упрощённым, но сомнительным с точки зрения этики приёмам.

Серьёзной проблемой является также отсутствие единых стандартов оценки допустимости тактических приёмов. В разных регионах и даже в разных подразделениях одного ведомства подходы к допросу могут существенно различаться. Это создаёт предпосылки для злоупотреблений и затрудняет контроль за соблюдением прав допрашиваемых.

Кроме того, в условиях цифровизации появляются новые вызовы. Например, использование данных из социальных сетей для психологического воздействия на

допрашиваемого. Следователь может ссылаться на публикации подозреваемого, чтобы продемонстрировать свою осведомлённость или выявить противоречия. Хотя формально это не запрещено, возникает вопрос об этичности использования личной информации без согласия субъекта.

Для решения этих проблем можно предложить следующие меры.

1. Усиление профессиональной подготовки следователей: включение в программы обучения по юридической психологии и этике допроса, разбор типичных ошибок на практических занятиях. Важно не просто дать теоретические знания, но и отработать навыки на симуляциях реальных допросов.

2. Широкое привлечение психологов к участию в допросах, особенно при работе с уязвимыми категориями лиц. Специалист поможет подобрать корректные методы воздействия и проконтролировать их соответствие нормам.

3. Внедрение аудио - и видеофиксации всех допросов. Это не только дисциплинирует следователя, но и служит доказательством законности применяемых приёмов. Записи можно использовать для последующего анализа и обучения.

4. Разработка методических рекомендаций по допустимым тактическим приёмам с чётким разграничением законных и запрещённых методов. Такие пособия должны учитывать специфику допроса разных категорий лиц и содержать конкретные примеры корректного поведения.

5. Ужесточение контроля за соблюдением прав допрашиваемых: регулярные проверки протоколов, рассмотрение жалоб, дисциплинарная ответственность за нарушения. Важно создать систему, в которой злоупотребления будут выявляться и пресекаться на ранних стадиях.

6. Внедрение цифровых инструментов поддержки принятия решений. Например, программные комплексы, помогающие следователю выбирать оптимальные тактические приёмы с учётом личности допрашиваемого и обстоятельств дела, с автоматической проверкой на соответствие правовым нормам.

7. Повышение правовой грамотности допрашиваемых. Информирование граждан об их правах при допросе (в т.ч. о праве на перерыв, на консультацию с адвокатом, на отказ от дачи показаний) снизит риск злоупотреблений.

Перспективным направлением является изучение международного опыта. В ряде стран (например, в Великобритании) действуют детально разработанные кодексы поведения при допросе, включающие алгоритмы действий для разных ситуаций. Адаптация лучших практик к российской правовой системе могла бы повысить качество следственной работы и укрепить доверие общества к правоохранительным органам.

Важным аспектом является также формирование корпоративной культуры, основанной на уважении к правам человека. Профессиональное сообщество должно осуждать любые формы давления и принуждения, поощряя корректные и эффективные методы работы. Это требует системной воспитательной работы, начиная с этапа обучения в юридических вузах и продолжая на протяжении всей карьеры сотрудника.

Таким образом, поведенческие тактические приёмы при допросе играют важную роль в уголовном процессе, но их применение требует строгого соблюдения правовых и этических границ. Баланс между эффективностью расследования и уважением к правам личности достигается через профессиональное мастерство следователя, опору на научные методики и постоянный контроль за законностью действий. Совершенствование нормативной базы, обучение и использование помощи специалистов позволят минимизировать риски злоупотреблений и укрепить доверие к правоохранительной системе. В долгосрочной перспективе это будет способствовать не только повышению раскрываемости преступлений, но и укреплению законности и правопорядка в обществе в целом.

Литература:

1. Абраменкова В.С. Некоторые вопросы тактики и психологии допроса обвиняемого по существу обвинения / В.С. Абраменкова // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 4. – С. 101-103.

2. Баринов С.В. Некоторые особенности проведения допросов подозреваемых (обвиняемых) по делам о

нарушениях неприкосновенности частной жизни / С.В. Баринов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – С. 12-18.

3. Долженко Н. И., Купряшина Е. А. Особенности допроса несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве / Н.И. Долженко, Е.А. Купряшина // Вестник Воронежского государственного университета. – 2022. - № 1 (48). – С. 257-266.

4. Кушхов Р.Х. Общий порядок допроса на предварительном следствии / Р.Х. Кушхов, А.И. Борсов // Экономика, социология и право. – 2016. – № 7. – С. 79-82.

5. Хаметова А.Р. Актуальные вопросы допустимости тактических приемов при производстве допроса / А.Р. Хаметова // Юридическая наука. – 2023. – С. 190-194.

Маркелов Александр Геннадьевич
Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (Минюста России)», доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент
(Казань, Россия)

КОМПРОМИССНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СОКРАЩЕННОМ ДОЗНАНИИ: СУТЬ И ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ

УДК 343.13

Аннотация. В работе анализируются фундаментальные аспекты, определяющие обоснованность применения компромиссных подходов: способность разрешить спорную ситуацию, стремление к взаимопониманию между участниками процесса, а также обеспечение соответствия нормам справедливости и действующему законодательству. Особое внимание уделяется особенностям проведения дознания в упрощённом порядке, подчёркивая важность точного соблюдения установленных юридических ограничений и условий, при которых допустимо применение таких методик. Основные положения автора сводятся к тому, что использование компромиссных решений должно быть основано на наличии добровольного согласия всех участников, возможности достижения соглашения без нарушения закона, а также оправданности такого подхода в конкретных правовых и жизненных условиях. Подчёркивается, что корректная интерпретация и логическое обоснование причин внедрения данных технологий являются гарантией их эффективного и законного применения.

Ключевые слова: основание, компромисс, технология, дознание в сокращенной форме.

Abstract. This paper analyzes the fundamental aspects that determine the validity of using compromise approaches: the ability to resolve a dispute, the desire for mutual understanding between parties, and compliance with fairness and applicable law. Particular attention is paid to the specifics of conducting a simplified inquiry, emphasizing the importance of strictly adhering to established legal restrictions and the conditions under which such methods are permissible. The author's key points are that the use of compromise solutions should be based on the voluntary consent of all parties, the ability to reach an agreement without violating the law, and the justification of such an approach in specific legal and life circumstances. It is emphasized that a correct interpretation and logical justification for the implementation of these technologies guarantee their effective and legal application.

Keywords: basis, compromise, technology, abbreviated inquiry.

Применение компромиссной технологии при производстве дознания в сокращённой форме обусловлено необходимостью балансировать между эффективностью процесса и соблюдением прав участников. Основания её использования носят не столько формальный, сколько содержательный характер – речь идёт о сохранении законных интересов сторон при одновременном ускорении разрешения дела.

В контексте уголовно-процессуального закона (далее – УПК РФ) [1], основания применения особой (компромиссной) технологии при производстве дознания в сокращенной форме представляют собой совокупность юридически значимых обстоятельств, позволяющих инициировать и реализовать данный упрощенный порядок уголовного судопроизводства. Отличие от общего порядка дознания обусловлено стремлением к оперативности и экономии ресурсов, что, однако, должно сочетаться с обеспечением прав и законных интересов всех участников процесса.

Ключевым основанием для применения сокращенной формы дознания является совокупность следующих факторов: очевидность совершенного преступления, признание вины

подозреваемым, согласие подозреваемого на проведение дознания в сокращенной форме, отсутствие отягчающих обстоятельств. Фактор очевидности преступления предполагает наличие достаточных доказательств, указывающих на совершение конкретным лицом противоправного деяния. Признание вины подозреваемым играет важную роль, поскольку свидетельствует о его раскаянии и готовности сотрудничать со следствием. Согласие подозреваемого на проведение дознания в сокращенной форме является обязательным условием, отражающим принцип добровольности участия в упрощенном судопроизводстве. Наконец, отсутствие отягчающих обстоятельств исключает возможность применения сокращенной формы дознания в случаях, когда преступление характеризуется повышенной общественной опасностью или особой сложностью.

Следует отметить, что применение особой (компромиссной) технологии должно основываться на всесторонней и объективной оценке всех обстоятельств дела, с учетом принципов законности, справедливости и обеспечения прав обвиняемого.

Мы не ставим целью рассмотрение возможностей применения технологий компромисса в указанной процедуре. Об этом мы ранее указывали в своей опубликованной монографии [2]. Нас интересует другая проблема, а именно вопрос о понимании сущности оснований применения особой (компромиссной) технологии при производстве дознания в сокращенной форме.

Для начала отметим, что само понятие «основание» в различных источниках интерпретируется по-разному, и в основном определяется как основа, существенный признак, по которому распределяются явления, причина или достаточный повод [3, с. 397], начало существования либо момент возникновения или образования чего-либо [4], базисная часть чего-либо или достаточное условие для чего-либо [5]. С точки зрения философии основанием следует считать существенную часть (область), отношение или условие, порождающее какое-либо явление [6].

Таким образом, с учетом имеющихся подходов, попытаемся сформулировать авторское определение основания в контексте применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме.

Под *основанием применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме* следует понимать урегулированные главой 32.1 УПК РФ достаточные данные (обстоятельства), позволяющие начать особое упрощенное досудебное производство, основанное на определенных ходатайствах сторон и полученных договорённостях между заинтересованными участниками процесса по случаю совершения преступления в целях скорейшего и бесконфликтного разрешения уголовного дела по существу.

Согласно ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, главный инициатор применения технологий компромисса при производстве дознания в сокращенной форме – исключительно подозреваемый, при условии, когда он установлен и уголовное дело возбуждено дознавателем в отношении этого лица. При этом право на заявление письменного ходатайства о применении компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме подозреваемому лицу разъясняется дознавателем на первом допросе в качестве подозреваемого, о чем делается соответствующая отметка в протоколе. Подозреваемый в течении 2 суток обязан определится с выбором производства по уголовному делу: либо оно будет производится в общем порядке, либо осуществляться в сокращенной форме в случае достижения компромисса с потерпевшим. Отсутствие соответствующего письменного ходатайства подозреваемого о применении компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме препятствует применению дознавателем указанной упрощенной формы, например, посредством принятия самостоятельного процессуального решения. Иными словами, подозреваемый по смыслу закона своим непосредственным волеизъявлением может повлиять на ход производства по уголовному делу.

Волеизъявление лица представляет собой определённое конкретное процессуальное выражение, которое является результатом сознательной и мыслительной деятельности конкретного заинтересованного лица. Волеизъявление лица является юридическим актом или

действием, которое им специально, добровольно и осознанно совершается с намерением вызвать определённые юридические последствия, в нашем случае - заключить компромисс на взаимовыгодных обоюдных условиях. Принимая такое волевое решение, лицо демонстрирует характер и демонстрирует волевое поведение, которое в своей структуре превращается в принятие компромиссного решения. Это в конечном итоге находит свое выражение в заявлении соответствующего ходатайства на имя государственного органа, принимающего решения о применении технологий компромисса [7, с. 24]. Чтобы стать юридически значимым для осуществления этой технологии, это волеизъявление должно отвечать нормативным требованиям, предусмотренным главой 32.1 УПК РФ.

Таким образом, непосредственное волеизъявление лица является непременным процессуальным основанием для начала осуществления компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме, которой носит сугубо субъективный и в том числе диспозитивный характер. Подобный вывод делается исходя из ранее проведенных авторских исследований относительно особых компромиссных производств, установленных главой 40 и 40.1 УПК РФ. Так, наличие письменных согласий и соответствующих ходатайств требуется при применении особой технологии производства по делу при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 1 ст. 314 УПК РФ) и особой технологии производства по делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ). Авторская позиция подтверждается и устоявшимися мнениями о том, что эти технологии по большому счету носят договорной и диспозитивный характер [8, с.15].

Кроме этого, письменное ходатайство о применении компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме имеет важное юридическое значение в качестве основания указанной формы лишь при наличия соответствующих процессуальных *условий*. Недаром и основание, и условия применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме прописаны в одной норме (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). Последнее обстоятельство повлияло, видимо, на то, что в работах отдельных авторов не проводится четкого разграничения между этими категориями. Подобным примером является система оснований применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме, представленная В.А. Семенцовым и О.А. Науменко: подозреваемый ходатайствует о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме; уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ; подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела [9, с. 140]. Аналогичный подход поддерживает В.Н. Перекрестов, который относит к числу оснований производства дознания в сокращенной форме следующие обстоятельства: лицо совершило преступление впервые, и оно установлено; возместило ущерб или иным образом деятельно раскаялось; это преступление очевидное, установлены свидетели, потерпевшие; установление обстоятельств правонарушения не составляет особой сложности [10, с. 83].

Однако, как и ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, так и приказ Генеральная прокуратура Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» разграничивают эти два понятия, тем самым ставя точку в вопросах определения оснований и условий применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме. Так, при осуществлении надзорной деятельности прокурором необходимо оценивать достаточность оснований для производства дознания в сокращенной форме, руководствуясь положениями ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, а также ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, устанавливающими обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, акцентируя внимание на вопросах, связанных с признанием подозреваемым вины, размера и характера причиненного преступлением вреда, а также его отношением к квалификации содеянного.

Поскольку понятия «условия» и «основание» применительно к дознанию в сокращенной форме разграничиваются в тексте самого кодекса (ст. 226.1 УПК РФ) и приказа Генеральной

прокуратуры Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [11], то рассматривать их в качестве тождественных категорий в указанном случае вряд ли будет правильно. Письменное заявление ходатайства о применении компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме – это предусмотренное законом процессуальное основание данного вида дознания, которое не оспаривается многими авторами [12, с. 16]. Процессуальное условие применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме можно рассматривать в качестве процессуальной гарантии от произвольного отказа в удовлетворении упомянутого ходатайства и заключение соответствующей сделки.

В зависимости от наличия или отсутствия необходимых условий дознаватель может принять разные процессуальные решения по результатам рассмотрения ходатайства: удовлетворить ходатайство или отказать в его удовлетворении. Удовлетворение ходатайства подозреваемого о применении компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме связано с соблюдением определенных процессуальных условий, существование которых обусловлено необходимостью повышенной защиты прав участников уголовного судопроизводства [13, с. 146]. Без них переход к компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме не состоится. К подобному выводу также приходит И.А. Насонова [14, с. 46].

Надо признать, что в уголовно-процессуальном законодательстве России значение термина «основания» по отношению к исследуемой технологии четко не раскрывается, из-за чего в литературе по этому вопросу высказываются различные точки зрения. Чаще всего при его истолковании используются законодательные формулировки. Но здесь следует иметь в виду, что данное понятие включает в себя еще и *фактическую, и юридическую (формально-правовую)* составляющие, причем сказанное относится и ко всей системе, и к отдельно взятому производству, в частности компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме. При рассмотрении непосредственного основания применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме нельзя оставить без внимания вопрос фактического и юридического оснований применения этой упрощенной технологии по уголовному делу.

Под *фактическим основанием применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме* исходя из общего назначения следует понимать наличие достаточных данных (обстоятельств), позволяющих начать упрощенное досудебное производство, основанное на определенных ходатайствах сторон и полученных договорённостях между заинтересованными участниками в целях скорейшего и бесконфликтного разрешения уголовного дела по существу. Определение дознавателем фактического основания для применения этой упрощенной технологии дознания происходит в несколько этапов, а именно:

1) установление одновременного наличия процессуальных условий, необходимых для применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ);

2) разъяснение заинтересованным лицам соответствующего права о возможности заключения компромисса, предусмотренного ст. 226.4 УПК РФ и возможных последствий;

3) заявление письменного ходатайства о применении по уголовному делу компромиссной технологии производства дознания в упрощенном порядке.

Кроме того, компромиссная технология производства дознания в сокращенной форме – это уникальная упрощенная форма, которая начинается с достигнутых между сторонами договорённостей и удостоверяется принятием непосредственного процессуального решения об удовлетворении соответствующего ходатайства, о чем по факту составляются различные технические уголовно-процессуальные документы. Эти технические юридические акты будут являться непосредственным правовым основанием применения компромиссной технологии производства дознания в сокращенной форме.

Под *юридическим основанием для применения компромиссной технологии производства*

дознания в сокращенной форме мы будем понимать совокупность соответствующих уголовно-процессуальных документов (протокол, ходатайство, постановление), позволяющую начать упрощенное досудебное производство, основанное на определенных ходатайствах сторон и полученных договорённостях между заинтересованными участниками в целях скорейшего и бесконфликтного разрешения дела по существу.

Вывод. Основания применения компромиссной технологии в дознании, осуществляемом в сокращенной форме, представляют собой совокупность обстоятельств, установленных уголовно-процессуальным законом (ст. 226.1 УПК РФ и иными нормативными актами), наличие которых обусловливает возможность применения данной технологии. Сущностная характеристика оснований заключается в их нормативном закреплении и обязательности учета при принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме.

Важным аспектом сущности оснований является их компромиссный характер. Данная технология представляет собой своего рода компромисс между необходимостью оперативного расследования преступлений и обеспечением полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела. Это означает, что при применении компромиссной технологии происходит сознательное упрощение процессуальных действий, сокращение сроков и объема доказывания, что, в свою очередь, требует особенно тщательного подхода к оценке оснований для применения данной формы дознания.

Сущность оснований применения компромиссной технологии проявляется в их тесной связи с принципами уголовного судопроизводства, такими как законность, презумпция невиновности, обеспечение права на защиту и другими. Соблюдение этих принципов является обязательным условием применения компромиссной технологии и гарантией защиты прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.

2. Маркелов А.Г. Идея уголовно-процессуального компромисса при производстве дознания в сокращенной форме: монография / А.Г. Маркелов; под ред. М.П. Полякова. – М.: Директ-Медиа, 2024. – 348 с.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов. Екатеринбург: УралСоветы (Весть), 1994. С. 397.

4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/ dic.nsf/ushakov/906494; Словарь русского языка (Малый академический словарь) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp (дата обращения: 16.01.2026).

5. Джери Д., Джулия Д. Большой толковый социологический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://znachenieslova.ru/ slovar/sociologic/osnovanie (дата обращения: 16.01.2026).

6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru (дата обращения: 16.01.2026).

7. Артамонова Е.А. О волеизъявлении обвиняемого (подозреваемого) на изменение процессуальной формы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 24.

8. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 15.

9. Семенцов В.А., Науменко О.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания. монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 198 с.

10. Перекрестов В.Н. Признание вины как условие сокращенного порядка дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. / под общ. ред. И.С. Дикарева. Волгоград: ВолГУ, 2013. С. 83.

11. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 января 2022 г. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.garant.ru/(дата обращения: 16.01.2026).

12. Муравьев К.В. Дознание в сокращенной форме: комментарий главы 32.1 УПК РФ // Законодательство и практика. 2013. № 1 (30). С. 16.

13. Насонова И.А., Арепьева Т.А. Начальник подразделения дознания как участник уголовного судопроизводства: монография / Под редакцией О.А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 146.

14. Насонова И.А. Оптимизация дознания в сокращенной форме как одна из тенденций совершенствования правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 4. С. 46.

Моисеев Александр Михайлович
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
профессор кафедры «Цифровая и традиционная криминалистика»,
доктор юридических наук, профессор
(Севастополь, Россия);
Самброс Андрей Андреевич
Луганский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской федерации»,
студент
(Луганск, Россия)

СУДЕБНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

УДК 343.98

Аннотация. Предложен новый вид судебных экспертиз – судебная историческая экспертиза. Ее актуальность обоснована современной практикой расследования преступлений экстремистского характера. Методологической основой данной экспертизы признано историческое источниковедение. Сформулированы ее объект (различные сообщения спорного исторического содержания), предмет (факты и обстоятельства искажения исторической правды). Показано место судебной исторической экспертизы в системе криминалистической методики.

Ключевые слова: преступления экстремистского содержания, реабилитация нацизма, криминалистическая методика, судебная экспертиза, исторические специальные знания.

Annotation. A new type of forensic expertise is proposed – judicial historical expertise. Its relevance is justified by the modern practice of investigating crimes of an extremist nature. Historical source studies are recognized as the methodological basis of this examination. Its object (various messages of controversial historical content) and subject (facts and circumstances of distortion of historical truth) are formulated. The place of forensic historical expertise in the system of forensic methodology is shown.

Keywords: crimes of extremist content, rehabilitation of Nazism, criminalistic methodology, forensic examination, historical special knowledge.

В современном информационном пространстве история всё чаще становится не только предметом научного изучения, но и полем для идеологического противоборства. Целенаправленные искажения прошлого, особенно событий Великой Отечественной войны, используются в экстремистской пропаганде для разжигания ненависти и подрыва исторической памяти общества. В таких условиях право выступает важным инструментом защиты исторической правды. Для объективной оценки достоверности спорных исторических утверждений в рамках уголовного судопроизводства применяется специальное исследование – судебная историческая экспертиза. Данная статья представляет собой обзор, посвященный рассмотрению её правовой природы, процессуальных оснований назначения и методических принципов, а также ключевой роли в расследовании и квалификации преступлений, предусмотренных ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации («Реабилитация нацизма»).

В правоприменительной практике под судебной исторической экспертизой понимается специальное процессуальное действие, направленное на установление достоверности фактических сведений о событиях прошлого, которые содержатся в материалах, являющихся объектом судебного разбирательства [1]. Иными словами, это научно обоснованное исследование, которое назначается судом или следователем, когда для правильного разрешения дела требуется проверить, соответствуют ли действительности конкретные исторические утверждения, изложенные в статьях, публикациях, видеоматериалах или иных носителях информации.

Главной целью данного вида экспертизы является чёткое разделение установленных исторических фактов и ложных или тенденциозно искажённых сведений. Эта задача приобрела особую актуальность в связи с необходимостью противодействия попыткам фальсификации истории, что неоднократно отмечалось на государственном уровне [2].

Наиболее востребованной и социально значимой историческая экспертиза стала с введением в Уголовный кодекс Российской Федерации специальной нормы – ст. 354.1 («Реабилитация нацизма») [3]. Данная статья прямо криминализирует отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, одобрение преступлений нацизма, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Именно таким образом, историческая экспертиза превратилась в ключевой криминалистический инструмент, позволяющий объективно, на основе анализа источников, проверить соответствие спорных высказываний диспозиции этой уголовно-правовой нормы и тем самым обеспечить законность при её применении.

Назначение судебной исторической экспертизы является процессуальным действием, строго регламентированным законом и обусловленным характером спорных сведений. Её проведение правомерно и необходимо тогда, когда предметом судебного разбирательства становятся конкретные утверждения о фактах и процессах прошлого, требующие специальных исторических знаний для их проверки. К таким утверждениям относятся, например, заявления о количестве жертв, ходе военных операций, решениях государственных органов или международных судов в определённый исторический период. Типичными объектами исследования выступают тексты документального, публицистического или откровенно пропагандистского характера, а также визуальные материалы, требующие идентификации (например, спорная символика).

Вместе с тем, законодатель и теория судебной экспертизы устанавливают чёткие границы её компетенции, вытекающие из общих принципов назначения экспертиз. Так, в криминалистике подчёркивается, что экспертиза назначается только тогда, когда для разрешения вопросов, имеющих значение для дела, требуются специальные познания в науке, искусстве, технике или ремесле [4]. Ключевое ограничение для исторической экспертизы связано с природой самих высказываний: она не может и не должна анализировать оценочные суждения, мнения, художественные образы или сатиру. Если спорный материал содержит не утверждение о факте, а его интерпретацию, выражение личного отношения, иронию или метафору (как это часто бывает в демотиваторах, карикатурах или художественных произведениях), то он выходит за рамки историко-фактологического исследования и не является предметом данной экспертизы.

В подобных ситуациях на первый план выходят иные виды экспертного анализа, предусмотренные общей теорией судебной экспертизы. Для установления информационного статуса высказывания (является ли оно констатацией факта или выражением мнения) назначается лингвистическая экспертиза [5]. Если же необходимо установить, выражает ли текст или образ явное неуважение к обществу, дням воинской славы и памятным датам России (что составляет предмет ч. 3 ст. 354.1 УК РФ), требуется более сложное комплексное психолого-лингвистическое исследование, которое может также привлекать специалистов-политологов. В связи с этим, точное разграничение видов экспертиз, основанное на их предмете и методах, служит важной процессуальной гарантией, обеспечивающей объективность, полноту исследования и, в конечном итоге, законность судебного решения.

Процедура проведения судебно-исторической экспертизы представляет собой сложный, многоэтапный исследовательский процесс, организованный по канонам как исторической науки, так и криминалистики. В отличие от произвольного высказывания, заключение эксперта должно обладать свойствами научности: объективностью, доказанностью, проверяемостью и воспроизводимостью. Для достижения этого экспертная деятельность носит, как правило, не индивидуальный, а коллективный характер, объединяя специалистов разного профиля: профессиональных историков, архивистов, а на завершающих стадиях – юристов. Каждый участник вносит свой вклад: архивисты выявляют и атрибутируют документы, историки анализируют их содержание и контекст, а юристы обеспечивают соответствие выводов задачам правоприменения.

Методологической основой экспертизы является критический источниковый анализ, заимствованный из исторической науки и адаптированный для решения судебных задач. Этот

метод можно условно сравнить со следственными действиями, перенесёнными в прошлое. Он включает несколько ключевых стадий: 1) эвристика (поиск и отбор источников): формирование репрезентативной базы первоисточников (архивных документов, приказов, свидетельств современников, материалов Нюрнбергского трибунала); 2) внешняя и внутренняя критика источника: установление подлинности документа, времени и цели его создания, а также проверка достоверности содержащейся в нём информации путём сопоставления с другими независимыми источниками [6]; 3) синтез и верификация: сопоставление данных, полученных из проверенных источников, со спорными утверждениями, содержащимися в материалах дела. На этой стадии решаются типовые вопросы, например: «Соответствуют ли приведённые в тексте факты данным современной исторической науки?» или «Содержатся ли в материалах ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны?».

Принцип описания (а не интерпретации) используется в качестве основного при проведении экспертного исторического исследования. Как справедливо отмечал историк Марк Блок, задача учёного – «понимать, а не судить» [7]. Эксперт-историк устанавливает что произошло, когда и где, но избегает оценок, почему это было хорошо или плохо. Такой подход минимизирует субъективизм и предоставляет суду не мнение, а установленный факт, который уже может быть положен в основу юридической квалификации. Это служит барьером как против исследовательского произвола, так и против судейского усмотрения, не опирающегося на объективные данные. Следовательно, методика исторической экспертизы, построенная на строгой работе с источниками, трансформирует спорные утверждения в верифицированные обстоятельства, имеющие доказательственное значение в уголовном процессе.

Судебно-историческая экспертиза выполняет системообразующую функцию в механизме доказывания по делам, связанным с реабилитацией нацизма. Её заключение служит ключевым доказательством, позволяющим объективно установить наличие или отсутствие в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ [8]. Это обусловлено самой структурой данной нормы, диспозиция которой криминализирует распространение конкретных видов заведомо ложной информации об исторических событиях.

Так, для квалификации деяния по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ (отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, одобрение преступлений нацизма, распространение ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны) следствию и суду необходимо достоверно установить два взаимосвязанных обстоятельства: 1) содержание распространённых лицом утверждений и 2) их соответствие исторической действительности. Именно вторую задачу – научную верификацию спорных утверждений – и решает историческая экспертиза. Она предоставляет органам предварительного расследования и суду не субъективное мнение, а документально обоснованный вывод о том, являются ли оспариваемые сведения ложными относительно фактов, установленных Нюрнбергским трибуналом, или деятельности СССР в военный период.

Этот вывод непосредственно влияет на установление объективной стороны преступления. Например, заключение экспертизы может констатировать, что утверждение «Холокост является мифом» противоречит неоспоримым доказательствам, представленным на Нюрнбергском процессе и подтверждённым современной историографией. Таким образом, экспертное заключение трансформирует идеологическую или публицистическую дискуссию в плоскость юридически значимых фактов, поддающихся уголовно-правовой оценке.

Кроме того, методология экспертизы, основанная на критике источников и коллективной работе специалистов, выступает гарантией против произвольного применения уголовного закона. Она создаёт «буфер» между эмоционально-оценочным восприятием исторических событий и строгими требованиями уголовного права, минимизируя риски политически мотивированных обвинений. Экспертиза обеспечивает легитимность привлечения к ответственности, доказывая, что основанием для неё служит не инакомыслие или несогласие с официальной позицией, а именно распространение информации, заведомо ложной с точки зрения установленных исторической наукой фактов. В этом смысле судебно-историческая экспертиза выступает не только инструментом обвинения, но и средством защиты, чётко

очерчивая границы дозволенного высказывания в чувствительной сфере исторической памяти и гарантируя, что уголовное преследование основано на объективных, научно проверяемых данных.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что судебная историческая экспертиза представляет собой не просто техническую процедуру, а сложный, многоуровневый правовой и криминалистический институт, который возник на стыке исторической науки и юриспруденции в ответ на актуальные вызовы времени. В условиях, когда информационные войны сделали историческое прошлое, прежде всего память о Великой Отечественной войне, объектом целенаправленных фальсификаций и инструментом экстремистской пропаганды, потребовался адекватный механизм правовой защиты исторической правды. Таким механизмом и стала судебно-историческая экспертиза.

Её значение в современной правоохранительной практике трудно переоценить. Во-первых, экспертиза выполняет роль научного арбитра, позволяющего на основе строгой методологии критического источниковедения отделить объективные, документально подтверждённые факты от лжи, домыслов и идеологически мотивированных искажений. Во-вторых, она выступает в качестве ключевого доказательственного инструмента в рамках дел о реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ), обеспечивая научную основу для квалификации деяний и преодолевая тем самым субъективизм в оценке спорных высказываний. Процедура экспертизы, основанная на коллективной работе историков, архивистов и юристов, трансформирует идеологический спор в плоскость юридически значимых и верифицируемых обстоятельств, тем самым «переводя» язык исторической публицистики на язык уголовного права.

Однако, подлинная ценность этого института заключается не только в его обвинительном потенциале, но и в гарантирующей, защитной функции. Чёткое определение границ компетенции — когда экспертиза уместна (для проверки фактов), а когда нет (для оценки мнений или художественных образов) – служит важной процессуальной гарантией от чрезмерного расширения уголовной репрессии. Принцип «понимать, а не судить», заимствованный из профессиональной этики историка и ставший основой экспертной методологии, создаёт необходимый «буфер» между эмоциональной сферой исторической памяти и рациональной сферой права. Это позволяет минимизировать риски политически мотивированного преследования за инакомыслие, направляя фокус правоприменения исключительно на борьбу с распространением заведомо ложной, научно опровержимой информации.

Таким образом, судебно-историческая экспертиза вносит существенный вклад в укрепление законности и национальной безопасности. Она обеспечивает легитимность применения такой деликатной нормы, как ст. 354.1 УК РФ, и способствует формированию единого, основанного на документально подтверждённых фактах исторического нарратива. В конечном счёте, этот институт работает на упрочение общественного согласия, защищая память о прошлом от спекуляций и обеспечивая правовыми средствами то, что в Конституции РФ определяется как «историческая правда». Будущее развитие данного направления видится в дальнейшей методологической и правовой кристаллизации экспертных процедур, что позволит сохранять баланс между незыблемостью исторической памяти, гарантиями свободы научного и публичного дискурса и эффективностью противодействия реальным угрозам экстремизма.

Литература:

1. Кожевина М.А. Историческая экспертиза: понятие, предназначение, юридико-технические особенности / М.А. Кожевина // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 123-127.

2. Енгалычев В.Ф., Бессонов В.А. О теоретико-методологическом основании судебно-исторической экспертизы: постановка проблемы // Методология и методы исторической психологии: Материалы XXVI междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14-15 декабря 2009 г. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб: Нестор. 2009. С. 157-159.

3. Шевелева К.В. Символ воинской славы как предмет преступлений / К.В. Шевелева // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 1(55). С. 138-145.

4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е.Р. Российская. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 576 с.

5. Грачев М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник / М.А. Грачев. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. 360 с.

6. Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. Учебное пособие для вузов по спец. «История» М.: Высшая школа, 1986. С. 208.

7. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Марк Блок; Пер. Е.М. Лысенко; Примеч. и ст. [с. 182-231] А. Я. Гуревича; [АН СССР.]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.

8. Шевелева К.В. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн / К.В. Шевелева. М.: Юрлитинформ, 2025. 168 с.

Муллахметова Наталья Евгеньевна
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности,
кандидат юридических наук,доцент
(Смоленск, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛЬНЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПО ПРОГРАММАМ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:34

Аннотация. Рассмотрены направления использования модельных уголовных дел в процессе профессиональной подготовки юристов, их значение в системе методов практико-ориентированного обучения. Автор указывает, что такие дела существенно помогают в формировании у обучающихся профессиональных компетенций, предусмотренных государственными образовательными стандартами. Также в статье приводятся примеры модельных уголовных дел, изданных в последние годы.

Ключевые слова: модельное уголовное дело, высшее юридическое образование, практико-ориентированное обучение.

Abstract: This article examines the use of model criminal cases in the professional training of lawyers and their importance in practice-oriented learning methods. The author points out that such cases significantly contribute to the development of students' professional competencies, as stipulated by state educational standards. The article also provides examples of model criminal cases published in recent years.

Keywords: model criminal case, higher legal education, practice-oriented learning

Проблемы совершенствования высшего юридического образования с учетом социально-политических преобразований и приоритетных государственных задач волнуют научное сообщество и юристов-практиков на протяжении многих лет, поскольку качество подготовки выпускников юридических вузов и факультетов оказывает существенное влияние на состояние законности и правопорядка, уровень правовой культуры в стране, обеспечивает преемственность в формировании, сохранении и передаче новым поколениям концептуальных правовых идей, являющихся достижением философской и юридической мысли.

Федеральные государственные образовательные стандарты юридических направлений и специальностей (юриспруденция, судебная и прокурорская деятельность, правовое обеспечение национальной безопасности) устанавливают компетенции, которые должны быть сформированы по результатам обучения. В их числе такие общепрофессиональные компетенции как способность анализировать и толковать нормы права, давать юридическую оценку фактам и обстоятельствам, разрабатывать процессуальные и служебные документы в сфере своей профессиональной деятельности.

Обеспечение качественной подготовки юристов, формирование у них универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций невозможно без использования технологий практико-ориентированного обучения, к которым относятся различные тренинги, организация и проведение тематических круглых столов с привлечением практиков, разбор кейсов, игровые методики (деловые, ролевые, имитационные), работа в малых группах, мозговой штурм, анализ и критический разбор собственных действий и т.д. [10, с. 151-152] Это стимулирует студентов к самостоятельному изучению дополнительной литературы, правоприменительной практики, способствует осознанию ими социальной значимости профессии юриста, формированию необходимых для работы навыков, в том числе по аргументации своей правовой позиции, составлению актов применения права с учетом

требований юридической техники, по выявлению ошибок в юридических документах.

В процессе подготовки студентов юридических вузов и факультетов по дисциплинам криминального цикла (уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике и смежным спецкурсам, например, таким как процессуальные акты предварительного расследования, проблемы доказывания в уголовном процессе, использование специальных знаний при производстве по уголовным делам) оказались востребованными модельные (учебные) уголовные дела. Обычно такие издания представляют собой материалы реального уголовного дела, начиная от постановления о возбуждении уголовного дела, заканчивая обвинительным заключением (актом) или приговором суда, с заменой персональных данных участников.

Рассмотрим основные направления использования модельных уголовных дел в процессе обучения будущих юристов.

1) Закрепление теоретических знаний по производству следственных действий путем изучения образцов соответствующих протоколов, постановлений и выявления ошибок процессуального и тактического характера (неполнота составления документа, отсутствие необходимых согласований, некорректная формулировка вопроса, неточное описание объектов во время осмотра, обыска, выемки и пр.).

2) Проведение модельного судебного процесса (деловой игры) «Судебное разбирательство», в ходе которого у студентов отрабатываются и развиваются навыки отстаивания позиции защиты и обвинения, публичных выступлений, критического мышления, работы в малых группах.

3) Выработка и закрепление навыков составления процессуальных документов: постановлений, протоколов, обвинительных заключений, приговоров и др. с использованием модельного уголовного дела в качестве примера, с последующим разбором ошибок.

4) Изучение проблем уголовно-правовой квалификации деяний, а также специфики доказывания на основе реальных ситуаций, представленных в модельном деле.

Работа над модельными уголовными делами ведется уже давно, есть опубликованные работы в виде учебно-практических или методических пособий по расследованию отдельных преступлений, изданные еще в СССР в 50-х годах прошлого века. Активная деятельность по изданию учебных уголовных дел уже в наше время осуществляется в ведомственных вузах Следственного комитета РФ, МВД РФ [2, с. 90-93]. Также в качестве примера можно привести несколько учебных дел, которые вышли в свет в 2017 году: это и макет уголовного дела по производству дознания в сокращенной форме [3], и учебное дело по факту умышленного причинения тяжкого вреда здоровью [4; 9], и другие работы, изданные в разные годы [1; 5].

У автора настоящей статьи также есть опыт издания модельных уголовных дел совместно с коллегами [7; 8].

При этом следует отметить, что при подготовке таких работ приходится сталкиваться с определенными трудностями, связанными, прежде всего, с объемом многих уголовных дел: иногда он достигает нескольких десятков томов. Поэтому в основном для модельных дел подходят одноэпизодные дела с одним обвиняемым. Если брать более сложные варианты, то в таком макете будут представлены не все материалы дела, а только основные, отражающие наиболее значимые этапы досудебного и судебного производства.

В последние годы в связи с расширением возможностей использования искусственного интеллекта, активными заимствованиями текстов при написании студентами выпускных квалификационных работ, проблемами обеспечения определенного уровня их оригинальности стоит вопрос об изменении формата таких работ. Студенты зачастую занимаются перефразированием текстов, их технической обработкой с целью обхода системы «Антиплагиат», активно используя при этом нейросети, и такая работа в итоге не отражает уровень подготовки выпускника. Приходится констатировать, что дипломная работа в традиционной форме по юридическим дисциплинам уходит в прошлое, поскольку в массовом юридическом образовании проявляется т.н. кризис научности. Кроме того, работодатели заинтересованы в специалистах с практическими навыками, а не в теоретиках, акцент в образовании делается на практику.

Одним из возможных альтернатив традиционной форме выпускной квалификационной работе может стать ее выполнение в форме макета уголовного дела, включающего основные процессуальные документы, по заданным фабулам. Также должна быть составлена аналитическая записка объемом 15-20 страниц с отражением в ней статистики по соответствующим преступлениям, динамики показателей их регистрации и раскрываемости за 3-5 лет, результатов реферирования научных источников, судебных актов по аналогичным уголовным делам, обоснования квалификации деяния и объема обвинения, избрания меры пресечения обвиняемому, возможных вариантов разрешения дела, особенностей назначения наказания со ссылками на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. В этом случае изданные модельные дела могут служить полезным учебно-методическим материалом для обучающихся.

В Смоленском государственном университете в январе 2026 года были впервые защищены выпускные квалификационные работы студентов, обучающихся по специальности «Судебная и прокурорская деятельность», подготовленные в форме макетов уголовных дел, составленных по заданным фабулам. Наряду с процессуальными актами предварительного расследования (протоколами, постановлениями, обвинительным заключением) нужно было составить протокол судебного заседания и приговор суда. Выполнение и защита выпускной работы позволили студентам систематизировать теоретические знания по уголовному и уголовно-процессуальному праву; сформировать целостное представление о движении уголовного дела: от стадии возбуждения до постановления приговора судом первой инстанции; отработать навыки составления процессуальных документов.

Конечно, и здесь не обошлось без искусственного интеллекта, ведь нейросети сегодня используются и юристами-практиками при решении конкретных задач, в том числе правоприменителями в уголовном судопроизводстве, а также другими участниками процесса. Так, например, С.О. Махтюк убедился на своем опыте, насколько полезной может быть нейросеть при обработке и сокращении текстов процессуальных актов, анализе доказательственной базы, выявлении ошибок и противоречий в материалах, оценке перспектив уголовного дела и пр. [6]. Но во время публичной защиты членами комиссии могут быть заданы вопросы, при ответе на которые выпускник должен продемонстрировать уровень владения теоретическим материалом и понимания правовых норм, примененных по его макету уголовного дела. Представляется, что такая практико-ориентированная форма дипломного проекта более предпочтительна для проведения итоговой государственной аттестации по юридическим специальностям и направлениям подготовки. Конечно, при этом нужно каждый год разрабатывать новые фабулы дела с определением ключевых исходных данных (о событии преступления, его участниках, характеристиках обвиняемого).

Таким образом, модельные уголовные дела позволяют повысить уровень теоретической и практической подготовки выпускников юридических вузов и факультетов, обеспечить междисциплинарные связи при освоении уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, практико-ориентированный подход в обучении. Конечно, каждое уголовное дело уникально, имеет свои особенности, но из анализа завершенных уголовных дел, по которым уже вынесены приговоры, можно уяснить основные положения методики расследования преступлений соответствующего вида, понять специфику установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Литература:

1. Вениаминов А.Г. Уголовное дело: учебно-практическое пособие по расследованию. – Москва: РГ-Пресс, 2021. – 192 с.

2. Галкин Д.В. Учебные уголовные дела как инструмент обучения по дисциплинам уголовно-правового цикла // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 16 декабря 2021 г.). – Рязань: Академия ФСИН России, 2022. – С. 90-93.

3. Есина А.С. Дознание в сокращенной форме. Макет уголовного дела по ч. 1 ст. 119 УК РФ: учебно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А.С. Есина, М.С. Колосович. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 127 с.

4. Кравченко О.А. Модельное уголовное дело и деловая игра «Судебный процесс»: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2017. – 200 с.

5. Макет уголовного дела по части 1 статьи 119 Уголовного кодекса Российской Федерации (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие / В.Ю. Белицкий, К.К. Логачев, В.С. Удовиченко. – Электрон. текст. дан. (1,9 Мб). – Барнаул: ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019.

6. Махтюк С.О. Искусственный интеллект в уголовном процессе: от разговоров к делу. Эффективные способы упростить работу следователя и суда // Уголовный процесс. 2025. № 9. [Электронный ресурс]. URL: https://e.ugpr.ru/1150278 (дата обращения: 30.03.2026)

7. Мельник С.Л. Модельное уголовное дело: учебное пособие / С.Л. Мельник, Н.Е. Муллахметова, Я.Д. Ревенко. – Москва: Русайнс, 2025. – 434 с.

8. Модельное уголовное дело: учебное пособие / сост. Л.В. Виницкий, С.Л. Мельник, Н.Е. Шинкевич. – М.: Флинта: НОУ ВПО «МПСИ», 2010. – 304 с.

9. Причинение тяжкого вреда здоровью (п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ): учебно-практическое пособие / Под ред. Ф.К. Зиннурова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 423 с.

10. Худойкина Т.В. Технологии практико-ориентированного обучения студентов-юристов // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (115). С. 151-152.

Новокшонов Дмитрий Вячеславович
Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации,
начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин факультета (командного)
кандидат юридических наук,
доцент, полковник юстиции
(Санкт-Петербург, Россия)

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И УРОВНИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 343.1

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Автор анализирует дискуссионные вопросы, связанные с определением сущности и содержания данного феномена, его места в политической системе и в структуре уголовной политики. Обосновывается тезис о том, что уголовно-процессуальная политика является неотъемлемой частью политики в сфере борьбы с преступностью, вне которой реализация уголовно-правовых запретов утрачивает практический смысл. В статье систематизируются основные научные подходы к пониманию политики, на основе чего формулируется авторская позиция, рассматривающая уголовно-процессуальную политику через призму общественных отношений в взаимодействий ее субъектов.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, уголовная политика, уголовное судопроизводство, противодействие преступности, доктринальный уровень, правотворческий уровень, правоприменительный уровень

Abstract. The article examines the theoretical and legal aspects of the criminal procedure policy of the Russian Federation. The author analyzes the controversial issues related to the definition of the essence and content of this phenomenon, its place in the political system, and its role in the structure of criminal policy. The article argues that the criminal procedure policy is an integral part of the policy aimed at combating crime, and without it, the implementation of criminal law prohibitions loses its practical significance. The article systematizes the main scientific approaches to understanding politics, on the basis of which the author's position is formulated, considering criminal procedure policy through the prism of social relations in the interactions of its subjects.

Keywords: criminal procedure policy, criminal policy, criminal proceedings, crime prevention, doctrinal level, law-making level, law-enforcement level

В современной юридической науке проблема определения сущности, содержания и форм реализации уголовно-процессуальной политики сохраняет свою высокую теоретическую и практическую значимость. Политические, социальные и правовые трансформации, происходящие в Российской Федерации, неизбежно влияют на вектор развития уголовного судопроизводства, что обусловливает необходимость периодического переосмысления концептуальных основ данного феномена.

Актуальность работы определяется сохраняющейся дискуссионностью ключевых категорий, а также потребностью в унификации терминологического аппарата, используемого в теории уголовного процесса.

Целью исследования выступает комплексный анализ основных аспектов уголовно-процессуальной политики, включая ее место в политической системе, сущностные характеристики, содержательное наполнение, уровни реализации и субъектный состав.

Следует подчеркнуть, что консенсус в научном сообществе относительно того, что уголовно-процессуальная политика не обладает самостоятельным характером, а выступает структурным элементом, направлением или составной частью уголовной политики в широком смысле этого слова.

Для акцентирования органической связи между указанными категориями автор предлагает использовать словосочетание «неотъемлемая часть», подчеркивая тем самым, что без уголовно-процессуальной составляющей уголовная политика утрачивает не только целостность и внутреннее единство, но и практический смысл. Действительно, уголовно-правовые запреты не могут быть реализованы вне процессуального механизма их применения, что свидетельствует о функциональной зависимости между данными видами политики.

В научном дискурсе используются различные обозначения для политики в сфере противодействия преступности. С точки зрения Г.Н. Горшенкова, В.С. Джатиева, В.А. Номоконова это: «уголовная политика», «антикриминальная политика», «политика в сфере противодействия преступности», «политика борьбы с преступностью» [8, с. 106].

Необходимо рассмотреть конституционные положения, п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, где используется термин «борьба с преступностью», что позволяет считать употребление выражения «политика государства в сфере борьбы с преступностью» вполне легитимным и юридически корректным.

Особо следует выделить множественность подходов к пониманию политики как таковой, что предопределяет разнообразие дефиниций и в рассматриваемой сфере. В зависимости от того, какое определение политики принимается за основу, исследователи по-разному трактуют сущность уголовно-процессуальной политики. Можно выделить следующие основные подходы.

По поводу уголовно процессуальной политики А.И. Александров отметил: «деятельностный подход, в рамках которого сущность усматривается в деятельности субъектов» [1, с. 310].

Профессор В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, – сторонники данного подхода – акцентируют внимание: «на активной, преобразующей роли субъектов в формировании и реализации политики» [2, с. 72].

В.В. Урбан так описывает: «уголовно-процессуальная политика представляет собой систему мер правового воздействия на общественные отношения в соответствующей сфере. Здесь на первый план выходит инструментальная функция политики как средства управления» [3, с. 86].

О.З. Челюскаев указывает: «идеологический, нормативный подход, при котором политика понимается как система основных начал, идей и принципов, определяющих развитие уголовного процесса. В этом случае акцент смещается на ценностно-нормативную основу политики» [4, с. 16].

Из приведенных выше мнениях следует, собственная научная позиция, к пониманию политики как особого вида общественных отношений, выражающихся в совокупности взаимодействий ее субъектов. Соответственно, сущность уголовно-процессуальной политики усматривается в общественных отношениях, представляющих собой совокупность взаимодействий субъектов данной политики. Такой подход, основанный на коммуникативной природе политики, позволяет преодолеть ограниченность узкоинструментальных трактовок и включить в рассмотрение широкий спектр социальных связей и взаимовлияний.

Что касается содержания уголовно-процессуальной политики, то в науке также наблюдается плюрализм мнений. А.И. Александров связывает его: «с реализацией норм уголовного права в уголовном судопроизводстве», Ю.Г. Овчинников: «с совершенствованием системы уголовно-процессуального законодательства» [5, с. 60], В.А. Пономаренков: «с созданием механизмов процессуально-правового регулирования» [6, с. 96]. Встречаются также

подходы, акцентирующие внимание на преобразовании идей и принципов в нормы права и практику либо на определении приоритетов правового регулирования.

Плюрализм мнений является нормальным и даже необходимым условием развития научного познания. Различия в подходах объясняются многогранностью самого феномена и множественностью интерпретаций базовых понятий. Исходя из избранной авторской позиции, содержание уголовно-процессуальной политики через направленность взаимодействий ее субъектов на расследование преступлений и разрешение уголовных дел. Именно эта специфическая сфера общественных отношений придает уголовно-процессуальной политике качественное своеобразие, отличающее ее от иных направлений государственной политики [9, с. 165].

Важным вкладом в теоретическое осмысление проблемы является анализ уровней реализации уголовно-процессуальной политики. Автор, опираясь на работы В.В. Урбана, В.А. Пономаренкова и О.Г. Поруновой, выделяет три основных уровня: доктринальный, правотворческий и правоприменительный. При этом не игнорирует иные классификации, в частности, подход А.И. Александрова, выделявшего теоретико-познавательный, концептуальный, законодательный и управленческий уровни. Однако, как справедливо отмечается, теоретико-познавательный и концептуальный уровни по своему содержанию могут быть интегрированы в доктринальную форму [7, с. 310].

Доктринальный уровень представляет собой сферу формирования идей, взглядов, концепций и представлений, касающихся уголовно-процессуальной сферы. На этом уровне происходит отбор наиболее перспективных для конкретного исторического периода теоретических положений, которые впоследствии могут быть трансформированы в нормативные правовые предписания. Доктринальный уровень включает в себя как научные разработки, так и директивные акты стратегического планирования (стратегии, концепции, программы долгосрочного развития, утверждаемые Президентом РФ). Субъектами данного уровня выступают представители научного сообщества, Уполномоченный по правам человека в РФ, Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, правозащитные общественные объединения и иные субъекты общей юрисдикции. Важно подчеркнуть, что именно на этом уровне закладываются ценностные основания и стратегические ориентиры уголовно-процессуальной политики.

Правотворческий уровень связан с деятельностью по подготовке, принятию, изменению и отмене нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-процессуальные отношения. Данная деятельность осуществляется в строго регламентированном порядке, включающем реализацию законодательной инициативы, рассмотрение законопроектов в Государственной Думе, одобрение Советом Федерации, подписание Президентом РФ, официальное опубликование и вступление в силу. Объектом правотворческой деятельности выступают, прежде всего, федеральные законы, вносящие изменения и дополнения в УПК РФ, а также федеральные законы о ратификации международных договоров, имеющих значение для уголовного судопроизводства. Субъектами данного уровня являются Президент РФ, палаты Федерального Собрания (Совет Федерации и Государственная Дума), сенаторы РФ, депутаты Государственной Думы, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ, Верховный Суд РФ. Таким образом, здесь представлены субъекты как общегосударственной, так и специальной государственной юрисдикции.

Правоприменительный уровень охватывает деятельность по реализации уголовно-процессуальных норм в конкретных правоотношениях. Именно на этом уровне происходит накопление юрисдикционного, следственного и прокурорского опыта, формируется обратная связь с правотворчеством.

Правоприменение выступает своеобразной проверкой законодательных норм на предмет их соответствия реальным общественным отношениям, эффективности, согласованности с иными нормами, отсутствия пробелов и коллизий. Выявление молчащих, неработающих или декларативных норм служит сигналом для совершенствования законодательства [10, с. 56].

Важно отметить, что правоприменитель не обладает правом создания новых норм, однако он осуществляет их толкование, что также влияет на формирование правовой политики. Результаты правоприменительной деятельности, будучи оформленными в соответствующих актах, могут иметь многократное применение и оказывать существенное влияние на регулирование общественных отношений. Субъектами данного уровня выступают суд (судья), должностные лица органов предварительного расследования (следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания), орган дознания, прокурор. Все они относятся к субъектам специальной государственной юрисдикции.

Предложенная трехуровневая модель представляется достаточно полной и логичной, позволяющей охватить все стадии жизненного цикла уголовно-процессуальной политики, от зарождения идеи до ее нормативного закрепления и последующей реализации (правоприменение).

Вопрос о субъектном составе уголовно-процессуальной политики тесно связан с выделенными уровнями ее реализации. Автор предлагает классификацию субъектов в зависимости от их юрисдикционной принадлежности, выделяя субъектов общей, общегосударственной и специальной государственной юрисдикции.

К субъектам общей юрисдикции относятся представители научной общественности, правозащитные организации, институты гражданского общества, участвующие в формировании доктринальных основ политики. Субъекты общегосударственной юрисдикции (Президент РФ, палаты Федерального Собрания, Правительство РФ, Верховный Суд РФ и др.) задействованы преимущественно на правотворческом уровне. Субъекты специальной государственной юрисдикции (суд, органы предварительного расследования, прокурор) реализуют политику на правоприменительном уровне.

Такая классификация представляется удачной, поскольку позволяет дифференцировать роль и функции различных участников в зависимости от этапа формирования и реализации политики. Отсюда следует вывод, что уголовно-процессуальная политика понимается как неотъемлемая часть политики государства в сфере борьбы с преступностью, представляющая собой общественные отношения, выражающиеся в совокупности взаимодействий ее субъектов по целенаправленному формированию идей, взглядов, разработке, принятию и исполнению нормативных правовых актов, касающихся расследования преступлений и разрешения уголовных дел.

Данная дефиниция обладает рядом достоинств. Во-первых, она указывает на родовую принадлежность уголовно-процессуальной политики, неотъемлемая часть политики борьбы с преступностью. Во-вторых, в ней отражена сущность явления, общественные отношения как совокупность взаимодействий. В-третьих, конкретизировано содержание, направленность на расследование и разрешение уголовных дел. В-четвертых, указаны уровни реализации и субъектный состав. Таким образом, определение носит комплексный характер и охватывает ключевые аспекты исследуемого феномена.

Литература:

1. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления / А.И. Александров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3(40). – С. 310-319.

2. Сальников В.П. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России / В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 70-97.

3. Урбан В.В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации / В.В. Урбан // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 4(56). – С. 85-93.

4. Челохсаев О.З. О понятии уголовно-процессуальной политики / О.З. Челохсаев // Российский следователь. – 2006. – № 10. – С. 16-19.

5. Овчинников Ю.Г. Влияние уголовно-процессуальной политики на отдельные институты досудебного производства / Ю.Г. Овчинников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 29(288). – С. 60-64.

6. Пономаренков В.А. Процессуально-правовая политика современной России / В.А. Пономаренков, О.Г. Порунова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2016. – № 4. – С. 96-102.

7. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления / А.И. Александров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3(40). – С. 310-319.

8. Номоконов В.А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы / В.А. Номоконов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 106-116.

9. Таршева М.Н. Уголовно-процессуальная политика России: основные аспекты / М.Н. Таршева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3(107). – С. 165-170.

10. Новокшонов Д.В. Факторы, определяющие развитие уголовно-процессуальной политики и законодательства в период военного положения и в военное время / Д.В. Новокшонов // Мониторинг правоприменения. – 2025. – № 4(57). – С. 56-61. – DOI 10.24412/2226-0692-2025-4-56-61. – EDN KNIAZE.

Новокшонов Дмитрий Вячеславович
Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации,
начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин факультета (командного)
кандидат юридических наук,
доцент, полковник юстиции
(Санкт-Петербург, Россия)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: ДЕФЕКТЫ И СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

УДК 343.2

Аннотация. В статье исследуется современная состояние уголовно-*процессуальной политики Российской Федерации в условиях действия особых правовых режимов. Выявляются недостатки нормативного регулирования. На основе анализа исторического опыта и оценки новелл уголовно-процессуального законодательства обосновывается необходимость перехода от точечных изменений к принятию системного законодательного акта. Делается вывод о том, что такой акт должен не только расширить полномочия государства в особые периоды, но и содержать механизмы обеспечивающие соразмерность ограничений прав личности и доступ к правосудию.*

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, особый правовой режим, военное положение, законодательство военного времени, уголовное судопроизводство, гарантии прав личности.

Abstract. The article examines the current state of the criminal procedure policy of the Russian Federation in the context of special legal regimes. The shortcomings of regulatory regulation are identified. Based on the analysis of historical experience and the evaluation of new criminal procedure legislation, the article substantiates the need to move from point-based changes to the adoption of a systemic legislative act. It is concluded that such an act should not only expand the state's powers during special periods but also contain mechanisms that ensure the proportionality of restrictions on individual rights and access to justice.

Keywords: criminal procedure policy, special legal regime, martial law, wartime legislation, criminal proceedings, guarantees of individual rights.

В условиях трансформации системы публично-властных отношений, вызванной введением военного положения, частичной мобилизацией, интеграцией новых субъектов в правовое пространство российской Федерации, уголовно-процессуальная политика претерпевает значительные изменения. Наблюдается вектор усиления публичных начал, выражающийся в расширении полномочий органов предварительного расследования, увеличение сроков процессуальных действий, внедрение новых оснований для освобождения от уголовной ответственности, сопряженных с военной службой.

Вместе с тем характер уголовно-процессуальной науки и запаздывание законодательных решений, приводит к нарастанию дисбаланса между публичными интересами государства и конституционными гарантиями прав личности.

Действующее законодательство, включая Федеральные конституционные законы «О чрезвычайном положении», «О военном положении», и «О военных судах Российской Федерации», содержит лишь рамочные предписания, не обеспеченные процессуальными механизмами реализации. Это порождает феномен юрисдикционной неопределенности, при котором формально существующие правовые институты не могут быть приведены в действие.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении дефектов уголовно-процессуальной политики в особых правовых режимах. Обоснование необходимости принятия комплексного

законодательного акта, способного обеспечить баланс публичных и частных интересов. Задача исследования провести анализ нормативных коллизий, оценка исторического опыта регулирования судопроизводства в особый период. Сформировать предложения по совершенствованию процессуальных механизмов.

Уголовно-процессуальная политика, согласно структурной модели, предложенной А.И. Александровым: «выступает самостоятельным, но неразрывно связанным элементом уголовной политики наряду с уголовно-правовой, уголовно-розыскной, уголовно-исполнительной, уголовно-превентивной и уголовно-организационной политикой. Ее специфика определяется тем, что она задает процессуальные формы реализации материально-правовых предписаний, обеспечивая тем самым упорядоченность деятельности субъектов уголовной юрисдикции» [1, с. 23].

В условиях действия особых правовых режимов, указанная функция приобретает важное значение. Именно процессуальный инструментарий призван обеспечить соразмерность ограничений прав личности характеру угроз, послуживших основанием для введения особых мер. Однако, как показывает анализ, уголовно-процессуальная политика характеризуется фрагментарностью и не в полной мере способна сформировать эффективные механизмы защиты конституционных прав граждан [5, с. 100].

Уголовно-процессуальная политика в настоящее время характеризуется фрагментарностью, отсутствием внутренней непротиворечивости и неспособностью сформировать эффективные механизмы защиты конституционных прав граждан.

Действующее законодательство позволяет констатировать наличие проблемы. При наличии рамочных норм, допускающих порядок судопроизводства в период военного положения, отсутствует их процессуальная конкретизация. Ст. 35 ФКЗ «О военном положении», устанавливает общие параметры осуществления судебной власти. Ст. 16 ФКЗ «О военном положении», предусматривает полномочия Верховного Суда РФ по изменению территориальной подсудности дел [3, с. 67].

В свою очередь, ФКЗ «О военных судах РФ», содержит отсылки к необходимости специального регулирования деятельности военных судов в военное время. Следует подчеркнуть, что до настоящего времени ни один из указанных актов не получил развитие в специальном законе. Отсутствует порядок реализации полномочий Верховного Суда по изменению подсудности, так и процедурные правила функционирования военных судов в условиях военного положения. В результате конституционное право каждого на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), оказывается не обеспеченным процессуальными гарантиями.

Особую остроту эта проблема приобретает в связи с интеграцией новых субъектов Российской Федерации. На данных территориях де-юре созданы федеральные суды. Де-факто значительная их часть не может осуществлять правосудие в установленном порядке, из-за ведения боевых действий и угрозы безопасности. В практике сложился порядок передачи уголовных дел, подсудных указанным судам, в суды, действующие на освобожденных территориях. При внешней прагматичности такого решения, оно не имеет нормативного обоснования. Это ставит под сомнение легитимность осуществления правосудия и нарушает конституционное право каждого на рассмотрение дела законным судом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ) [9, с. 166].

Фактически складывается ситуация, которую можно квалифицировать как «судебный вакуум». Отсутствие легальной процедуры восполнения невозможности отправления правосудия.

Реагируя на запросы правоприменительной практики, законодатель внес изменения, направленные на упорядочение досудебного производства в условиях военного положения. Увеличены предельные сроки задержания подозреваемого на территориях где введено военное положение. Допускается задержание лиц, подозреваемых в совершении особо тяжких преступлений, на срок до 30 суток без решения суда. Кроме того, ст. 100 УПК РФ предусматривает возможность продления срока предъявления обвинения до 45 суток с момента

задержания [6, с. 170].

Проблема состоит в отсутствии процессуального механизма, компенсирующего вынужденное ограничение прав участников процесса. Увеличение сроков задержания при одновременном ослаблении судебного контроля, нарушает баланс, характерный для состязательного судопроизводства. Представляется необходимым внедрением дополнительных гарантий, включая усиления прокурорского надзора за законностью задержания. Создание экстерриториальных судебных присутствий, либо наделение военных судов дополнительными полномочиями по осуществлению судебного контроля [7, с. 72].

Наша позиция заключается в том, что любое отступление от ординарной процессуальной формы должно сопровождаться формированием адекватных компенсаторных механизмов. Если объективные обстоятельства препятствуют выполнению требования ч. 3 ст. 91 УПК РФ о доставлении задержанного в суд в течении 48 часов, законодатель обязан легализовать иной порядок судебного контроля, обеспечивающий реализацию конституционного права на судебную защиту [8, с. 12].

Обращаясь к историческому наследию, позволяет выявить эффективные регулятивные модели, которые могли бы быть адаптированы к современным условиям. В дореволюционный период, а затем в эпоху становления советской процессуальной школы, законодателем последовательно разрабатывались механизмы обеспечения непрерывности судопроизводства в чрезвычайных ситуациях. Характерной особенностью революционного и последующего советского законодательства являлось наделение военных судов полномочиями по отправлению правосудия в условиях, когда гражданская судебная система утрачивала способность к функционированию [2, с. 263].

Особое внимание заслуживает Положение о военных трибуналах 1958 года, действовавшее вплоть до 1999 года. Данный акт содержал развернутую регламентацию деятельности военных судов в особых условиях. Включал в себя порядок формирования судебных составов, определения подсудности и осуществления процессуальных действий. Положение предусматривало возможность создания временных военных трибуналов. Упрощенный порядок вручения обвинительного заключения, а также особые правила изменения подсудности, что позволяло оперативно реагировать на изменения оперативной обстановки. Утрата этого правового наследия при отсутствии адекватной замены, привела к возникновению того самого судебного вакуума.

Федеральным законом от 2.10.2024 года №340-ФЗ в УПК РФ внесены изменения, предусматривающие обязанность суда, следователя и дознавателя прекращать уголовное преследование в отношении лиц, заключивших контракт с Министерством Обороны РФ. При условии, что производство по их делам ранее было приостановлено. Данная новелла представляет собой характерный пример использования процессуального инструментария для достижения целей в сфере военной и оборонной политики.

Принципиальное различие между современным подходом и практикой периода Великой Отечественной войны заключается в том, что в советский период государственная воля реализовывалась в отношении лиц, уже осужденных за совершенное преступление. Отсрочка исполнения приговора с направлением в действующую армию. Современная правовая модель, напротив, распространяет преференции на субъектов, чья вина еще не установлена вступившим в законную силу приговором суда. Такое расширение оснований для прекращения уголовного преследования, не сопровождаемое внесением соответствующих гарантий, создает риски как для прав потерпевших, так и для единства правоприменительной практики [4, с. 15].

Представляется, что фрагментарное внесение изменений в действующий УПК РФ не способно разрешить комплекс проблем, обусловленных действием особых правовых режимов. Более предпочтительным видится путь принятия универсального законодательного акта, который регулировал все аспекты судопроизводства в особый период. Таким актом мог бы стать специальный раздел УПК РФ «Производство по уголовным делам в условиях действия особых правовых режимов». Либо самостоятельный федеральный конституционный закон, регламентирующий особенности судопроизводства в военное время. Второй вариант

представляется более предпочтительным. Федеральный конституционный закон обладает большей юридической силой и стабильностью, что особенно важно для регулирования отношений в особых условиях.

Разработка такого акта должна исходить из принципа соразмерности ограничений прав личности характеру угроз. Необходимости сохранения системы сдержек и противовесов, присущей состязательному судопроизводству.

В его структуре следует предусмотреть: 1) определение подсудности уголовных дел в условиях военного положения, включая критерии разграничений компетенции между военными судами и судами общей юрисдикции; 2) процедурные правила изменения территориальной подсудности с участием Верховного Суда РФ; 3) особенности осуществления судебного контроля за законностью задержания и применения мер пресечения; 4) гарантии доступа к квалифицированной юридической помощи; 5) механизмы защиты прав потерпевших при прекращении уголовного преследования по нематериально-правовым основаниям.

Как справедливо отмечает А.И. Александров, «заимствование чужих уголовно-процессуальных институтов должно быть творческим и крайне осторожным» [1, с. 35]. Восстановление утраченных моделей, элементов Положения о военных трибуналах 1958 года, должно сопровождаться их адаптацией к современной системе гарантий прав личности. Включая расширение состязательных начал и усиление судебного контроля.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что современная уголовно-процессуальная политика в условиях действия особых правовых режимов характеризуется фрагментарностью. Нормативная база содержит рамочные установки, не обеспеченные процессуальными механизмами реализации. Внесение точечных изменений в уголовно-процессуальное законодательство при отсутствии механизмов реализации не решает существующих проблем.

Выход из сложившейся ситуации видится в переосмыслении уголовно-процессуальной политики и принятии системного законодательного акта, который регламентировал особенности судопроизводства в особых правовых режимах. Такой акт должен не только расширять полномочия государства в особых условиях, но и содержать механизмы защиты прав потерпевших, гарантий от необоснованного ограничения конституционных прав личности. Только при соблюдении указанных условий возможно достижение разумного паритета между интересами личности, общества и государства. Это становится необходимым условием функционирования сильного и правового государства.

Литература:

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А.И. Александров, В.Н. Кудрявцев. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. – 448 с.

2. Бодаевский В.П. Уголовная политика и отрасли криминального цикла как внешние факторы, влияющие на систему военно-уголовных норм / В.П. Бодаевский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 2. – С. 262-274.

3. Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, поступивших на военную службу по мобилизации или в военное время (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 2 октября 2024 года № 340-ФЗ) / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 2(331). – С. 65-70.

4. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 1987. – 270 с.

5. Латыпов В.С. Национальный интерес в современной уголовно-процессуальной политике России / В.С. Латыпов, А.Ю. Терехов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 1(72). – С. 99-106.

6. Милюков С.Ф. Военно-полевая уголовная политика: основные контуры / С.Ф. Милюков // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 2(75). – С. 169-173.

7. Сальников В.П. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России / В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 70-97.

8. Сафронов Д.М. Особенности применения задержания в условиях военного положения / Д.М. Сафронов // Российский следователь. – 2024. – № 8. – С. 11-15. – DOI 10.18572/1812-3783-2024-8-11-15.

9. Таршева М.Н. Уголовно-процессуальная политика России: основные аспекты / М.Н. Таршева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3(107). – С. 165-170.

Педоренко Виктория Владимировна
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
студент;
Манивлец Элина Евгеньевна
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
доцент кафедры уголовного права и процесса
кандидат юридических наук, доцент
(Донецк, Россия)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

УДК 319.07

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации коррупционных преступлений в РФ. Проанализированы законодательные пробелы, затрудняющие определение субъекта и предмета коррупционных деяний, особенно при участии правоохранителей. Выявлены сложности разграничения смежных составов, квалификации посредничества и вымогательства взятки. Обоснована необходимость совершенствования уголовного законодательства и унификации судебной практики для обеспечения единообразия правоприменения и повышения эффективности противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупционные преступления, квалификация преступлений, взяточничество, правоохранительные органы, субъект преступления, уголовное законодательство, противодействие коррупции, судебная практика.

Abstract. The article examines problems in qualifying corruption crimes in the Russian Federation, with particular focus on offenses committed by law enforcement officers. Legislative gaps in defining corruption and the subject of corruption crimes are identified, complicating law enforcement. The study analyzes difficulties in distinguishing related offenses, qualifying intermediary bribery, extortion, and petty bribery. The author proposes measures to improve criminal legislation and unify judicial practice to ensure consistent law application and enhance the effectiveness of state anti-corruption policy.

Keywords: corruption crimes, criminal qualification, bribery, law enforcement agencies, subject of crime, criminal legislation, anti-corruption measures, judicial practice.

Анализ проблем, возникающих в процессе квалификации преступлений коррупционной направленности, приобретает особую значимость в связи с глобальными масштабами коррупции в Российской Федерации, которая подрывает авторитет власти, формируя реальную угрозу безопасности государства. Коррупция представляет собой специфический вид преступлений, нарушающих нормальную деятельность властных и управленческих структур, подрывающих их престиж и тем самым угрожающих национальной безопасности государства.

Как справедливо отмечает С.Н. Шишкарёв, «чем выше уровень коррупции, тем беднее общество, нестабильнее политическая и экономическая системы страны, выше степень криминализации социума» [1, с. 102]. В этой связи эффективность борьбы с коррупцией является первостепенным показателем приверженности демократии и цивилизованности государства на международной арене.

Особую опасность коррупционные преступления приобретают в том случае, когда их совершают сотрудники правоохранительных органов, на которых государство возложило ответственные функции по обеспечению законности. Согласно статистике Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2023 году фигурантами уголовных дел о коррупции в России стали более 800 сотрудников органов внутренних дел, а также более 200 прокуроров, судей, следователей и адвокатов. При этом уровень латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, по мнению экспертов, составляет от 60 до 80% [2]. Такая статистика указывает на поистине катастрофические масштабы коррупции в правоохранительных органах и об особой значимости правильной квалификации таких деяний по признаку субъекта.

Квалификация преступления, то есть установление соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом, является одним из важнейших понятий науки уголовного права. Как отмечают исследователи, только правильная квалификация преступления является гарантией осуществления правосудия

в строгом соответствии с законом [3, с. 104].

Правовые последствия квалификации разнообразны: во-первых, квалификация преступления по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ [4] влияет на вид и размер назначаемого судом наказания; во-вторых, квалификация влечёт ряд процессуальных последствий, определяя вид уголовного преследования, форму предварительного расследования, подсудность и подследственность уголовных дел; в-третьих, квалификация существенна с точки зрения криминологии и судебной статистики, которые служат исходным материалом при формировании социально-политических выводов о необходимых мерах борьбы с преступностью.

Однако назначить справедливое наказание и верно интерпретировать действия лиц, совершивших коррупционные преступления, не позволяет терминологический аппарат Уголовного кодекса Российской Федерации, а также специального Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», которые не содержат легальной правовой дефиниции, позволяющей составить чёткое представление о правовой сущности коррупции и субъекте коррупционных преступлений [5].

Законодательное определение коррупции выглядит так, что не ясно, что же должно полностью характеризовать объект служебного преступления: заведомая продажность потенциального субъекта служебного преступления для реализации цели получения выгоды или же сама по себе готовность реализовывать предоставленные полномочия за вознаграждение вопреки интересам службы и законным интересам общества и государства. Отсюда вытекает сложность квалификации коррупционных и иных служебных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, по признаку субъекта.

Как показывает практика, в 25% случаев сложность квалификации служебного преступления по признакам субъекта объясняется отсутствием единой терминологии, а также нечёткостью легального определения коррупции, которую российский законодатель интерпретировал через перечисление в ст. 1 ФЗ № 273 наименования статей УК РФ. При этом законодателем не учтено, что использованные при формулировке составов термины: «должностное лицо», «должностные обязанности», «служебные полномочия», «использование должностных полномочий» или «злоупотребление должностными полномочиями», не являются равнозначными. На это неоднократно обращалось внимание в научной литературе, однако конкретных мер в данном направлении принято так и не было [6, с. 72].

Значительное число статей УК РФ, предусматривающих ответственность служащих правоохранительных органов при исполнении должностных полномочий, обладают бланкетным характером ввиду того, что верное определение субъекта преступления по данным нормам предполагает анализ их должностных полномочий, закреплённых в соответствующих правовых нормах. Как отмечает С.А. Васютин, квалификация служебных преступлений по признаку субъекта требует обращения к ведомственным инструкциям, подтверждающим статус и должностные полномочия подсудимого [7, с. 121]. Обращение к ведомственным инструкциям при квалификации субъекта должностных преступлений, совершаемых в органах внутренних дел, согласно анализу приговоров, требовалась в 75% случаев.

Определённые трудности в правоприменительной практике возникают в связи с точным установлением предмета преступления, содержание которого образуют деньги, ценные бумаги и иное имущество или выгоды имущественного характера. Проблема заключается в том, что предмет получения взятки может подразумевать как движимое, так и недвижимое имущество. Особую сложность в плане установления и доказывания вызывают так называемые выгоды имущественного характера, связанные с безвозмездным оказанием услуг, подлежащих оплате, например, при строительстве дачи, занижением стоимости передаваемого имущества, приватизируемых объектов, уменьшением арендных платежей и др. При этом предмет взятки или полученные услуги имущественного характера обязаны быть оценены с точки денежного эквивалента, и в случае возникновения сложностей предмет взятки предоставляется эксперту для дачи экспертного заключения.

Отдельную проблему представляет разграничение таких составов преступлений, как

взяточничество и мошенничество. Критерием такого разграничения, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ [8], является наличие либо, напротив, отсутствие у лица возможности совершения с использованием служебных полномочий или с использованием служебного положения действий (бездействия), за которые оно получило взятку. Если такими служебными возможностями должностное лицо располагает, то принятие ценностей следует квалифицировать как получение взятки даже в случае, когда это лицо в действительности не намеревалось совершать обещанные взяткодателю действия. В то же время, как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, однако заведомо не намеревавшегося исполнять своё обещание и обратившего эти ценности в свою пользу.

Отсутствует единая практика квалификации коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов в составе организованной группы. Анализ судебной практики показал, что в 70% случаев сотрудники правоохранительных органов выступают как пособники коррупционных преступлений. В то же время, обозначенное правило не распространяется на случаи совершения преступления организованной группой, участники которой, вне зависимости от того, обладают они или не обладают признаками специального субъекта, указанными в статье Особенной части УК РФ, несут ответственность как исполнители преступления, без ссылки на ст. 33 УК РФ. Данное обстоятельство относительно взятки отмечено в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24, согласно которому «в организованную группу, помимо одного или нескольких должностных лиц, могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта получения взятки или коммерческого подкупа».

Следовательно, такая позиция высшей судебной инстанции представителями научного сообщества оценивается неоднозначно, поскольку она вступает в противоречие с правилом, в соответствии с которым о наличии в деянии виновного квалифицированного состава можно говорить только в том случае, когда в его действиях присутствуют все признаки основного.

Определённые трудности возникают при квалификации посредничества во взяточничестве, криминализированного в ст. 291.1 УК РФ. Введённая законодательная формула способствовала актуализации проблемы разграничения составов дачи взятки и посредничества во взяточничестве. Конкуренция уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 291 и 291.1 УК РФ, обусловлена наличием сходных признаков. Согласно определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве наступает при условии, когда размер взятки является значительным [9, с. 208].

Вопрос с вымогательством взятки также вызывает определённые трудности. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 постановления № 24 подчеркнул, что под вымогательством взятки следует понимать не только требование должностного лица дать взятку, сопряжённое с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. Тем не менее, если требования вознаграждения госслужащим выстроены на защиту противозаконных интересов взяткодателя, то в этом случае квалифицировать преступление следует как взятка без вымогательства.

Ещё одним проблемным вопросом является определение квалификации преступного деяния, когда госслужащий получает взятку в размере до 10 000 руб., причём даже если есть квалифицирующие признаки состава преступления, такие как совершение организованной группой, по предварительному сговору, вымогательство взятки и взятка за незаконные действия. В данном случае даже при имеющихся отягчающих обстоятельствах, когда взятка составляет до 10 000 руб., данное противоправное деяние будет квалифицироваться как мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) [10, с. 138].

На основании изложенного можно сделать вывод, что данное положение, определяющее квалификацию такого рода преступлений, трудно признать справедливым, более того, такой подход не соответствует антикоррупционной политике борьбы с преступностью. Порой на

практике отдельные преступления, квалифицирующиеся по ст. 291.2 УК РФ, по своей изощрённости, дерзости, угрозе обществу и государству, жизни и здоровью граждан могут превышать угрозу совершённых деяний лицами по статьям 290 и 291 УК РФ, однако размер взятки не позволяет к преступнику применить весь спектр карательных мер.

В этой связи необходимо сделать вывод о том, что классификация тяжести преступлений коррупционной направленности не может формироваться по сумме взятки, а также на отсутствии должной реакции на квалифицирующие признаки состава преступления. А следовательно, проблемная ситуация может быть разрешена путём изменения норм уголовного законодательства и судебной практики общей юрисдикции, направленной на решение единой задачи антикоррупционной борьбы и недопущению различного рода коррупционного поведения со стороны государственных служащих.

Считаем необходимым дополнить ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» пунктом 5 следующего содержания: «Коррупционное преступление – это виновно совершенное общественно-опасное деяние, посягающее на интересы государственной власти, основы государственной службы или службы в органах местного самоуправления либо на законные интересы коммерческих или некоммерческих организаций, умышленно совершенное лицом в корыстных целях с использованием своего служебного положения».

Также считаем, что выработать единую практику квалификации коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов в составе организованной группы, поможет правило, согласно которому вменять квалифицированный состав лицу, не обладающему признаками специального субъекта получения взятки или коммерческого подкупа, будет возможно только в том случае, если в действиях виновного лица присутствуют все признаки основного состава. С нашей точки зрения, такой законодательный подход позволит обеспечить соблюдение фундаментальных правил квалификации преступлений.

Приведение правоприменительной практики к единообразию в части квалификации преступлений коррупционной направленности сведёт к минимуму усмотрение правоприменителя при рассмотрении дел данной категории преступлений, что, в свою очередь, будет являться одним из механизмов, способствующих эффективному противодействию коррупции. Сегодня противодействие коррупции, а также предупреждение преступлений коррупционной направленности являются в России главенствующим направлением уголовного законодательства. Должным образом организованная борьба с коррупцией в государстве обязана привести к положительным результатам, что даст толчок к развитию экономики, правового и демократического строя в Российской Федерации.

Литература:

1. Шишкарёв С.Н. Борьба с коррупцией в системе приоритетов правового обеспечения национальной безопасности / С.Н. Шишкарёв // Вестник ПАГС. – 2009. – С. 102-105.

2. Статистические данные ГИАЦ МВД России по состоянию преступности (2021–2023 гг.) // Статистика МВД: уголовная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic (дата обращения: 11.03.2026).

3. Черепанова Е.В. Правовые проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности / Е.В. Черепанова // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 101-107.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.03.2026).

5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 26.07.2019 № 251-ФЗ) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 11.03.2026).

6. Коршунов В.С. Практические проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, их решение / В.С. Коршунов // Научные дискуссии. – 2024. – Т. 4, № 3. – С. 71-74.

7. Васютин С.А. Квалификация служебных преступлений по признакам субъекта: монография / С.А. Васютин. – Хабаровск: Юрист, 2018. – 244 с.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru (дата обращения: 11.03.2026).

9. Хавдок, А.М. Актуальные вопросы квалификации преступлений коррупционной направленности / А.М. Хавдок, Е.А. Едомский, Е.В. Герасимова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 2. – С. 206-210.
10. Смоляков А.И. Проблемы расследования преступлений с коррупционной составляющей и пути их решения / А.И. Смоляков // Современное общество и право. – 2024. – № 6 (73). – С. 136-141.

Руденко Екатерина Александровна
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
магистрант;
Цыба Евгений Викторович
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
доцент кафедры административного и финансового права,
кандидат юридических наук
(Донецк, Россия)

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОДЕРЖАНИЕ И СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

УДК 347.965

Аннотация. Исследована проблема обеспечения сохранности адвокатской тайны. Выделены существенные риски утраты конфиденциальности в процессе взаимодействия адвоката с доверителем. Сформулированы принципы защиты адвокатской тайны в условиях всеобщей цифровизации информационного пространства. Предложены законодательные решения проблемы адвокатской тайны.

Ключевые слова: правоприменительная практика. адвокатская деятельность, адвокатская тайна, цифровизация судопроизводства, информационные риски.

Abstract. The problem of ensuring the safety of attorney-client privilege is investigated. The significant risks of loss of confidentiality in the process of lawyer's interaction with the client are highlighted. The principles of protecting attorney-client privilege in the context of universal digitalization of the information space are formulated. Legislative solutions to the problem of attorney-client privilege are proposed.

Keywords: law enforcement practice. advocacy, attorney-client privilege, digitalization of legal proceedings, information risks.

В процессе профессиональной деятельности адвокат руководствуется принципом соблюдения и сохранения адвокатской тайны. Стоит отметить, что данный принцип составляет этическую и юридическую основу взаимоотношения адвоката и доверителя.

Сохранение профессиональной тайны представляет собой одну из важнейших обязанностей адвоката и в то же время – одно из «вечных» правовых понятий, прослеживаемых на протяжении всей истории развития адвокатуры. Так, еще в эпоху Древнего Рима существовала правовая норма, запрещавшая адвокатам выступать в качестве свидетелей по делам, в которых они осуществляли защиту; кроме того, за причинение вреда клиенту по собственной вине адвокат нес персональную ответственность [1, с. 126].

Результативность адвокатской деятельности зависит от уровня доверительности нравственно обоснованных отношений с клиентом. Как справедливо подчёркивается в литературе, подлинное доверие невозможно без гарантии сохранения конфиденциальности, поскольку только уверенность в том, что переданная информация останется в тайне, позволяет доверителю открыто и полно раскрывать обстоятельства осуществленного им деяния [2, с. 52].

Таким образом, соблюдение адвокатской тайны обеспечивает конституционный иммунитет доверителя, закреплённый в ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на получение квалифицированной юридической помощи.

По мнению С.И. Володиной адвокат в своей деятельности исполняет роль поверенного, т.е. лица, которому доверяют наиболее сокровенные и зачастую компрометирующие сведения. Доверие формируется под воздействием профессиональной компетентности, порядочности, добросовестности и доброжелательности. Напротив, такие черты, как необязательность, разрушают доверие и делают эффективное взаимодействие невозможным [3, с. 25]. Более того, как отмечает классическая правовая мысль, отсутствие или недостаток веры со стороны доверителя лишает адвоката основы для устойчивого успеха, независимо от его красноречия, эрудиции или благих намерений [4, с. 36].

Согласно пункту 4 Указа Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [5] адвокатская тайна отнесена к категории сведений, доступ к которым ограничен Конституцией РФ и федеральными законами. Как отмечает Е.В. Охотникова, её включение в данный перечень демонстрирует не только значение адвокатской тайны для участников судопроизводства, но и системную роль в обеспечении существования института адвокатуры. По мнению автора квалифицированная юридическая помощь может быть оказана в полной мере лишь при наличии законодательно закреплённых гарантий конфиденциальности информации [6, с. 502].

Легальное определение понятия «адвокатская тайна» содержится в ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», где указано: «адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю». Так, в адвокатской практике действует запрет на разглашение любой информации. Однако нередко встречается ошибочное представление о том, что обязанность хранить тайну возникает лишь с момента формального допуска адвоката к участию в деле в качестве защитника. И.Г. Иванова справедливо замечает, что в действительности обязательство сохранять конфиденциальность наступает уже в момент первого обращения лица за юридической помощью, причём в состав адвокатской тайны входят не только сведения, сообщённые в ходе консультации или защиты, но и сам факт обращения, а также любые иные данные, так или иначе связанные с профессиональной деятельностью адвоката [7, с. 364].

По мнению А.А. Лихачева установленный запрет не только способствует сохранению взаимоотношений между адвокатом и доверителем, но и обеспечивает устойчивость профессионального статуса адвоката, исключая возможность оказания на него давления, принуждения или иных мер воздействия со стороны третьих лиц, включая правоохранительные и судебные органы [8, с. 225]. По мнению Д.А. Уварова, владение подобной информацией ставит адвоката в особое процессуальное и этическое положение. Он может обладать знанием о фактах неизвестных следствию и суду, однако обязан сохранять их в тайне. При этом стратегия защиты должна выстраиваться так, будто сам адвокат не располагает такими сведениями, а его профессиональная позиция не должна зависеть от их наличия [9, с. 396].

Как указывает В.А. Вельгорецкая, важно учитывать, что доверитель вправе скрывать от адвоката даже наиболее компрометирующие обстоятельства, включая те, что могут свидетельствовать о его виновности. Обратная ситуация возникает, когда информация указывает или может указывать на невиновность доверителя либо на смягчающие обстоятельства. Она также подпадает под действие адвокатской тайны и, соответственно, требует защиты. И всё же, как отмечает автор, адвокат не обязан предпринимать активных действий, направленных на получение такой информации; напротив, согласно принципам профессиональной этики, он не должен стремиться к тому, чтобы стать обладателем компрометирующих сведений о доверителе, если это не требуется для эффективного осуществления защиты [10, с. 173].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на широкий охват понятия адвокатской тайны, существуют этично и юридически обоснованные исключения. Если доверитель намеренно даёт ложные показания о своей виновности (например, берёт на себя чужую вину), то адвокат не обязан скрывать данный факт. Более того, в таких обстоятельствах разглашение информации может быть и допустимым, и необходимым.

Разглашение адвокатской тайны может происходить по различным причинам. Адвокат может допустить такую утечку сознательно или по неосторожности. Также возможны хакерские атаки на каналы социальной коммуникации. Например, утечка информации произошла в процессе фотосъемки документов на мобильное устройство. Современные цифровые устройства существенно расширяют каналы передачи информации, но одновременно создают уязвимость для адвокатской тайны.

Наряду с очевидными преимуществами цифровизации судопроизводства, возникают и серьёзные риски: дистанционное прослушивание, несанкционированное считывание данных,

кибератаки, а также элементарные ошибки в обращении с техникой. Например, отправка письма не тому адресату делает конфиденциальные сведения доступными третьим лицам [11, с. 219]. В ходе телефонных переговоров, даже при отсутствии злого умысла, конфиденциальные данные могут быть перехвачены, записаны или иным образом стать достоянием посторонних, что подрывает суть принципа адвокатской тайны и подвергает профессиональную деятельность адвоката значительной неопределённости и уязвимости.

Изученная нами следственная и судебная практика свидетельствует, что адвокаты зачастую некритично относятся к последствиям использования повседневных цифровых инструментов, что может повлечь существенные этические и дисциплинарные риски. В рамках дисциплинарного производства неоднократно фиксировались случаи, когда сами защитники становились жертвами собственной неосторожности. Например, отправка доверителю голосовых сообщений вульгарного содержания впоследствии становилась основанием для привлечения адвоката к ответственности [12].

Подобные инциденты демонстрируют, насколько важно не только соблюдать формальные требования к профессиональной этике, но и осознавать риски цифровой коммуникации. Как указывает М. Нагорная, угрозу адвокатской тайне составляет вмешательство должностных лиц правоохранительных органов [13]. Подобные действия нарушают не только профессиональную неприкосновенность адвоката, но и подрывают доверительность отношений между защитником и клиентом, формируют в обществе недоверие к институту адвокатуры.

Важно чётко разграничивать сферу действия адвокатской тайны и те ситуации, когда обязательство по неразглашению не возникает. Существуют законодательно установленные исключения из общего правила о неразглашении адвокатской тайны. Указанное исключение направлено на предотвращение тяжких преступлений и общественно опасных последствий.

В ряде случаев адвокат может давать свидетельские показания по обстоятельствам, выявленным в ходе своей профессиональной деятельности, но при условии, что как сам адвокат, так и его доверитель заинтересованы в раскрытии этих сведений.

Можем заключить, что современное правовое регулирование адвокатской тайны, несмотря на формальную детализацию, остаётся недостаточно эффективным в практическом плане и не в полной мере реализует задачи, поставленные законодателем. Как справедливо отмечается в доктринальных источниках, данное положение во многом объясняется традиционно узким пониманием адвокатской тайны [14, с. 25].

В условиях всеобщей цифровизации и усложнения правовых коллизий подобный подход уже не отвечает вызовам современности. Необходимо переосмысление адвокатской тайны как целостного правового института, включающего не только этическую обязанность, но и комплексные гарантии неприкосновенности, процедурной защиты и ответственности третьих лиц за её нарушение. По нашему мнению, это позволит обеспечить баланс между профессиональной этикой, интересами доверителя и общественными ценностями правосудия и безопасности.

Нарушения адвокатской тайны нельзя признать исключительным явлением. Например, согласно решению Совета Адвокатской палаты Ленинградской области от 8 сентября 2020 года, адвокат, действуя из личных мотивов обратился в прокуратуру с заявлением о проверке законности расходования средств в товариществе собственников жилья, возглавляемом его доверителем, при этом заявитель допустил разглашение положений заключённого соглашения. Такое поведение было квалифицировано Советом как грубое нарушение этических и профессиональных стандартов, повлёкшее за собой лишение адвоката статуса [15]. Приведенный эпизод демонстрирует, насколько чувствительно адвокатское сообщество относится к соблюдению конфиденциальности, а также показывает важность чёткого и последовательного регулирования данного института.

Несмотря на значительные усилия законодателя и адвокатского сообщества по формированию надёжной правовой базы для защиты профессиональной тайны, действующее нормативное регулирование не в полной мере отвечает вызовам современности, особенно в

условиях активной цифровизации юридической деятельности. Так, отсутствие единой, систематизированной нормативной конструкции приводит к пробелам и неопределённостям в правоприменении, что снижает эффективность защиты конфиденциальной информации как со стороны адвоката, так и со стороны его доверителя.

Таким образом, адвокатская тайна представляет собой не только этическую норму, а и фундаментальный правовой институт, обеспечивающий доверие между доверителем и адвокатом, обеспечивая эффективность всей системы оказания квалифицированной юридической помощи и реализации конституционных прав граждан на защиту и неприкосновенность частной жизни. Закреплённый в российском законодательстве режим адвокатской тайны, несмотря на кажущуюся проработанность, в условиях стремительной цифровизации сталкивается с новыми, системными вызовами. Повсеместное использование цифровых коммуникаций, электронных устройств и облачных сервисов создает объективные риски случайного или умышленного разглашения конфиденциальной информации, а также демонстрирует уязвимость перед несанкционированным доступом третьих лиц, включая органы власти. При этом действующее правовое регулирование, ориентированное преимущественно на моральную обязанность адвоката хранить тайну, недостаточно учитывает технологическую реальность и не содержит комплексных, технико-правовых мер защиты конфиденциальных данных – от требований к шифрованию – до регламентации цифрового документооборота в адвокатской практике.

Несмотря на наличие формальных гарантий, таких как запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля, ограничения на обыск и истребование документов, а также дисциплинарную ответственность за нарушение тайны. – на практике наблюдаются случаи как недобросовестного поведения самих адвокатов, так и прямого давления со стороны правоохранительных структур, что подрывает не только профессиональную автономию, но и саму легитимность института защиты.

Отдельного внимания заслуживают пробелы и противоречия в регулировании исключений из режима тайны. Например, в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма интересы публичной безопасности могут вступать в конфликт с интересами доверителя, требуя более чёткого и взвешенного правового баланса.

Дальнейшее развитие института адвокатской тайны должно основываться на системном подходе, сочетающем нормативное уточнение её правового статуса. Назрела необходимость внедрения современных стандартов информационной безопасности, а также формирования устойчивой правоприменительной практики, исключающей произвольное вмешательство в профессиональную деятельность адвоката.

Проблемы сохранности адвокатской тайны обусловлены широким распространением современных коммуникационных технологий, что делает цифровое пространство уязвимым для различного рода хакерских атак. В этой связи предлагаем включить в содержание Федерального закона № 63-ФЗ самостоятельный раздел, посвящённый правовому режиму адвокатской тайны. Реализация предложения позволит перейти от фрагментарного и устаревшего регулирования к целостной, стабильной и технологически адаптивной правовой конструкции. Предлагаемое нововведение обеспечит надёжную защиту конфиденциальности в цифровую эпоху и укрепит доверие к институту адвокатуры как к элементу правового государства.

Литература:

1. Стоянов А. История адвокатуры. Вып. 1. Древний мир. – Харьков: 1869. – 215 с.

2. Короткова П.Е. Нравственные основы адвокатской тайны // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5(36). – С. 50-56.

3. Володина С.И. Проблемы доверия в профессии адвоката // Адвокатура. Государство. Общество: сбор ник материалов VI ежегодной научно-практической конференции. Федер. палата адвокатов Рос. Федерации. – М.: Информ-право, 2009. – С. 25-29.

4. Стивен Р. Кови. Семь навыков высокоэффективных людей. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – С. 34-38.

5. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента РФ от 06.03.1997 N 188 (ред. от 13.07.2015) // [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13532/ (дата обращения: 15.09.2025).
6. Охотникова Е.В. Правовая природа адвокатской деятельности и соблюдение адвокатской тайны // Академическая публицистика. – 2023. – № 11-2. – С. 500-504.
7. Иванова И.Г. Проблемы правового регулирования адвокатской тайны в свете цифровизации адвокатской деятельности // Молодой ученый. – 2022. – № 49. – С. 363-365.
8. Лихачева А.А. Некоторые проблемы адвокатской деятельности. адвокатская тайна // Молодой ученый. – 2021. - № 49 (391). – С. 224-226.
9. Уваров Д.А. Адвокатская тайна и некоторые проблемы адвокатской деятельности // Молодой ученый. – 2022. – № 20 (415). – С. 395-397.
10. Вельгорецкая В.А. Адвокатская тайна: необходимость существования и сущность // Территория науки. – 2015. – № 5. – С. 170-176.
11. Коган М.И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов // Вестник МГЮА им. О. Е. Кутафина. – 2020. – № 11. – С. 218-223.
12. Обзор дисциплинарной практики за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с исполнением адвокатом профессиональных обязанностей. Федеральная Палата адвокатов РФ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: ttps://fparf.ru/upload/iblock/c82/y8pepjbc3a8l28mt4i9q49mthkqiagda/ObzorDP_ispolnenie-prof. obyazannostey_pervoe-polugodie-2022.pdf (дата обращения: 20.09.2025).
13. Нагорная М. Следователь провел обыск во всех помещениях адвокатской коллегии // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/novosti/sledovatel-provel-obysk-vo-vsekh pomeshcheniyakh-advokatskoy-kollegii/ (дата обращения: 20.09.2025).
14. Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна: теория и практика реализации: автореф. дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура. – М.: 2009. – 56 с.
15. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: официальный сайт. - Москва, 2020. Расплата за серьезный проступок. Новости адвокатских палат // [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/news/law-chambers/rasplata-za-sereznyy-prostupok/. (дата обращения: 25.10.2025).

Рудик Михаил Викторович
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
кандидат юридических наук, доцент;
Хаялиев Руслан Муратович
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
студент
(Симферополь, Россия)

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 319

Аннотация. В статье анализируется содержание принципа состязательности в стадии судебного разбирательства по уголовным делам в Российской Федерации. Рассматриваются его нормативное закрепление, соотношение с принципом равноправия сторон, а также ключевые проблемы реализации в практической деятельности судов. Особое значение принцип состязательности приобретает именно в стадии судебного разбирательства, которая является центральной в системе стадий уголовного процесса. Исследуются такие аспекты, как пассивность сторон, дисбаланс процессуальных возможностей обвинения и защиты, роль суда в состязательном процессе. На основе анализа законодательства, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также доктринальных подходов формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: принцип состязательности, судебное разбирательство, равноправие сторон, активность суда, бремя доказывания.

Abstract. This article analyzes the adversarial principle in criminal proceedings in the Russian Federation. It examines its legal framework, its relationship with the principle of equality of arms, and key issues of its implementation in court practice. The adversarial principle assumes particular significance during the trial stage, which is central to the system of stages of criminal proceedings. Aspects such as the passivity of the parties, the imbalance in the procedural powers of the prosecution and defense, and the role of the court in adversarial proceedings are explored. Based on an analysis of legislation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, and doctrinal approaches, proposals for improving law enforcement practices are formulated.

Keywords: adversarial principle, judicial proceedings, equality of parties, court activity, burden of proof.

Принцип состязательности является одним из фундаментальных начал современного российского уголовного судопроизводства. Его нормативной основой выступает ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [1]. Данное конституционное положение получило свою конкретизацию в отраслевом законодательстве – Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Ст. 15 УПК РФ раскрывает содержание принципа, определяя, что:

- уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон;
- функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо;
- суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав;
- стороны обвинения и защиты равноправны перед судом [2].

Как верно отмечает профессор А.В. Смирнов, «состязательность – это такой способ судопроизводства, при котором обвинение и защита как процессуальные функции осуществляются противоположными сторонами, наделенными равными правами, а суд, оставаясь беспристрастным, выполняет функцию арбитра, разрешающего дело по существу» [10, с. 45]. Таким образом, ядро принципа составляют три элемента: разделение функций, равноправие сторон и процессуальная пассивность (нейтралитет) суда.

Особое значение принцип состязательности приобретает именно в стадии судебного разбирательства, которая является центральной в системе стадий уголовного процесса. Именно здесь в полной мере должны реализовываться закрепленные в законе положения о противостоянии стороны обвинения и стороны защиты перед независимым судом.

Важнейшим условием реализации состязательности является равноправие сторон. Эти два принципа неразрывно связаны, о чем прямо свидетельствует конституционная формулировка. Однако в теории уголовного процесса не утихают споры о их соотношении.

Ряд авторов, в частности, Т.Г. Морщакова, полагают, что равноправие является неотъемлемым компонентом состязательности, ее гарантией [8, с. 110]. Без реального равноправия сторон состязательность вырождается в формальность, где заведомо более сильная сторона (обвинение) подавляет слабую (защиту). В свою очередь, В.М. Бозров указывает, что это самостоятельные, хотя и взаимозависимые принципы, где равноправие создает условия для подлинной состязательности [5, с. 78].

Конституционный Суд РФ, последовательно исходит из их единства. В Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П Конституционный Суд РФ указал, что «из принципа состязательности и равноправия сторон... вытекает такое регулирование порядка уголовного судопроизводства, которое обеспечивало бы равенство прав сторон и распределяло бы бремя доказывания между обвинителем и защитой» [4]. Таким образом, правовые позиции высших судов подчеркивают, что равноправие – это не просто формальное наличие одинаковых прав, а обеспечение реальной, фактической возможности сторон использовать эти права для отстаивания своей позиции.

Несмотря на четкое нормативное закрепление, на практике достижение реального равноправия сторон остается одной из наиболее острых проблем.

Сторона обвинения в лице прокурора, следователя, дознавателя представляет государство и обладает властными полномочиями, а также имеет в своем распоряжении весь аппарат правоохранительных органов, экспертные учреждения, государственное финансирование. Защитник, как правило, лишен таких ресурсов. Хотя УПК РФ предоставляет защите широкий круг прав (заявлять ходатайства, представлять доказательства, участвовать в их исследовании и др.), их фактическая реализация часто наталкивается на препятствия. Например, сложность истребования документов, проведения альтернативных экспертиз, опроса лиц, не желающих общаться с защитой.

Как справедливо отмечает П.А. Лупинская, «равенство сторон не означает тождества их

процессуальных средств, но предполагает наличие у каждой из сторон адекватной возможности парировать доводы и доказательства противоположной стороны» [7, с. 89]. На практике же такая «адекватная возможность» не всегда обеспечивается.

Идеальная модель состязательности предполагает, что стороны активно представляют доказательства, изобличающие или оправдывающие подсудимого. Однако в российской практике нередки случаи, когда сторона защиты, особенно в случаях назначения защитника через систему государственной юридической помощи (по назначению), проявляет пассивность, перекладывая бремя опровержения обвинения на суд. Со стороны государственного обвинителя также может иметь место формальное отношение к своим обязанностям, когда обвинение поддерживается лишь на основе материалов предварительного следствия без активной аргументации в суде.

В такой ситуации суд сталкивается с дилеммой: сохранить нейтралитет и, возможно, вынести необоснованный приговор из-за пассивности защиты, или проявить активность для установления истины, рискуя нарушить принцип состязательности.

Согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ, суд не является органом уголовного преследования и должен создавать условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей. Эта норма порождает дискуссию о пределах активности суда.

Формально-состязательная модель, характерная для англосаксонской системы, предполагает, что суд – это «пассивный рефери», который лишь следит за соблюдением правил «поединка» сторон.

Однако российский уголовный процесс, сохраняя состязательную форму, исторически тяготеет к поиску материальной истины. Это обусловливает более активную роль суда.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» разъяснил, что «суд по собственной инициативе в целях выполнения требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела вправе вызвать лиц, которые могут сообщить какие-либо сведения о подлежащих доказыванию обстоятельствах, а также назначить судебную экспертизу» [3]. Данное разъяснение явно выходит за рамки пассивной роли и возлагает на суд определенную ответственность за установление истины.

Профессор Б.Я. Гаврилов называет такую модель «смешанной» или «рационализированной» состязательностью, в которой суд наделен полномочиями по восполнению пробелов в деятельности сторон, но без перехода на позицию обвинения или защиты [6, с. 132-133]. С одной стороны, это служит гарантией от судебных ошибок, вызванных непрофессионализмом или пассивностью сторон. С другой стороны, существует риск, что чрезмерная активность суда, особенно в направлении доказывания обвинения, может быть воспринята как отход от принципа состязательности и нарушение презумпции невиновности.

Например, если суд, видя слабость обвинения, по собственной инициативе вызывает свидетелей обвинения или назначает экспертизу, направленную на восполнение пробелов обвинительного заключения, он фактически начинает выполнять несвойственную ему обвинительную функцию.

Краеугольным камнем состязательности является правило о распределении бремени доказывания. Ч. 2 ст. 14 УПК РФ устанавливает, что «бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Подсудимый не обязан доказывать свою невиновность и вправе занимать пассивную позицию.

Однако на практике это правило часто нарушается. Как указывает С.А. Шейфер, «нередко в судебных прениях государственный обвинитель, не сумев опровергнуть доводы защиты, апеллирует к суду с вопросом: «А где доказательства невиновности?» – тем самым пытаясь переложить бремя доказывания на защиту» [11, с. 67]. Суды иногда также требуют от защиты предоставить доказательства, подтверждающие ее версию, вместо того чтобы оценить, опровергло ли обвинение доводы защиты в рамках своего бремени доказывания.

Эта проблема усугубляется в случае заявления защитой ходатайств об исключении

доказательств, полученных с нарушением закона. Формально бремя доказывания допустимости доказательства лежит на стороне обвинения (ч. 1 ст. 235 УПК РФ). Но на практике суд зачастую требует от защиты не просто указать на нарушение, но и представить убедительные доказательства его наличия, что ставит защиту в затруднительное положение, поскольку вся информация о производстве следственных действий находится в руках обвинения.

Особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ) и порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) представляют собой серьезное исключение из общего состязательного правила.

В особом порядке суд практически лишен возможности полноценно исследовать доказательства, поскольку дело рассматривается без проведения судебного следствия. Основной задачей суда является проверка добровольности заявления ходатайства и осознания подсудимым последствий, а также подтверждение обвинения фактическими обстоятельствами дела, изложенными в материалах уголовного дела. По сути, состязательность здесь сводится к минимуму, уступая место целесообразности и процессуальной экономии.

Как отмечает А.В. Победкин, «в особом порядке происходит «эрозия» состязательных начал, поскольку суд вынужден основывать приговор не на результатах непосредственного исследования доказательств в суде, а на письменных материалах предварительного следствия, которые по своей природе являются обвинительными» [9, с. 97]. Это создает риск формального подхода и вынесения обвинительного приговора без должной проверки доводов защиты.

Для преодоления указанных проблем необходима комплексная работа по совершенствованию как законодательства, так и правоприменительной практики.

1. Необходимо расширить процессуальные возможности защиты по истребованию доказательств. Например, предусмотреть право защитника на обязательный вызов в суд свидетелей со стороны защиты, а также механизм принудительного исполнения запроса защиты о предоставлении документов от организаций и учреждений.

2. Целесообразно дополнить ст. 15 УПК РФ более детальным описанием случаев, когда суд вправе проявить инициативу в исследовании доказательств. Критерием должно служить не укрепление обвинения, а устранение сомнений в правильности позиций обеих сторон для установления объективной истины. Как разъясняет Верховный Суд РФ, активность суда не должна быть направлена на восполнение пробелов предварительного расследования [3].

3. Важную роль играет повышение качества работы государственных обвинителей и адвокатов. Со стороны прокуратуры необходима тщательная подготовка к поддержанию обвинения в суде, а не простое оглашение материалов дела. Со стороны адвокатуры – отказ от пассивной тактики и активное использование предоставленных законом прав.

4. Следует ужесточить требования суда к проверке обоснованности обвинения в особом порядке. Суд должен не формально констатировать наличие доказательств в деле, а убедиться в их достаточности и согласованности для бесспорного вывода о виновности, даже без проведения судебного следствия.

Таким образом, принцип состязательности, провозглашенный в качестве основы судопроизводства в России, сталкивается в стадии судебного разбирательства с рядом системных проблем. Дисбаланс ресурсов сторон, их пассивность, не всегда четко определенная роль суда и эрозия состязательных начал в особых порядках – все это свидетельствует о разрыве между нормативной моделью и правоприменительной реальностью. Преодоление этого разрыва требует не только точечных изменений в законодательстве, но и кардинального изменения правосознания всех участников процесса: судей, прокуроров и адвокатов. Суд должен стать действительно беспристрастным арбитром, активно создающим условия для состязания, но не подменяющим стороны. Обвинение должно быть готово к профессиональному отстаиванию своей позиции, а защита – к активному и эффективному оспариванию предъявленного обвинения. Только в этом случае принцип состязательности сможет выполнить свою главную функцию – обеспечить справедливое и законное разрешение уголовного дела.

Чтобы кардинально усилить принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) и обеспечить

реальное равноправие сторон, вероятно внести следующие изменения. Они расширят полномочия адвокатов, приблизив их к возможностям органов расследования, без ущерба для процессуальных гарантий.

Дополнить ст. 53 УПК РФ нормой, позволяющей адвокатам запрашивать и получать документы, проводить опросы свидетелей (с их согласия) и экспертизы за свой счет. Это устранит зависимость от следствия и позволит формировать альтернативную доказательственную базу.

Ввести институт адвокатского расследования: создать главу в УПК РФ (аналогично ст. 144–145 УПК РФ для следователей), где адвокаты смогут инициировать проверку по своим материалам в органах дознания или следствия в установленные сроки (например, 30 дней), с обязательным уведомлением стороны обвинения.

Расширить доступ к материалам дела на досудебной стадии: изменить ст. 217 УПК РФ, разрешив адвокатам полное ознакомление с делом не позднее 10 дней после возбуждения, включая оперативно-розыскные материалы (с вычетом гостайны). Добавить право на копирование и анализ.

Усилить ответственность за процессуальные нарушения: внести в ст. 75 УПК РФ ответственность (штрафы или отстранение) для следователей за необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств адвокатов, подтвержденный прокурором или судом.

Обновить Закон об адвокатской деятельности: добавить ст. 6-7 положения о финансировании адвокатских расследований из госбюджета для малоимущих подзащитных и о создании адвокатских бюро с процессуальным статусом.

Эти меры обеспечат симметрию процессуальных возможностей и повысят качество правосудия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., включающая новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 2.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 1.

5. Бозров В.М. Современные проблемы российского уголовного процесса: понятие и система принципов / В.М. Бозров. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2021. – 280 с.

6. Гаврилов Б.Я. Активность суда в состязательном уголовном процессе: проблемы и решения / Б.Я. Гаврилов // Российский судья. – 2023. – № 5. – С. 132-138.

7. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория и практика / П.А. Лупинская. – М.: Норма, 2024. – 256 с.

8. Морщакова Т.Г. Равноправие сторон в уголовном процессе: конституционный принцип и его реализация / Т.Г. Морщакова // Журнал российского права. – 2025. – № 8. – С. 110-120.

9. Победкин А.В. Некоторые проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве России / А.В. Победкин // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 3. – С. 95-101.

10. Смирнов А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. – СПб.: Альфа-Пресс, 2020. – 320 с.

11. Шейфер С.А. Доказывание и опровержение в состязательном уголовном процессе / С.А. Шейфер. – М.: Статут, 2022. – 208 с.

Санджиева Саглара Александровна
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»,
ассистент кафедры уголовного права и процесса,
судья Юстинского районного суда Республики Калмыкия
(Элиста, Россия)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

УДК 343.1

Аннотация. В статье проведен анализ применения действующего законодательства, регламентирующего вопросы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, через призму обеспечения судом прав обвиняемого, подсудимого и потерпевшего. Автором выявлены проблемные вопросы применения различных оснований освобождения от уголовной ответственности в зависимости от процессуального статуса участника уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, обвиняемый, подсудимый, потерпевший, возмещение вреда, нереабилитирующие основания.

Abstract. This article analyzes the application of criminal and criminal procedure law regulating the termination of criminal cases on non-rehabilitating grounds, through the lens of the court's safeguarding of the rights of the accused, defendant, and victim. The author identifies problematic issues in the application of various grounds for exemption from criminal liability depending on the procedural status of the participant in criminal proceedings.

Key words: termination of a criminal case, accused, defendant, victim, compensation for harm, non-rehabilitating grounds.

В российском государстве человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью [1, с. 1] Основополагающий конституционный принцип реализован и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, где регламентирована охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Прежде всего, это направлено на строгое соблюдение процессуальных прав на стадии предварительного расследования, когда имеется возможность их восстановления в судебном порядке. При поступлении уголовного дела для рассмотрения по существу суд наделен большими возможностями охраны прав и свобод участников процесса, ввиду реализации принципа равноправия и состязательности сторон.

В качестве завершающего производство по уголовному делу процессуального акта стоит отметить постановление суда о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и освобождении от уголовной ответственности. Вынесение данного судебного акта возможно как в стадии предварительного слушания, так и по итогам судебного разбирательства. Кроме того, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство введено новое основание освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [2, с. 256], рассмотрение которого допускается законом по ходатайству следователя, в порядке ст.108 УПК РФ.

По всем основаниям прекращения уголовных дел, где имеется лицо, которому причинен ущерб в результате преступления, обязательным критерием является возмещение вреда в какой-либо форме, определенной самим потерпевшим. Безусловно, это обусловлено необходимостью компенсировать в результате противоправного деяния причиненный ущерб, а в некоторых случаях физические и нравственные страдания. На первый взгляд, процессуальная позиция потерпевшего достаточно активна в данном случае, поскольку при его несогласии с видом и размером выплаченной компенсации прекращение уголовного дела не предполагается в связи с предусмотренным законом в качестве обязательного условия возмещение ущерба для применения института прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

К примеру, в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием и при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа возмещение ущерба потерпевшему положено в основу применения института освобождения от уголовной ответственности. Соответственно, при недостаточном объеме возмещенного вреда потерпевший вправе выразить мнение о невозможности прекращения

уголовного дела, что лишает подсудимого права на благоприятный исход уголовно-правового конфликта. С одной стороны, потерпевшая сторона является наиболее ущемленной в данной ситуации, но с другой стороны подсудимый, имеющий намерение примириться, ограничен в возможности заявления соответствующего ходатайства, а потому и возможности достичь примирения с потерпевшим. В этой связи полагаем, что законодательно возможно предоставить лицу, преступившему закон, право ходатайствовать о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, предусмотрев эту возможность именно в стадии судебного разбирательства, когда суд может удостовериться в факте состоявшегося примирения, соблюдении всех необходимых условий и обеспечении процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. Прежде всего, это обусловлено тем, что в ходе предварительного расследования обвиняемый и потерпевший зачастую не контактируют, при этом последний не всегда в полном объеме осведомлен о своих правах по возмещению причиненного преступлением ущерба, соответственно, соблюдение процессуальных прав не может быть полноценно гарантировано, как в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, что будет способствовать реализации конституционного права человека на судебную защиту.

Вопрос обеспечения прав потерпевшего при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям также является дискуссионным, поскольку законодатель не обязывает суд выяснять вид и размер компенсации причиненного преступлением ущерба, для разрешения ходатайства потерпевшему необходимо лишь выразить свою позицию. Как показывает практика, в некоторых случаях потерпевшим достаточно принесенных извинений, выраженного раскаяния в содеянном, в других случаях строго определяется размер компенсации в денежном эквиваленте, при этом суды не всегда выясняют достаточность суммы денежных средств, убедившись лишь в формальном соблюдении условий для прекращения уголовного дела. На наш взгляд, это не вполне соответствует принципу обеспечения процессуальных прав лиц, пострадавших в результате совершенного в отношении них противоправного деяния, ввиду их недостаточной осведомленности по размеру возмещения вреда в рамках уголовного дела, после прекращения которого они утрачивают право на обращение с исковыми требованиями в порядке гражданского судопроизводства в случае несогласия с полученной суммой компенсации. В этой связи разделяем мнение Мишина В.В., который указывает на необходимость учета мнения потерпевшего для определения судом достаточности произведенного обвиняемым возмещения вреда [3, с. 55].

Законность, обоснованность и мотивированность в качестве требований уголовно-процессуального закона положены в основу любого судебного акта. Соответственно, именно на стадии судебного разбирательства должным образом обеспечиваются процессуальные права сторон, когда суд имеет возможность проверить и убедиться в достаточности суммы возмещении ущерба либо надлежащем способе заглаживания вреда, что не во всех случаях обеспечивается следственными органами. По данному вопросу выражаем согласие с мнением А.В. Ендольцевой, определившей, что в материалах уголовного дела необходимо иметь доказательства того, что вред, причиненный преступлением, возмещен или заглажен в иных формах, а эти обстоятельства должны быть в полной мере отражены в самом постановлении [4, с. 15]. Прежде всего, это обусловлено наличием различных способов возмещения вреда, когда потерпевший определяет объем и вид возможной компенсации. По итогам изучения судебной практики выявлены случаи, когда подсудимого и потерпевшего связывали родственные или дружеские отношения, в связи с чем потерпевший заявлял об отсутствии претензий к виновному лицу, не оглашая условия примирения или заглаживания вреда. В большинстве случаев потерпевшие указывают на получение денежных средств, иногда не раскрывая сущность способа заглаживания вреда или размера переданной им суммы, что является их правом, подтверждающим отсутствие претензий к подсудимому. Между тем, по нашему мнению, суд должен удостовериться в соблюдении прав участников процесса, как виновного лица, заявившего о наличии намерения примириться, при отсутствии возможности договориться с потерпевшим в ходе предварительного расследования, а также для обеспечения прав лица, пострадавшего от преступного посягательства, которому будут полноценно

разъяснены условия для заглаживания ущерба в целях экономии процессуального времени в случае обращения с исковыми требованиями в порядке гражданского судопроизводства.

Неоспоримым является тот факт, что вопрос использования института прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям является правом, а не обязанностью правоприменителя, как это предполагается в ст.25 и 28 УПК РФ. При этом обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в стадии досудебного производства не во всех случаях является основным фактором вследствие формального соблюдения условий для прекращения уголовного дела. Между тем, положения ст. 254 УПК РФ устанавливают необходимость прекращения уголовного дела судом при наличии оснований, изложенных в ст.25 и 28 УПК РФ. В научном сообществе неоднократно обсуждалась возможность изменения редакции указанных статей, определяя не право, а обязанность должностных лиц или суда прекратить уголовное дело при наличии всех условий для освобождения от уголовной ответственности. В этой связи целесообразной считаем позицию С.В. Петриковой, которая в ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ предлагает изменить формулировку «вправе прекратить» на «прекращают», а в ст. 75 и 76 УК РФ выражение «может быть освобождено» на «освобождается» [5, с. 15].

При подобной формулировке, по нашему мнению, будет больше возможностей для обеспечения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, которым в настоящее время могут отказать в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела со ссылкой на право, а не обязанность правоприменителя освободить от уголовной ответственности ввиду субъективного мнения. При этом полагаем, что такая конструкция норм действующего законодательства предполагает возможность прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию лишь судом, когда будут обеспечены права обеих сторон, с выяснением позиции потерпевшего, надлежащим образом обосновавшего принятие им решения о возможности прекращения уголовного дела.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.
2. Собрание законодательства РФ. 2016. № 27. С. 4256.
3. Мишин В.В. Дискуссионные вопросы применения судебного штрафа. Российский судья. 2021. № 7. С. 55-59.
4. Ендольцева А.В. Обеспечение прав человека при прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования. Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 15.
5. Петрикова С.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых при прекращении уголовного дела и преследования. 2006. № 1. С. 59.

Семыкин Николай Владимирович
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
заведующий кафедрой судебных и правоохранительных органов,
кандидат юридических наук, доцент;
Панько Нина Анатольевна
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
старший преподаватель кафедры судебных и правоохранительных органов
(Донецк, Россия)

«ЯВНОЕ НЕУВАЖЕНИЕ К ОБЩЕСТВУ» КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

УДК 343.98

Аннотация. Рассматривается понятие «явное неуважение к обществу» как объект судебной лингвистической экспертизы по делам экстремистской направленности. Авторы анализируют проблемы формулировки вопросов эксперту, предлагают уточнённые редакции, соответствующие компетенции лингвиста, и обосновывают необходимость отнесения ч. 2 ст. 213 УК РФ к экстремистским преступлениям.

Ключевые слова: явное неуважение к обществу, судебная лингвистическая экспертиза, экстремизм, язык вражды, экспертная компетенция, социальная группа.

Abstract. The concept of «manifest disrespect for society» is examined as an object of forensic linguistic examination in extremist cases. The authors analyze the problems of formulating questions for the expert, propose revised

versions consistent with the linguist's competence, and substantiate the need to classify Part 2 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation as an extremist crime.

Keywords: blatant disrespect for society, forensic linguistic examination, extremism, hate speech, expert competence, social group.

«Явное неуважение к обществу» зафиксировано в ст. 213 УК РФ [1]. Акцентируем, что квалифицирующим признаком в ней названы мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Полагаем очевидным, что в такой трактовке данное преступление приобретает экстремистский характер. Так, по мнению отечественных авторов, экстремизм трактуют как выделение социальной группы по признаку национальному, политическому, религиозному, места проживания, профессии и т.п., с последующим преследованием выделенной социальной группы.

В современном мире экстремистские преступления приобретают угрожающее распространение. Спектр преступлений, относящихся к экстремистским, достаточно широк: ст. ст. 205.2, 280, 280.1, 282, 354.1 УК РФ. И во всех указанных статьях присутствует, в той или иной форме, явное неуважение к обществу.

Стоит отметить, что толкование данных статей УК РФ представляется недостаточно разработанным. По нашему мнению, составы преступления, предполагающие наличие экстремистских речевых актов, в обязательном порядке выражают явное неуважение к обществу. Соответственно, упомянутая ст. 213 УК РФ, в своей ч. 2 должна быть отнесена к экстремистским преступлениям.

В правоприменительной практике признано, что установление факта экстремистского преступления зависит от результатов лингвистической экспертизы. Актуальность лингвистического исследования предопределяется значительным количеством судебных экспертиз, назначаемых правоохранительными органами и судами по делам экстремистской направленности.

Целью настоящей работы определяем выработку способов и уточнение требований по организации и проведению судебной лингвистической экспертизы материалов, отображающих явное неуважение к обществу, проявляющееся со стороны адресанта высказывания.

Принципами назначения судебных экспертиз установлено, что вопросы, поставленные перед экспертом-лингвистом, не могут предполагать правовых оценок объектов, требовать оценки действий участников речевого акта, устанавливать квалификацию деяния. Однако, по нашим наблюдениям, распространенной ошибкой в следственной практике становится постановка вопросов, выходящих за пределы профессиональной компетенции эксперта указанной специальности. Распространённым ошибочным вопросом эксперту можем назвать следующие формулировки: «Содержит ли представленный на экспертизу текст призывы к экстремистским действиям?»; «Содержит ли текст явное неуважение к обществу?».

Мы поддерживаем формулировки вопроса, поставленного эксперту-лингвисту, строго в пределах его компетенции: «Имеются ли в представленных текстах высказывания, которые выражают явное неуважение к обществу, или к определенной общественной группе?» [2, с. 59-60]. Допустимы некоторые вопросы, поставленные на разрешение лингвистической экспертизы, в которые включены юридические понятия. В таком ключе предлагаем уточненную формулировку вопроса эксперту: «Имеются ли в представленных текстах высказывания, которые выражают пропаганду неуважительного отношения к обществу, либо к гражданам какой-либо национальности или социальной группы по сравнению с другой национальностью или группой?» В то же время недопустимо формулировать вопросы о наличии в тексте «признаков возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды», «признаков унижения национального достоинства человека либо группы лиц» и другие подобные [3, с. 91].

По делам об экстремизме анализ субъективного аспекта текста для судебно-следственных органов, инициирующих назначение судебной лингвистической экспертизы, позволяет устанавливать состав правонарушения. При этом, анализ личного восприятия автора

высказываний может лечь в основу установления коммуникативной цели адресанта высказываний и помочь следствию (суду) выявить его установку на явное пренебрежение к обществу.

Полагаем, что высказывание неуважения к обществу реализуется т. н. «языком вражды». Само понятие вражды составляет центральную тему высказываний экстремистской направленности. Вопрос позиции автора при этом проявляется в текстах как неуважительное (пренебрежительное) отношение адресанта к обществу или к группам людей, объединённым по признакам социальной, расовой, национальной, религиозной принадлежности или другой выделяемой группе. Такая постановка задачи эксперту соответствует трактовке экстремизма как явного неуважения к обществу, что проявляется в исследуемых текстах языковыми выражениями враждебной позиции в отношении общества или группы лиц.

Исходя из содержания представленного материала, эксперт-лингвист может устанавливать такие признаки позиции адресанта высказывания, как перекладывание негативных характеристик и пороков отдельных представителей на все общество или общественную группу, а также утверждения о генетической враждебности определённой нации, расы или религии по отношению к другой [4, с. 80].

Нами обобщён опыт применения судебных лингвистических экспертиз, произведенных в рамках расследования проявлений экстремизма, на материалах экспертной практики ДНР. В результате установлено, что трудности, возникающие при использовании выводов экспертов-лингвистов, заключаются в толковании лингвистических терминов органами, назначившими производство экспертизы. В этой связи отмечаем важность допроса эксперта для получения необходимых разъяснений и дополнений к проведенной им экспертизе.

Одним из распространенных вопросов, который задается эксперту в рамках расследования деяния экстремистской направленности, мы выделяем следующий: «Содержится ли в представленных на исследование материалах враждебное отношение (обоснование враждебного отношения) к обществу либо к определенной группе лиц, объединённых по признакам расы, национальности, языка, происхождения, а также по принадлежности к той или иной группе?». По нашим наблюдениям, если в заключении эксперта указано наличие враждебного отношения к обществу либо к группе лиц, то квалификация преступления может опираться на полученный экспертом категорический вывод.

Проанализировав материалы уголовных дел, касающиеся распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны, мы устанавливаем нецелесообразность назначения судебной лингвистической экспертизы по делам данной категории. Действительно, лингвистические методы не позволяют достоверно определить ложность или истинность высказываний по данной тематике. Очевидно, что здесь нужны специальные знания из отечественной и мировой истории.

Также нами установлено, что на текущем этапе лингвистические экспертизы не позволяют решить вопрос о распространении сведений, выражающих явное неуважение к обществу, касающихся дней воинской славы и памятных дат России, связанных с защитой родины. Неспособность указанной экспертизы решить данный вопрос обусловлена тем, что в настоящий момент значение формулировки «явное неуважение» ещё не определено в нормативных документах.

По результатам проведенных исследований формулируем следующие выводы.

1. Предложено отнести к экстремистским преступления, квалифицируемые по ч. 2 ст. 213, и при наличии явного пренебрежения к обществу либо к отдельной социальной группе.

2. Представлены уточненные формулировки вопросов на разрешение судебной лингвистической экспертизы по делам экстремистского характера, содержащие задание эксперту на установление признаков явного неуважения к обществу.

3. Показана проблемность установления явного неуважения к обществу в случаях посягательства на памятники и символы Великой Отечественной войны.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.

2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юридический Мир, 2006. – 112 с.

3. Бельчиков, Ю.А. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ : сборник материалов / Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, И.В. Жарков : Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ; Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – 208 с.

4. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза : монография / В.О. Кузнецов : Министерство юстиции Российской Федерации, Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. – М. : РФЦСЭ, 2021. – 350 с.

Сосновикова Анна Михайловна
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
лаборатория цифровых технологий в криминалистике,
кафедра истории государства и права,
младший научный сотрудник, ассистент
(Екатеринбург, Россия)

ГЕНЕРАТИВНЫЕ ИСКУССТВЕННЫЕ НЕЙРОСЕТИ КАК УГРОЗА НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ

УДК 001.89

Аннотация. В работе рассматривается проблема широкого использования систем генеративного искусственного интеллекта в научной деятельности. Описывается, каким качествами должен обладать учёный и что входит в сферу его профессиональной деятельности. На основании этого делается вывод о несовместимости научного познания с работой генеративных нейросетей. Выделяются «сопутствующие» задачи, для решения которых такие системы могут привлекаться.

Ключевые слова: личность учёного, научная идентичность, искусственный интеллект, научная этика, генеративный искусственный интеллект, кризис науки.

Abstract. The paper considers the problem of widespread use of generative artificial intelligence systems in scientific activities. It describes what qualities a scientist should possess and what is included in the scope of his professional activity. Based on this, it is concluded that scientific knowledge is incompatible with the work of generative neural networks. The "related" tasks are highlighted, for which such systems can be used.

Keywords: personality of a scientist, scientific identity, artificial intelligence, scientific ethics, GenAI, crisis of science.

Современное общество уже сложно помыслить без разнообразных систем искусственного интеллекта, которые внедряются во все сферы жизни. Одной из наиболее развитых технологий являются генеративные искусственные нейронные сети, которым по состоянию на середину 2025 г. до достижения «плато продуктивности», когда достигнуто реальное восприятие всех возможностей и ограничений технологии, существует действенная система её регулирования и безопасного использования, по мнению исследовательского центра Gartner, осталось менее 2-х лет [1]. Безусловно, технологии искусственного интеллекта, в том числе генеративного, способны принести много пользы в правильных руках: помочь в анализе больших данных, выявить скрытые закономерности, предложить разносторонние решения и пр., они позволяют повысить скорость выполнения различных задач, тем самым увеличив эффективность человеческого труда. Особенно это важно в среде учёных, которым приходится тратить значительные временные ресурсы и силы на выполнение «сопутствующей» работы, не связанной напрямую с научной деятельностью (составлять заявки, писать отчёты, оформлять научную работу согласно требованиям издания и пр.). Это отвлекает от действительного научного познания.

Вместе с тем, грань между «сопутствующими задачами» и основной научной деятельностью очень тонка, в связи с чем сегодня всё чаще можно услышать мнения о неоднозначной пользе искусственного интеллекта [2; 3].

Прежде чем перейти к анализу конкретных ситуаций, остановимся на общих вводных

моментах. В первую очередь, подчеркнём, что в контексте дальнейшего исследования очень важно определиться с тем, какой человек является учёным. Словарные определения отсылают к наличию глубоких специальных знаний [4, с. 812], однако сегодня при таком восприятии очень сложно отграничить учёного от профессионала, специалиста и пр. Если обратиться, к профессиональным стандартам, то научный сотрудник (как среднее звено в системе научных работников) должен, в частности, проводить научные исследования, сложные эксперименты и наблюдения; собирать, обрабатывать, анализировать и обобщать научную и иную необходимую информацию; составлять отчёты; знать всю необходимую по теме проводимых исследований информацию и т.д. [5]. В конце прошлого века отечественные исследователи отмечали, что учёный обладает следующими свойствами: могучая фантазия, выдумка, обширность знаний, уклонение от шаблона, оригинальность, инициативность, высокая самоорганизация, удовлетворение не столько в достижении цели творчества, сколько в самом его процессе и пр. [6, с. 141].

Соглашаясь с последним тезисом, резюмируем, что под учёным мы считаем необходимым понимать человека, который достиг значительного уровня экспертности в своей сфере деятельности, обладает широким кругозором, постоянно учится и изучает новое, способен к активному поиску, обладает высокой степенью самоорганизации и самодисциплины, наделён повышенным чувством социальной ответственности и нравственным уровнем, а также способен к глубокой аналитической, творческой, «прорывной» деятельности за счёт эксплуатации собственного когнитивного ресурса. Таким образом, учёный обязан уметь самостоятельно генерировать оригинальные идеи (научные гипотезы); разрабатывать план их проверки; находить и изучать источники, необходимые для такой проверки; анализировать большие объёмы информации; формулировать на основе полученных теоретических, экспериментальных и иных эмпирических данных обоснованные выводы; отстаивать полученные выводы в ходе дискуссий с иными учёными; трансформировать, модернизировать, развивать, совершенствовать полученные выводы, при необходимости.

Вторым аспектом, на котором следует остановиться, является специфика работы систем генеративного искусственного интеллекта. Основной принцип их функционирования заключается в том, что большие языковые модели (на основе которых построены генеративные системы) анализируют различные тексты, загружаемые в них, благодаря чему учатся воспроизводить аналогичные конструкты. Сегодня для таких систем открыт весь доступный Интернет, поэтому они способны перерабатывать множественные источники различного качества, среди которых значительную часть составляют научные публикации, открыто распространяемые в сети. С одной стороны, это выглядит весьма удобным и безопасным: человек с помощью генеративных нейронных сетей способен в кратчайшие сроки (самое большее – несколько минут) получить аналитику или реферат по теме. Аналогичная работа «в ручном режиме» заняла бы часы, а то и дни упорного труда. С другой же стороны, рассмотренный принцип скрывает в себе существенные недостатки:

1) очень часто возникают «галлюцинации» и «артефакты» – появляются несуществующие источники, перемешиваются авторы, перемешиваются части имён авторов и пр.;

2) за обобщённой картиной становятся неразличимыми конкретные исследования (многие системы генеративного ИИ предлагают пользователю ограниченный набор источников, постоянно их перемешивая и не «копая вглубь» научной проблематики);

3) не генерируются новые идеи (этот тезис часто подвергается критике, однако в большинстве случаев он валиден: системы генеративного ИИ предлагают лишь компиляцию на основе своего датасета).

Основной тезис, который представляется значимым для дальнейшего рассмотрения вопроса заключается в том, что системы генеративного искусственного интеллекта не способны создать что-то качественно новое: все их «идеи» – компиляция ранее полученных результатов[3],

[3] Безусловно, системы искусственного интеллекта способны обработать большие объёмы данных и на основе компиляции вывести результаты, которые были сокрыты от человеческого восприятия, однако в сфере

а форма представления материала – максимально абстрактные, обобщённые и усреднённые концепции.

Учитывая отмеченное выше, рассмотрим некоторые примеры конкретных форм деятельности учёного, где сегодня наиболее активно применяются системы генеративного искусственного интеллекта.

1. Генерирование идей. Данное направление может быть связано как с подбором тем выступления на конференцию, так и с формулированием центральной научной гипотезы для диссертационного исследования или монографии. Может показаться, что в этом нет существенной проблемы, однако неспособность учёного самостоятельно придумать направление приложения собственного потенциала указывает на его изолированность от научного сообщества и актуальной проблематики в собственной области.

2. Подготовка текстов статей, учебников, монографий, диссертаций и пр. Доверие системам генеративного искусственного интеллекта в данном аспекте приводит не только к размыванию внешнего проявления личности учёного (текст становится обезличенным, теряет авторский стиль), но и к «замусориванию» науки (идеи и предложения носят слишком общий и абстрактный характер, могут без потерь быть переложенными на иную сферу, а подчас и вовсе оказываются ложными, основываются на сфальсифицированных научных исследованиях).

3. Поиск примеров и статистики. Эта область сегодня также связана с высокими рисками получения недостоверных данных. Отметим, впрочем, что некоторые системы, например, Notebook LM неспособны генерировать подложные данные, так как работают в пределах источников, заданных пользователем. Но чтобы эти источники найти, требуется произвести предварительную самостоятельную глубокую проработку вопроса; опасной же будет ситуация, когда ответственность за выполнение описанной задачи полностью перекладывается на искусственную интеллектуальную систему – это исключает из сферы деятельности учёного критически важные поисковые функции.

Для того, чтобы быть учёным, недостаточно иметь учёную степень или замещать должность научного работника, члена профессорско-преподавательского состава, нужно самостоятельно искать информацию, её исследовать, перерабатывать и т. д. Именно в процессе этой сложной деятельности формируется и развивается личность учёного. Задавшись целью написать научную статью и начав сбор актуальных наработок по теме, учёный может обнаружить что-то новое по смежным направлениям, открыть свою собственную «кроличью нору», что породит озарение или просто приведёт к обогащению кругозора. Переложение таких «сопутствующих» функций на искусственные нейронные сети повысит результативность человека, позволит ему не выбиваться из сроков и выполнять все требуемые показатели эффективности, однако разгрузит его когнитивную сферу и будет постепенно приводить к деградации.

При этом учёный, не использующий системы искусственного интеллекта, в современных условиях быстро отстанет от более прогрессивных коллег. В этой связи представляется важным найти баланс и определить, какие функции возможно безопасно переложить на системы искусственного интеллекта. На наш взгляд, ими могут выступить:

- оформление списка литературы и References под требования конкретного издания (когда сами источники подобраны учёным самостоятельно);
- заполнение отчётов;
- написание типовых формальных документов, не связанных с научным познанием;
- обработка лично собранных эмпирических данных и расчёт статистики (без интерпретации);
- подготовка презентаций для выступлений;
- корректура и редактура самостоятельно написанного текста.

Однако, сегодня не со всеми из указанных задач системы искусственного интеллекта справляются успешно. Так, например, до сих пор обработка источников сопровождается

юридических, в том числе криминалистических, научных исследований такая перспектива видится пренебрежительно низкой.

большим количеством неточностей (нарушается стиль, появляются лишние знаки, не соблюдается требуемый порядок элементов библиографической записи и пр.). Поэтому только тогда, когда по указанным направлениям генеративные искусственные нейронные сети достигнут высоких показателей точности, когда мы сможем быть уверенными, что загруженные данные не будут в процессе обработки искажены, к выполнению этих задач можно будет привлекать системы искусственного интеллекта. Все остальные же функции (формулирование идей и выдвижение гипотез, планирование научного исследования, подбор методов, поиск литературы, сбор эмпирического материала, написание текста, подготовка речей на выступления, написание заявок на конкурсы и пр.) должны полностью осуществляться учёным, поскольку именно в процессе их реализации человек приобретает и сохраняет данный статус.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, https://rscf.ru/project/23-78-10011/

Литература:

1. Chandrasekaran A. The 2025 Hype Cycle for GenAI Highlights Critical Innovations // Gartner. 2025, July 29. URL: https://www.gartner.com/en/articles/hype-cycle-for-genai (Accessed: 29.03.2026).
2. Начало конца или новой эпохи? Эффекты генеративного искусственного интеллекта в высшем образовании / под ред. Я.И. Кузьминова. – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 64 с.
3. Филимонова И.В. Исследование преимуществ и недостатков обучения на основе генеративного искусственного интеллекта // Человеческий капитал. – 2023. – № 12 (180). – Ч. 2. – С. 170-177.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 120000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А-ТЕМП», 2016. – 896 с.
5. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих, утв. Постановлением Минтруда России от 21.08.1998 № 37 (ред. от 27.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://clc.li/ZxseT (дата обращения: 29.03.2026).
6. Одинцов Е.Е. О профессионально важных качествах, необходимых ученому // Транспортное дело России. – 2015. – № 1. – С. 140-141.

Стародубова Галина Викторовна
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
заведующий кафедрой уголовного процесса имени проф. Л.Д. Кокорева,
кандидат юридических наук, доцент
(Воронеж, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

УДК 343.1

Аннотация. Анализируется актуальные направления использования современных цифровых технологий в уголовном процессе Российской Федерации: возможность производства отдельных следственных действий посредством видео-конференц-связи, аудиопротоколирование судебных заседаний, возможность подачи процессуальных документов по уголовным делам посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

Ключевые слова: следственные действия, проводимые по видеоконференцсвязи, протокол, аудиопротокол, процессуальные документы.

Abstract. This paper analyzes the current trends in the use of modern digital technologies in the criminal process of the Russian Federation: the possibility of conducting certain investigative actions via video conferencing, audio recording of court hearings, and the ability to submit procedural documents related to criminal cases through the federal state information system «Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)».

Keywords: investigative actions conducted via video conferencing, protocol, audio record, procedural documents.

Своевременное внедрение современных цифровых технологий и разработка соответствующей нормативной базы является объективной необходимостью, обусловленной реалиями времени. Отечественное уголовно-процессуальное законодательство закрепляет ряд процессуальных механизмов, направленных на обеспечение объективности уголовного судопроизводства и одновременное решение стоящих перед ним задач. В их числе применение систем видеоконференцсвязи при проведении отдельных следственных действий, ведение аудиозаписей судебных заседаний, реализация механизма электронного документооборота.

ФЗ от 30.12.2021 года [1] УПК РФ дополнен ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференцсвязи». Внесение такого рода изменений вызвано очевидной_необходимостью в виду того, что все чаще совершаются преступления трансграничного характера. За границей РФ или на большом удалении от места производства предварительного расследования находятся свидетели, обладающие важной информацией, обеспечить явку которых по месту производства предварительного расследования порой весьма проблематично, если вообще возможно. Закон содержит способ решить проблему их допроса через поручение органам дознания о производстве следственного действия либо через механизмы международного сотрудничества. Однако очную ставку уже таким образом не провести.

Использование видеоконференцсвязи при проведении допросов, очных ставок и опознаний, предусмотренное ст. 189.1 УПК РФ, вызывает ряд вопросов в плане гарантий соблюдения прав участников как соответствующего следственного действия, так и судопроизводства в целом, а также в плане обеспечения законности в уголовном процессе.

Во-первых, предусмотренный порядок ознакомления допрашиваемого лица с протоколом следственного действия и способ его удостоверения, прежде всего, подписью данного участника сложно назвать процессуальной гарантией достоверности содержания протокола. Протокол любого следственного действия, возможного с применением видеоконференцсвязи, составляется следователем либо дознавателем, в производстве которого находится уголовное дело. Ознакомление допрашиваемого лица с его текстом [2, с. 14] предполагается единственным способом – путем оглашения протокола. Об этом указывается в подписке, которая направляется следователю или дознавателю для приобщения к изготовленному им протоколу (ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ). Очевидно, что допрашиваемое лицо не видит данный процессуальный документ, соответственно самостоятельно прочесть его возможности не имеет. Известно, что человеком информация «на слух» воспринимается по-разному. При этом необходимо учесть, что ситуация для допрашиваемого участника необычная и, как правило, некомфортная, даже если речь идет о свидетеле. Подпись данного лица в подписке, конечно, удостоверяет факт оглашения протокола. Однако можно ли ее считать достаточной гарантией корректности и достоверности отражения содержания показаний? В связи с этим корректность отражения показаний в протоколе должна гарантироваться качественной видеозаписью.

Во-вторых, закон закрепляет, что к подписке следователем по месту нахождении участника следственного действия могут быть приобщены в ходе этого следственного действия документы и материалы, а также ордер адвоката, если он также принимал в нем участие для оказания правовой помощи допрашиваемому, опознающему и т.д. (ч. 6 ст. 189.1 УПК РФ). Получается многоступенчатая конструкция: указанные документы приобщаются к подписке, а подписка приобщается к протоколу. Т.е. непосредственно к протоколу документы, материалы и ордер не приобщаются – только через подписку. Корректнее было бы, если бы ч. 6 ст. 189.1 УПК РФ закрепляла необходимость приобщения к протоколу не просто подписки, а подписанного допрашиваемым текста показаний, а также материалов, документов и ордера адвоката.

В-третьих, выше упомянуто о значении видеозаписи следственного действия, применение которой, согласно ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ, обязательно. Однако возникает вопрос о том, какими будут правовые последствия ее отсутствия? По смыслу ст. 7, 75 УПК РФ такой протокол следственного действия должен признаваться недопустимым доказательством в виду несоблюдения требования закона. Однако в правоприменительной практике есть примеры, когда суд признавал допустимым доказательством протокол проведенного в порядке ст. 189.1 УПК РФ допроса свидетеля при том, что видеозапись не приложена к данному протоколу и даже объяснения причины ее отсутствия материалы уголовного дела не содержали [3].

Есть пример, когда в подобном случае протокол допроса свидетеля в приговоре суда признан недопустимым и исключен из перечня доказательств, в связи с отсутствием видеозаписи следственного действия и отсутствием ордера адвоката, который участвовал в

допросе. Но в приговоре при «обсуждении» этой ситуации есть оговорка, что «ходатайство о допросе участвовавшего адвоката и оперативного сотрудника, проводившего допрос, по указанному вопросу стороной обвинения не заявлялось» [4]. Таким образом, вполне вероятно, что при допросе этих участников следственного действия в судебном заседании претензии к допустимости протокола допроса были бы сняты. Однако, ввиду значения видеозаписи следственного действия как гарантии его законности, достоверности полученных результатов, ее отсутствие при проведении следственного действия с использованием систем видеоконференцсвязи должно влечь за собой признание протокола такого следственного действия недопустимым доказательством.

Еще одним вариантом использования информационно-технических средств в уголовном судопроизводстве является аудиопротоколирование открытых судебных заседаний судов первой и апелляционной инстанций, что предусмотрено ст. 259 УПК РФ.

Как и в случае с видеозаписью следственного действия, проводимого при помощи системы видеоконференцсвязи, в практике не сложилось единого подхода к правовой оценке ситуации, когда отсутствует аудиопротокол судебного заседания.

В уголовном деле может быть, к примеру, составленный секретарем акт или справка о том, что по техническим причинам аудиозапись определенного судебного заседания не сохранилась. И это не влечет за собой безусловного и непременного признания ни протокола, ни сведений, изложенных в протоколе и не сопровождаемых аудиозаписью, недопустимым доказательством. Нет однозначной позиции в практике судов проверочных инстанций об отмене приговоров в таком случае. Да и закон – ст. 389.17 УПК РФ – в числе существенных нарушений уголовно-процессуального характера называет отсутствие протокола судебного заседания, а не аудиозаписи.

Необходимо обратить внимание на гарантийное значение аудиопротокола судебного заседания в связи с новыми правилами провозглашения приговора [5], которое ныне сводится лишь к оглашению вводной и резолютивной частей приговора.

Комплексный анализ ст. 298, 303, 310 УПК РФ приводит к выводу о том, что из совещательной комнаты судья или судьи при коллегиальном рассмотрении дела должны выйти с приговором, а не только с его вводной и резолютивной частями. Но оглашаются исключительно эти части. При этом правила вручения копии приговора остались без изменений. Обязанности незамедлительно вручить копию приговора осужденному либо оправданному, защитнику и обвинителю закон не содержит. Таким образом, отсутствуют гарантии того, что приговор в совещательной комнате изготовлен в полном объеме, также нет гарантий невнесения в его описательно-мотивировочную часть изменений (а в практике был случай отмены приговора ввиду того, что его «бумажная» описательно-мотивировочная часть не соответствовала аудиозаписи судебного заседания с его провозглашением [6]).

Дискутируется вопрос о том, что от протокола в классическом виде пора отказаться, поскольку достаточно только аудиопротоколирование. Однако, уголовно-процессуальная специфика протокола связана с тем, что это доказательство и единственный способ фиксации показаний, которые дают допрашиваемые участники уголовного судопроизводства в ходе судебного следствия, а эти показания могут сильно отличаться по своему содержанию от показаний того же участника, данных при допросе в ходе предварительного расследования. Это не позволяет отказаться от протокола в традиционном виде. Отсутствие аудиозаписи или хотя бы ее части, как и отсутствие протокола должно быть основанием отмены приговора или его изменения с учетом того, что доказательства, исследованные в судебном заседании, аудиозапись которого не сохранилась, должны считаться неисследованными со всеми вытекающими процессуальными последствиями в виде невозможности обоснования ими выводов суда по делу.

Порядок использования электронных документов в ходе судебных стадий уголовного процесса регулируется ст. 474.1 УПК РФ в редакции ФЗ от 29.12.2022 г. № 610-ФЗ [7] и ФЗ от 25.12.2023 г. № 672-ФЗ [8]. Закон № 610-ФЗ в ст. 2 закрепил оговорку, что новые положения УПК РФ применяются при наличии технической возможности в суде, органах прокуратуры,

учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ.

Определенные разъяснения порядка применения данной статьи содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Так, по смыслу ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ участники уголовного судопроизводства вправе направлять в суд в электронном виде ходатайства, заявления, жалобы, представления, в которых не содержатся сведения, составляющие охраняемую законом тайну, в ходе судебного производства по уголовному делу, в том числе по вопросам, связанным с исполнением судебного акта. В рамках уголовного судопроизводства обращение в суд (ходатайство, заявление, в том числе связанное с предъявлением гражданского иска и отказом от него, жалоба, представление) может быть подано в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью участника уголовного судопроизводства, его подающего. Обращение в суд может быть также подано в виде электронного образа документа, заверенного в целях защиты прав участников уголовного судопроизводства усиленной квалифицированной электронной подписью подающего его участника уголовного судопроизводства.

Судебным департаментом при ВС РФ, совместно с Минцифры России и Аналитическим центром при Правительстве РФ, разработан и реализован сценарий отправки процессуальных документов в рамках уголовного судопроизводства посредством федеральной государственной информационной системы «единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и ее ресурса «правосудие онлайн» Документы, указанные в ст. 474.1 УПК РФ, могут быть поданы участником судопроизводства, действующим как в своих интересах, так и в качестве представителя, если он является совершеннолетним, имеет подтвержденную учетную запись в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) и усиленную квалифицированную электронную подпись, в суды общей юрисдикции и мировым судьям. Реализация такой возможности дистанционной подачи документов в уголовном судопроизводстве сократит сроки их направления и получения соответствующими судебными инстанциями без личного посещения участником уголовного дела. Однако практика не избежит как технических, так и процессуальных проблем, связанных с техническими сбоями систем в виду высокой нагрузки либо тех же технических требований к направляемым документам или ошибками при формировании их образов, нарушением процессуальных сроков и т.д.

Видеозапись следственных действий и аудиозапись судебных заседаний – это важные средства, которые помогают уменьшить риск искажения показаний, обеспечивают большую объективность доказательственной базы и всего уголовного судопроизводства. В связи с этим следует считать существенным нарушением требований УПК РФ использование систем видеоконференцсвязи без соответствующей видеозаписи при проведении соответствующего следственного действия. Одновременно с этим считаем возможным упростить структуру протокола такого следственного действия, сконцентрировав внимание на корректности изложения его результатов, а подтверждением соблюдения прав участников допроса, очной ставки либо предъявления для опознания станет видеозапись.

Отсутствие аудиопротокола должно быть безусловным основанием отмены приговора суда наряду с отсутствием протокола судебного заседания. Соответствующее дополнение требуется в п. 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ. Отсутствие части аудиозаписи судебного следствия может быть основанием для недопустимости использования как неисследованных соответствующих доказательств для обоснования выводов суда об обстоятельствах преступления в приговоре.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30.12.2021 N 501-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Белкин А.Р. Использование видео-конференц-связи в следственных действиях: технические преимущества и процессуальные проблемы / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 12-16. DOI 10.18572/2072-4411-2022-4-12-16. EDN KPJLHZ.

3. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 7.09.2023 № 22К-6056/2023 // https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=43c82e5d-6a8b-4f18-b183-

b9e6179894ae&_deloId=4&_caseType=0&_new=0&srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения 6.12.2024).
4. Приговор Буйнакского районного суда Республики Дагестан от 27.10.2022 по делу № 1-123/2022 // https://buinakskiy-rs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=131135005&case_uid=d62b9808-8bff-4072-99b6-ff63f4e82fc8&delo_id=1540006&new= (дата обращения 6.12.2024).
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2022 N 608-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 17.05.2021 № 22-1616/2021 // https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=19171575&case_uid=c9382a98-156e-4482-badf-7f2aff0e6409&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 20.11.2024).
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2022 N 610-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
8. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 25.12.2023 N 672-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

Тайжанова Екатерина Ерлановна
УО «Alikhan Bokeikhan University»,
преподаватель,
магистр права
(Семей, Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МАССОВОЙ РАССЫЛКОЙ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ И МОШЕННИЧЕСТВОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ

УДК 343.98.067

Аннотация. В статье рассматриваются особенности досудебного расследования уголовных правонарушений, связанных с массовой рассылкой нежелательных электронных сообщений и мошенничеством с использованием электронной почты. Анализируются уголовно-правовые и криминалистические аспекты расследования, специфика собирания электронных доказательств, а также роль специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью в Республике Казахстан.

Ключевые слова: киберпреступность, мошенничество, электронная почта, спам-рассылка, досудебное расследование, электронные доказательства, цифровая криминалистика, киберполиция

Abstract. This article examines the specific features of pre-trial investigations into criminal offenses involving the mass distribution of unsolicited electronic messages and email fraud. It analyzes the criminal law and forensic aspects of the investigation, the specifics of collecting electronic evidence, as well as the role of specialized cybercrime units in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: cybercrime, fraud, email, spam, pre-trial investigation, electronic evidence, digital forensics, cyber police.

Развитие цифровых технологий и повсеместное распространение электронных коммуникаций обусловили стремительный рост правонарушений, совершаемых с использованием сети Интернет. Одним из наиболее распространенных их видов является массовая рассылка нежелательных электронных сообщений (спама), нередко сопровождаемые попытками мошенничества посредством электронной почты. Указанные деяния представляют серьезную угрозу информационной безопасности, имущественным интересам граждан и организаций, а также подрывают доверие к электронным средствам коммуникации.

Несмотря на активное развитие законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия киберпреступности, досудебное расследование подобных правонарушений остается сопряженным с рядом процессуальных и криминалистических трудностей. К их числу относятся трансграничный характер преступлений, анонимность правонарушителей, использование технических средств сокрытия цифровых следов, а также сложность фиксации и доказывания электронных доказательств.

В связи с этим актуальность приобретает исследование особенностей досудебного расследования правонарушений, связанных с массовыми электронными рассылками и мошенничеством посредством электронной почты, а также выработка предложений по

совершенствованию правоприменительной практики в данной среде.

Практика правоохранительных органов показывает, что досудебное расследование подобных уголовных правонарушений связано с рядом специфических трудностей. К их числу относятся сложность установления личности правонарушителя, необходимость использования специальных цифровых методов фиксации и исследования электронных доказательств, а также необходимость взаимодействия с интернет провайдерами, международными организациями и зарубежными компетентными органами. В этих условиях особую актуальность приобретает совершенствование правовых и организационных механизмов досудебного расследования преступлений, совершаемых с использованием электронной почты.

Особенностью сетевых преступлений является то, что для их совершения могут использоваться и законные средства. Например, размещение объявления о продаже не запрещенного в обороте товара само по себе не является полностью противоправным действием, однако отсутствие у лица, разместившего такого объявление, реального намерения осуществить передачу оплаченного товара покупателю делает его способом совершения сетевого преступления.

Специфической чертой сетевых преступлений является широкое использование для их совершения программно-аппаратных и программных средств на фоне сравнительно редкого использования исключительно аппаратных средств. Используемые в криминальной деятельности средства подразделяются на готовые, модифицированные и средства собственной разработки [1].

Классификационную схему способов совершения преступлений в сети Интернет можно представить следующим образом:

- сетевое мошенничество, например, рассылка писем (спамов) с призывами к благотворительной помощи с указанием реквизитов для перечисления денежных средств, которые на самом деле таковыми не являются. Очень популярный на сегодняшний день фишинг, хищение конфиденциальной информации пользователей путем введения их в заблуждение;

- распространение вредоносных программ, например, рассылка кликбэйтных объявлений, при просмотре жертва сайта какой-либо информации в сети Интернет поверх обозреваемой страницы всплывает информация с предложением перейти по ссылке, при совершении такого перехода пользователь подвергает собственный компьютер заражению вредоносным программным обеспечением; создание инфицированных страниц, при переходе на которую пользователь инфицирует компьютер;

- распространение противоправной информации, например информация экстремистского характера, порнографического характера;

- удаленное вмешательство в работу электронных устройств (хакинг), снова посредством распространения инфицированных ссылок.

Сетевые преступления в общем виде характеризуются системообразующим фактором, в котором есть Интернет выступает одновременно важнейшим элементом взаимодействия и отражения механизмов подготовки, совершения и сокрытия этих преступных деяний, в качестве среды криминальной деятельности, а также как способ совершения преступления.

Способы совершения преступлений в сети Интернет можно классифицировать по таким критериям, как: характер преступных действий, стадия совершения сетевого преступления; сложность используемой интернет-технологии; объект преступления; технология создания средств совершения преступления; техническое содержание; законность использования сети Интернет в криминальной деятельности.

На сегодняшний день огромную популярность приобрел «Фишинг», то есть вид интернет-мошенничества, осуществляемого с целью получения идентификационных данных пользователей (пароли, номера банковских карт, счетов и др.). Атаки фишеров становятся все более продуманными, применяются методы социальной инженерии. Но в любом случае пользователя пытаются напугать, придумать критическую причину для того, чтобы он выдал свою личную информацию. В большинстве случаев сообщения содержат угрозы, например о

блокировке счета в случае невыполнения получателем требований, которые изложены в сообщении. Зачастую в качестве причины, по которой пользователь якобы должен выдать конфиденциальную информацию, фишеры называют необходимость улучшить антифишинговые системы, например: если хотите обезопасить себя от фишинга, пройдите по этой ссылке и введите свой логин и пароль.

Технологии фишеров совершенствуются. Так, появилось сопряженное с фишингом понятие – фарминг. Это тоже мошенничество, ставящее целью получить персональные данные пользователей, но не через почту, а напрямую через официальные веб-сайты.

Кража конфиденциальных данных – не единственная опасность, с которой могут столкнуться пользователи при нажатии на фишерскую ссылку. Можно получить программу-шпиона, троян и прочее [2].

Злоумышленники все чаще комбинируют каналы: фишинговое письмо ведет на поддельный сайт, после ввода данных абонент получает звонок от «специалиста», который предлагает установить «защиту» – на самом деле это вредоносное приложение. Атаки становятся многоканальными.

В уголовно-правовом аспекте подобные деяния могут квалифицироваться по различным нормам уголовного законодательства Республики Казахстан, в зависимости от конкретных обстоятельств совершения преступления. Наиболее часто действия виновных лиц подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 190 Уголовного кодекса Республики Казахстан (мошенничество), если рассылка электронных сообщений используется для обмана пользователей с целью завладения их денежными средствами или имуществом.

Кроме того, в зависимости от механизма совершения противоправного деяния могут применяться и иные нормы уголовного законодательства, в частности ст. 205 УК РК (неправомерный доступ к информации), ст. 207 УК РК (нарушение работы информационных систем), а также ст. 208 УК РК (создание, использование и распространение вредоносных программ) [3].

Аналитики Почты Mail отмечают, что помимо «подарочного» и ФНС-спама, сохраняются и классические форматы спама и фишинга. Самыми популярными в этой категории стали фейковые инвестиции – их доля составила 47%. Часто встречаются спам с казино (гемблинг) и фейковые инфопродукты – на них приходится 31% и 22%, соответственно.

Сама по себе рассылка нежелательных сообщений не всегда образует состав уголовного правонарушения, она нередко используется как средство совершения иных преступлений. Наиболее распространённым из них является мошенничество, совершаемое посредством электронной почты. В подобных случаях злоумышленники используют массовую рассылку для распространения фишинговых писем, содержащих ложную информацию о финансовых операциях, банковских услугах, государственных выплатах или иных обстоятельствах, побуждающих получателя раскрыть конфиденциальные данные либо перевести денежные средства.

Особенностью таких преступлений является использование технологий социальной инженерии, направленных на психологическое воздействие на потерпевшего. Сообщения могут маскироваться под официальную корреспонденцию банков, государственных органов или известных компаний, что повышает доверие получателей и увеличивает вероятность совершения ими действий, выгодных преступнику.

Кроме того, злоумышленники широко используют методы сокрытия своей личности, включая использование анонимных почтовых сервисов, подмену IP-адресов, применение прокси-серверов и специальных программ для автоматизированной рассылки сообщений. Указанные обстоятельства значительно усложняют выявление преступников и сбор доказательной базы.

Одной из ключевых особенностей преступлений, связанных с массовой рассылкой электронных сообщений и мошенничеством посредством электронной почты, является их высокая латентность. Многие потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы, считая причиненный ущерб незначительным либо, не надеясь на раскрытие преступления.

Основанием для начала досудебного расследования, как правило, выступает заявление потерпевшего либо информация, полученная в ходе мониторинга киберпространства правоохранительными органами. Важное значение на данном этапе имеет оперативная фиксация цифровых следов правонарушения, включая сохранение электронных писем, заголовков сообщений, IP-адресов отправителя и иных технических данных.

Досудебное расследование уголовных правонарушений в Республике Казахстан осуществляется в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан. В соответствии со ст. 179 УПК РК поводами для начала досудебного расследования могут являться заявление потерпевшего, сообщение должностных лиц, а также непосредственное обнаружение признаков уголовного правонарушения органами уголовного преследования.

Особенностью преступлений, совершаемых посредством электронной почты, является их высокая латентность. Потерпевшие нередко не обращаются в правоохранительные органы, полагая, что раскрытие таких преступлений затруднительно либо ущерб является незначительным. Вместе с тем даже единичные заявления могут свидетельствовать о существовании масштабной мошеннической схемы, направленной на широкий круг пользователей.

На этапе регистрации уголовного правонарушения особое значение приобретает правильная квалификация деяния, поскольку массовая рассылка электронных сообщений может выступать как самостоятельный противоправный акт, так и как способ совершения других преступлений. В этой связи следственные органы должны учитывать способ совершения преступления, механизм введения потерпевшего в заблуждение, а также последствия противоправных действий [4].

В процессе регистрации уголовного правонарушения особую роль играет правильная квалификация деяния. В зависимости от обстоятельств дела действия виновных лиц могут квалифицироваться как мошенничество, неправомерный доступ к информации либо иные преступления в сфере информационных технологий.

Досудебное расследование рассматриваемой категории уголовных правонарушений характеризуется необходимостью активного использования цифровых доказательств. К таким доказательствам относятся электронные письма, данные серверов электронной почты, журналы сетевой активности, информация о доменных именах, а также данные, полученные от интернет провайдеров.

Особую значимость приобрела правильная фиксация электронных доказательств. Несоблюдение процессуальных требований при их изъятии и документировании может привести к признанию таких доказательств недопустимыми. В связи с этим следователи и дознаватели должны обладать соответствующими навыками работы с цифровой информацией и использовать специализированное программное обеспечение. Нередко для установления обстоятельств совершения преступления назначаются компьютерно-технические экспертизы, позволяющие определить источник рассылки сообщений, способ их распространения, а также наличие вредоносного программного обеспечения. Экспертные исследования могут также выявить факты подделки электронных адресов, использования автоматизированных систем рассылки и иных технических средств совершения преступления.

С криминалистической точки зрения преступления, связанные с массовой рассылкой электронных сообщений и мошенничеством посредством электронной почты, обладают рядом специфических признаков.

Во-первых, данные преступления характеризуются использованием цифровых следов, которые остаются в информационных системах, сетевых журналах и на устройствах пользователей. К таким следам относятся IP-адреса отправителей, заголовки электронных писем (email headers), информация о доменных именах, данные почтовых серверов, а также журналы сетевой активности.

Во-вторых, важным элементом криминалистической характеристики выступает способ совершения преступления. Как правило, злоумышленники используют специализированные

программные средства для автоматизированной рассылки сообщений, так называемые spam-боты или бот-сети. Такие системы позволяют отправлять тысячи электронных писем в короткий промежуток времени, значительно расширяя круг потенциальных потерпевших.

В-третьих, преступления данной категории характеризуются применением методов социальной инженерии, направленных на психологическое воздействие на потерпевших. Сообщения могут содержать информацию о якобы заблокированных банковских счетах, выигрышах в лотереях, налоговых выплатах или иных обстоятельствах, требующих срочного реагирования со стороны получателя. В этой связи представляется необходимым совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей порядок получения и использования цифровых доказательств, а также развитие международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности.

В условиях роста количества преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, особое значение приобретает деятельность специализированных подразделений правоохранительных органов. В Республике Казахстан функции противодействия киберпреступности выполняют специальные подразделения Министерства внутренних дел и других правоохранительных органов, деятельность которых направлена на выявление, пресечение и расследование преступлений в цифровой среде.

В последние годы в ряде регионов Казахстана были созданы специализированные подразделения «Киберпол», ориентированные на борьбу с интернет-мошенничеством и другими преступлениями в сфере информационных технологий. В состав таких подразделений входят следователи, оперативные сотрудники и криминалисты, а также IT-специалисты, обладающие знаниями в области цифровых технологий. В Республике Казахстан действует «CyberPol», это пилотный проект, запущенный МВД для борьбы с преступлениями в сфере цифровых технологий, для обеспечения взаимодействия с государственными органами и повышения правовой грамотности среди населения [5].

Работа подобных подразделений строится по принципу комплексного расследования, когда оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия и криминалистические исследования проводятся параллельно. В некоторых регионах применяется принцип «единого окна», позволяющий оперативно принимать заявления потерпевших и незамедлительно начинать необходимые следственные и оперативные мероприятия.

Кроме того, специализированные подразделения оснащаются современными цифровыми лабораториями, позволяющими проводить анализ электронных устройств, выявлять вредоносные программы и устанавливать способы совершения интернет-мошенничества.

Таким образом, развитие специализированных подразделений киберполиции и внедрение современных криминалистических методов исследования цифровых доказательств является важным условием повышения эффективности досудебного расследования преступлений, совершаемых с использованием электронной почты и иных цифровых средств коммуникации.

С криминалистической точки зрения важным элементом расследования является моделирование механизма преступления, позволяющее установить последовательность действий злоумышленника: создание электронного адреса, подготовка фишингового сообщения, использование автоматизированной системы рассылки, получение доступа к конфиденциальным данным и последующее завладение денежными средствами.

Расследование рассматриваемой категории уголовных правонарушений предполагает активное использование электронных доказательств, которые имеют специфическую природу и требуют соблюдения специальных процессуальных правил их фиксации и исследования.

В соответствии с нормами УПК Республики Казахстан доказательствами по уголовному делу могут являться любые фактические данные, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию. В случае расследования преступлений в сфере информационных технологий такими доказательствами могут выступать электронные письма, цифровые файлы, данные серверов, информация о сетевых соединениях, а также данные, полученные от интернет-провайдеров.

Особое значение приодбрело правильное документирование цифровых следов. При проведении следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации, необходимо обеспечивать сохранность данных и предотвращать их изменение. В этой связи широко используются методы цифровой криминалистики (digital forensics), включающие создание копий жестких дисков, анализ сетевых журналов и восстановление удаленной информации.

Для установления технических обстоятельств совершения преступления часто назначаются компьютерно-технические экспертизы, которые позволяют определить источник рассылки электронных сообщений, выявить программное обеспечение, использованное для совершения преступления, а также установить наличие вредоносных программ.

Проведенное исследование особенностей досудебного расследования уголовных правонарушений, связанных с массовой рассылкой нежелательных электронных сообщений и мошенничеством с использованием электронной почты, позволяет сделать вывод о том, что развитие цифровых технологий существенно трансформирует формы и способы совершения преступлений. Электронная почта, являясь одним из наиболее распространенных средств коммуникации, нередко используется злоумышленниками для реализации различных мошеннических схем, направленных на завладение денежными средствами и конфиденциальной информацией пользователей.

Анализ уголовно-правовых и криминалистических аспектов рассматриваемых правонарушений показывает, что массовая рассылка нежелательных электронных сообщений зачастую выступает не самостоятельным противоправным деянием, а инструментом совершения иных преступлений, прежде всего мошенничества, неправомерного доступа к информации и распространения вредоносных программ. При этом данные преступления характеризуются высокой степенью латентности, использованием технологий анонимизации сетевого трафика, а также трансграничным характером, что существенно осложняет деятельность правоохранительных органов по их выявлению и расследованию.

Особое значение в процессе досудебного расследования имеет правильная фиксация и исследование электронных доказательств, включающих данные электронных писем, сетевые журналы, информацию интернет-провайдеров и иные цифровые следы. В этой связи возрастает роль методов цифровой криминалистики, позволяющих обеспечить сохранность электронных данных, установить источник рассылки сообщений и выявить технические средства, использованные при совершении преступления.

Важным направлением повышения эффективности расследования преступлений данной категории является развитие специализированных подразделений правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с киберпреступностью. Создание и функционирование подразделений «Киберпол» в системе органов внутренних дел Республики Казахстан способствует более оперативному выявлению интернет-мошенничества, совершенствованию методов расследования и внедрению современных цифровых технологий в практику правоохранительной деятельности.

Вместе с тем, анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда проблем, связанных с установлением личности преступников, получением информации от иностранных интернет-сервисов и провайдеров, а также недостаточным уровнем подготовки специалистов в области цифровой криминалистики. В этой связи представляется целесообразным дальнейшее совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере расследования киберпреступлений, расширение международного сотрудничества и развитие профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, повышение эффективности досудебного расследования уголовных правонарушений, связанных с массовой рассылкой нежелательных электронных сообщений и мошенничеством с использованием электронной почты, требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие криминалистических методов исследования цифровых доказательств и укрепление институциональных возможностей органов, осуществляющих борьбу с киберпреступностью.

Литература:
1. Поляков В.В., Лапин С.А. Средства совершения компьютерных преступлений // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники : науч. журн. Томск : Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники. 2014. № 2(32). С. 162-166.
2. Что такое «фишинг». Энциклопедия проект «Лаборатория Касперского» //электронный ресурс// URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/what-is-phishing/
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан// Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РК// Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК.
5. Проекты «CyberPol»// электронный ресурс// URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/539602?lang=ru

Тучков Ярослав Владимирович
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»,
преподаватель кафедры криминалистики
(Краснодар, Россия)

О СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ

УДК 343.1

Аннотация. Проведен анализ совокупности процессуальных гарантий, закрепленных в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, с позиции их системности. Обосновывается, что данные правовые средства обладают всеми ее признаками, что позволяет рассматривать их как целостный и взаимосвязанный механизм обеспечения российского уголовного правосудия. Доказывается, что процессуальные гарантии характеризуются единством и автономностью, поскольку, с одной стороны, они направлены на реализацию назначения уголовного судопроизводства, а с другой – каждая гарантия сохраняет свою самостоятельность и определенность. Подчеркивается целостность и иерархичность системы процессуальных гарантий, наличие у них собственных целей, задач и сфер применения. Внимание уделяется взаимосвязи и динамичности правовых средств, которые адаптируются под современные вызовы развития личности, общества и государства, сохраняя при этом свою устойчивость и эффективность.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальная гарантия, правовые средства, система, правосудие, защита прав и свобод человека, назначение уголовного судопроизводства.

Abstract. The article analyzes the totality of procedural guarantees enshrined in the current criminal procedure legislation from the perspective of their consistency. It is proved that these legal means have all its features, which makes it possible to consider them as an integral and interrelated mechanism for ensuring Russian criminal justice. It is proved that procedural guarantees are characterized by unity and autonomy, since, on the one hand, they are aimed at implementing the purpose of criminal proceedings, and on the other, each guarantee retains its independence and certainty. It emphasizes the integrity and hierarchy of the system of procedural guarantees, their own goals, objectives and areas of application. Attention is paid to the interrelationship and dynamism of legal means that adapt to the modern challenges of the development of the individual, society and the state, while maintaining their stability and effectiveness.

Keywords: criminal procedure, criminal procedural guarantee, legal means, system, justice, protection of human rights and freedoms, purpose of criminal proceedings.

В уголовном судопроизводстве одну из ключевых ролей занимают процессуальные гарантии, обеспечивающие защиту прав и законных интересов личности, а также законность и справедливость процессуального порядка производства по уголовным делам. Гарантии служат своеобразным «правовым каркасом», который не только ограничивает произвол органов предварительного расследования, дознания, прокуратуры, суда и т.д., но и создает условия для объективного установления истины по уголовному делу.

Для начала отметим, что же в науке уголовно-процессуального права под ними понимается. На сегодняшний день разработано множество определений [2 с. 133; 5, с. 45; 8, с. 56], раскрывающих сущность данного понятия, однако автор настоящей статьи придерживается позиции Л.Д. Кокорева, который под уголовно-процессуальными гарантиями понимает «систему правовых средств, установленных законом для надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод человека в уголовном процессе, осуществления задач судопроизводства по уголовным делам» [3, с. 70-80].

Кроме этого, поддерживая данную позицию о том, что процессуальные гарантии выступают в качестве «системы правовых средств», хотелось бы более подробно остановиться

на ее рассмотрении с целью анализа ее структурных элементов и установления характера взаимосвязей между ними, образующих в совокупности единый правовой механизм.

Так, Ю.Г. Овчинников полагает, что систему процессуальных гарантий необходимо рассматривать в двух аспектах (широком и узком), где первый включает в себя принципы уголовного процесса, права и обязанности участников процесса, обязанности органов и должностных лиц по реализации прав личности. Узкий аспект же связан с нормами (санкциями), которые предусматривают неблагоприятные правовые последствия, которые наступают в случае нарушения участниками уголовного судопроизводства установленных диспозицией предписаний и запретов, например, применение отводов, признание доказательств недопустимыми [4, с. 57] и др.

В свою очередь А.А. Прокопова в рассматриваемую систему включает уголовно-процессуальную форму, процессуальный контроль, прокурорский надзор, принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в законе права и свободы участников процесса, систему процессуального принуждения, процессуальные санкции [6, с. 29-30].

Существует и другие позиции ученых науки уголовно-процессуального права [9, с. 17-18], раскрывающих содержание системы процессуальных гарантий, однако, по нашему мнению, необходимо придерживаться иной точки зрения в части ее определения.

Представляется, что указанные выше мнения уважаемых авторов в большей степени определяют систему как совокупность средств и способов соблюдения, обеспечения и реализации прав и законных интересов, обязанностей участников уголовно-процессуальных отношений, контроля за их деятельностью и т.д. Отмеченные выше институты уголовно-процессуального права действительно выступают правовыми средствами осуществления законного, качественного и надлежащего отправления правосудия, могут характеризовать и характеризуют систему уголовно-процессуальных гарантий, но не буквально, то есть не в том виде, в котором они представлены учеными-процессуалистами, а через форму их организации и взаимодействия, включающую в себя такие конструкции как единство и автономность, целостность, структурность и упорядоченность, иерархичность, динамичность, а также взаимосвязь элементов, которые были сформированы учеными-теоретиками [1, с. 31-33], а в дальнейшем нашли свое отражение и в уголовно-процессуальной науке. Например, отмечены профессором С.Б. Россинским при построении системы следственных действий российского уголовного судопроизводства [7].

В данных обстоятельствах хотелось бы кратко остановиться на рассмотрении системы уголовно-процессуальных гарантий действующего уголовно-процессуального законодательства, взяв за основу элементы, выделяемые А.А. Прокоповой, за исключением уголовно-процессуальной формы[4], учитывая при этом указанные выше признаки.

Единство системы уголовно-процессуальных гарантий выражается в том, что они прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законом и направлены на реализацию положений ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Автономность же связана с тем, что каждый элемент системы уголовно-процессуальных гарантий самостоятелен, например, право свидетеля отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников (ст. 56 УПК РФ). Указанная процессуальная гарантия действует на протяжении всего уголовного судопроизводства, может быть реализована без связи с иными правовыми средствами, а также ее применение не может быть нарушено другими гарантиями. К примеру, свидетель в ходе допроса отказывается давать показания в отношении своей супруги. Следователь, дознаватель не могут принудить его к даче показаний относительно последней, так как это будет являться грубым нарушением уголовно-процессуального законодательства, в том числе ст. 51

[4] По мнению автора публикации, уголовно-процессуальная форма является более широким понятием, которое включает в себя порядок уголовного судопроизводства и его условия, направленные на расследование преступлений и рассмотрение уголовных дел в суде, а также способы и средства обеспечения законности и эффективности уголовно-процессуальной деятельности его участников (процессуальные гарантии) с целью реализации положений, указанных в ст. 6 УПК РФ.

Конституции Российской Федерации. Автономность же ни в коем случае не исключает взаимодействия уголовно-процессуальных гарантий между собой, что подчеркивает единство их системы.

Следующим признаком является целостность системы уголовно-процессуальных гарантий, связанная с тем, что в случае выхолащивания из нее какого-либо элемента, образно института прокурорского надзора, ее эффективность и качество относительно соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса резко снизится. Если ограничить право заявителя на обжалование решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении, нарушится порядок доступа личности к правосудию, а ошибки следователей, дознавателей не будут выявлены, рассмотрены и при необходимости исправлены, что в дальнейшем приведет к повышению уровня недоверия населения к деятельности органов правоохранительной и судебной системы.

Структурность и упорядоченность системы процессуальных гарантий характеризуется тем, что каждый из входящих в нее элементов имеет свои собственные цели, задачи и сферу применения (в зависимости от стадий уголовного процесса, от его участников, конкретно для которых предусмотрены те или иные средства обеспечения прав и законных интересов и т.д.). Важно добавить, что сама система в целом не позволяет допускать непринятие процессуальных гарантий во внимание, если они прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законом. При этом невозможность обеспечения тех или иных правовых средств может быть устранена за счет имеющихся в УПК РФ альтернатив, например, согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ законодатель предусмотрел, что в конкретных случаях понятые принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя. При невозможности их участия применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным.

Говоря об иерархичности системы уголовно-процессуальных гарантий, стоит сказать, что она определяется возможностью ее элементов, как было уже отмечено ранее, реализовываться самостоятельно или же входить в группу, так скажем, наиболее узкого характера. Другими словами, гарантии могут выступать не только как компонент общей уголовно-процессуальной системы, но и быть частью отдельно взятого средства обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. К примеру, принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, предусмотренный ст. 16 УПК РФ, является частью общей системы уголовно-процессуальных принципов, а также включает в себя самостоятельные нормы, выступающие в качестве правовых средств и направленные на его обеспечение (ст. 14, ч. 4 ст. 47, ст.ст. 49, 53, 123 УПК РФ и т.д.).

Взаимосвязь элементов системы уголовно-процессуальных гарантий выражается в реализации ряда связанных между собой правовых средств уголовно-процессуального законодательства, например, лицо, в отношении которого было совершено преступление, может подать заявление в отдел полиции, а после возбуждения уголовного дела и получения процессуального статуса (потерпевший) согласно ст. 22 УПК РФ участвовать в уголовном преследовании. При этом гарантируется право на получение информации о ходах и результатах расследования преступления, возможность обжалования действий (бездействия) следователя, дознавателя, право на возмещение имущественного и морального ущерба и т.д.

Как следствие, несоблюдение одной процессуальной гарантии – своевременное получение потерпевшим информации о расследуемом преступлении может быть восстановлено через правовые средства подачи жалобы на действия (бездействие) властных субъектов уголовного процесса относительно информирования указанного участника.

Заключительным признаком системы уголовно-процессуальных гарантий является ее динамичность. Ярким примером правовых средств осуществления своевременного расследования преступления является право следователя, дознавателя, суда в соответствии с нормами УПК РФ изменять меру пресечения на более строгую или мягкую. Так, подозреваемому была избрана подписка о невыезде, но после попытки скрыться от органов следствия, ее заменили на заключение под стражу. Указанное свидетельствует о том, что

система уголовно-процессуальных гарантий не статична и способна к изменению в силу сложившихся в ходе производства по уголовному делу обстоятельств с целью обеспечения разумного баланса между соблюдением или ограничением прав и законных интересов участников уголовного процесса и достижением его назначения (ст. 6 УПК РФ). Система уголовно-процессуальных гарантий также на прямую зависит и от объективных факторов, будь то изменение политического режима в стране, переход от одной модели уголовного процесса к другой, развитие общественных отношений в силу научно-технического прогресса и т.п.

Вместе с этим, в условиях цифровизации общественных отношений динамичность системы процессуальных гарантий приобретает особое значение, поскольку внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство закономерно требует постоянной адаптации правовых механизмов прокурорского надзора, защиты прав и законных интересов его участников и т.д. Цифровизация путем расширения возможности использования современных технологий в целях собирания доказательств, дистанционного взаимодействия, автоматизации отдельных процессуальных действий, ведения уголовного дела в электронном формате и т.д. так или иначе вносит коррективы в традиционную процессуальную форму. Такие изменения, безусловно, должны сопровождаться обязательным укреплением процессуальных гарантий, дабы обеспечить баланс между эффективностью расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в суде и защитой прав и законных интересов участников уголовного процесса. Динамичность системы уголовно-процессуальных гарантий в цифровую эпоху становится чуть ли не ключевым условием их устойчивости в обеспечении законного правосудия на территории нашей страны.

Действительно, сложно сказать, как именно отразится активный процесс цифровизации общественных отношений на развитии системы процессуальных гарантий, уголовно-процессуальной форме и российском уголовном судопроизводстве в целом, но это не значит, что ему следует противиться. Необходимо постепенными шагами двигаться в данном направлении для достижения положительного результата, минимизировать количество ошибок, совершаемых в процессе использования цифровых технологий в ходе расследования преступлений и разрешения уголовных дел, учитывая при этом как российский, так и зарубежный опыт в данной части.

Таким образом, совокупность уголовно-процессуальных гарантий действующего уголовного судопроизводства, то есть принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в законе права и свободы его участников, процессуальный контроль, прокурорский надзор, а также меры процессуального принуждения и процессуальные санкции, является системой и обладает всеми ее признаками.

Литература:

1. Алексеев, С.С. Право и правовая система // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1. С. 27-34.

2. Добровольская Т.Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 128-135.

3. Кокорев Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве: монография / Баев О.Я., Коврига З.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П., и др.; Науч. ред.: Кокорев Л.Д. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 159 с.

4. Овчинников Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. № 25(201), 2010. С. 54-58.

5. Овчинников Ю.Г. Понятие уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 19(236). С. 42-45.

6. Прокопова А.А. Ускоренное досудебное производство в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Прокопова Анна Алексеевна. М., 2021. 239 с.

7. Россинский С.Б. О сущности, признаках и перспективах развития системы следственных действий в уголовном судопроизводстве // Юридическое образование и наука. 2017. № 1. С. 40-47.

8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса в 2-х томах / М.С. Строгович. М.: Наука, 1968. Т.1. 469 с.

9. Химичева Г.П., Химичева О.В., Бородулин А.И. Понятие и назначение уголовного судопроизводства (уголовного процесса) // Уголовный процесс: сборник учебных пособий. Общая часть. Вып. 1. М.: Информационно-методический центр ГУК МВД РФ, 2002.

Усенко Анатолий Сергеевич
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
начальник отдела организации и сопровождения научной деятельности,
заместитель начальника управления науки и инноваций,
старший преподаватель кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук
(Краснодар, Россия)

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ДОЛЖНОСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 343.98

Аннотация. Предмет исследования составляют закономерности механизма преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ), проявляющиеся в современных способах их подготовки, совершения и сокрытия, а также криминалистически значимые свойства личности преступника.

Ключевые слова: должностные преступления, коррупция, криминалистическая характеристика, способы совершения преступлений.

Abstract. The subject of the research consists of the patterns of the mechanism of crimes against state authority, the interests of public service, and service in local government bodies (Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation), which manifest in modern methods of their preparation, commission, and concealment, as well as the criminalistically significant properties of the personality of the offender.

Keywords: official crimes, corruption, forensic characteristics, methods of crime commission.

Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ) представляют собой одну из наиболее общественно опасных категорий деяний. Они не только дискредитируют органы власти в глазах населения, но и наносят существенный урон экономике, подрывая основы правопорядка.

Исходя из анализа количества возбужденных уголовных дел, предусмотренных гл. 30 УК РФ за 2010–2024 гг., распределение дел по статьям гл. 30 УК РФ происходит неравномерно. Так, наибольший удельный вес составляют преступления, связанные с незаконным участием в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) – 245 дел (19,68%), получением взятки (ст. 290 УК РФ) – 201 дело (16,14%) и превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) – 191 дело (15,34%). Высоким остается уровень халатности (ст. 293 УК РФ) – 50 дел (4%) и злоупотреблений должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) – 173 дела (13,9%). Обращает на себя внимание значительное количество дел о мелком взяточничестве (ст. 291.2 УК РФ) – 50 дел, что говорит о «бытовой» коррупции на низовом уровне.

Важной тенденцией является высокая латентность и сложность квалификации. В 53,65% случаев действия квалифицировались по одному составу, однако в 25,3% имела место совокупность двух и более составов из гл. 30 УК РФ, а в 12,86% – совокупность с иными преступлениями (мошенничество, подлог, легализация). Это свидетельствует о том, что должностные преступления редко существуют изолированно, обрастая сопутствующими криминальными деяниями. Оправдательные приговоры составили небольшой процент, однако их наличие (например, 11 по ст. 285, 10 по ст. 289) указывает на проблемы доказывания, особенно в части установления корыстной или иной личной заинтересованности.

Теоретическую базу исследования составили труды ведущих отечественных исследователей в области криминалистики, криминологии и уголовного права, среди которых следует выделить работы Г.М. Меретукова [1], М.А. Петросяна [2], С.И. Грицаева [3], А.М. Хлуса [4], В.В. Хилюта [5] и др. исследователей.

Отметим, что с 2021 г. наблюдается устойчивая тенденция роста выявленных должностных преступлений. Так, с 2021 г. по 2024 г. количество возбужденных уголовных дел возросло с 30 608 до 35 597 в 2024 г., что приближается к показателям 2012–2013 гг. На

основании исследования количества возбужденных уголовных дел с 2010 по 2024 г. можно спрогнозировать, что в 2026 г. общий показатель выявленных преступлений может составить до 39 тыс., а к 2027 г. – до 41,5 тыс. должностных преступлений.

Прогнозные значения были получены методом линейной экстраполяции тренда на основе временного ряда, очищенного от статистических выбросов (коэффициент детерминации $R^2 = 0,89$, что свидетельствует о высокой точности модели). При этом следует учитывать возможные коррективы, связанные с изменением уголовной политики, активизацией работы правоохранительных органов в рамках национальных планов противодействия коррупции, а также с социально-экономическими факторами, такими как рост бюджетных расходов и увеличение числа государственных закупок. По данным ГИАЦ МВД, в 2023-2024 гг. наблюдался опережающий рост выявленных преступлений коррупционной направленности именно в сфере госзакупок и при освоении бюджетных средств, что подтверждает обоснованность прогноза.

Анализ эмпирической базы показывает неравномерное распределение должностной преступности как по видам деяний, так и по географическому признаку. Наибольшее количество изученных дел приходится на области РФ – 56,06% (698 дел), что может свидетельствовать как о более высокой интенсивности работы правоохранительных органов, так и об объективно большем количестве должностных преступлений в данных регионах. Среди лидеров: Брянская (72 дела), Астраханская (53), Владимирская (48) и Белгородская (45) области. Среди республик лидируют Башкортостан (47 дел) и Адыгея (24 дела), среди краев – Краснодарский (94) и Алтайский (81). Это указывает на то, что коррупционные и должностные практики распространены повсеместно, но имеют региональную специфику, связанную с экономической активностью и структурой местного самоуправления.

Высокие абсолютные показатели в этих регионах могут объясняться несколькими факторами. Во-первых, здесь исторически сложилась развитая экономическая инфраструктура и высокая концентрация государственных (муниципальных) учреждений, что объективно увеличивает число потенциальных субъектов должностных преступлений. Во-вторых, в указанных областях активно работают правоохранительные органы, ориентированные на выявление коррупционных схем, о чём свидетельствует и значительное число дел, переданных в суд. В-третьих, нельзя исключать и специфику латентности: в некоторых регионах с формально низкими показателями преступность может носить более скрытый характер в силу недостаточной эффективности оперативно-розыскной деятельности либо сращивания криминалитета с местной властью. Для подтверждения этой гипотезы требуется дополнительный анализ с применением методов корреляции социально-экономических индикаторов (уровень безработицы, объём бюджетных расходов) и показателей преступности, что может стать предметом отдельного исследования.

Исследование позволило выделить несколько устойчивых тенденций и типичных способов совершения должностных преступлений.

Анализ дел по ст. 290 и 286 УК РФ показывает высокую криминальную активность сотрудников МВД (18,36% от общего числа преступников) и ФСИН (7,06%), выражаемую в совершении коррупционных преступлений в правоохранительной и пенитенциарной системе. Так, например, в 30 случаях из 42 выявлено систематическое совершение преступлений сотрудниками ФСИН, выражавшееся в проносе запрещенных предметов (сотовых телефонов и их комплектующих, сим-карт, наркотических средств и пр.) на режимную территорию. Способ подготовки включает приобретение предметов через маркетплейсы или третьих лиц, использование банковских карт родственников для получения взятки. Способ совершения – пронос через КПП благодаря служебному положению, минуя досмотр. Способ сокрытия – маскировка предметов под форменной одеждой или в личных вещах.

Преступления, связанные с фиктивным трудоустройством (ст. 285, 159, 292 УК РФ), должностным лицом своих знакомых, родственников и иных лиц в целях дальнейшего получения за них заработной платы. Подготовка заключается в поиске кандидата и договоренности о передаче зарплаты. Совершение – издание приказов о приеме на работу и

внесение ложных сведений в табели учета рабочего времени. Сокрытие – оформление всех документов, объяснение отсутствия работника удаленной работой. Подчеркнем, что данный способ характерен для образовательных (преимущественно детских садов и школ), медицинских и муниципальных учреждений, что говорит о недостаточности ведомственного контроля.

Использование должностным лицом своих полномочий в целях незаконного отчуждения государственного и муниципального недвижимого имущества. В 47,5% случаев должностные лица давали незаконные указания подчиненным, которые могли не осознавать преступный характер деяний. Для данного способа характерно внесение ложных сведений в похозяйственные книги и выдача подложных выписок. Активные меры сокрытия применялись лишь в половине случаев, что говорит о высокой латентности и доверии преступников к «безнаказанности» бюрократической процедуры.

Осуществление должностным лицом организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, направленных на незаконную рубку лесных насаждений и заготовку древесины. Для типичного способа подготовки будет характерно достижение предварительной договоренности должностного лица с заинтересованным лицом (посредниками, лесозаготовителями, иными предпринимателями); использование специального положения и знаний для указания на участок, на котором можно производить незаконную вырубку леса (переноска деляночных столбов, использование служебного навигатора); привлечение посредников для реализации древесины и передачи взяток. Типичными способами совершения будут являться осуществление вырубки лесных насаждений; получение взятки за попустительство, ускоренное оформление, выделение делянок, не составление актов о нарушении; внесение заведомо ложных сведений в официальные документы (занижение объёмов рубки, указание несуществующих нарушений, фиктивные договоры с гражданами для прикрытия коммерческой заготовки); незаконное бездействие (должностное лицо сознательно не пресекает рубки, не сообщает о них, не привлекает виновных к ответственности); заключение фиктивных договоров (аренды, купли-продажи, подряда) с аффилированными лицами.

Особое внимание следует уделить совершаемым должностным преступлениям в области государственных закупок, выражаемом в заключении договора для обеспечения государственных (муниципальных) нужд между государственным органом (органом местного самоуправления) с подконтрольной организацией на более выгодных условиях по отношению к другим участникам гражданского оборота (завышение и занижение стоимости контракта интересах подконтрольной организации) и заключение фиктивных государственных (муниципальных) контрактов, актов выполненных работ и иных первичных документов для имитации законной хозяйственной деятельности без соблюдения конкурсных и аукционных процедур в целях обналичивания и хищения бюджетных средств.

Литература:

1. Меретуков Г.М. Косвенные доказательства в уголовных делах // Epomen. Global. 2024. № 46. С. 50-56.

2. Петросян М.А., Павлов О.С. Сходства и различия в методиках при расследовании должностных преступлений коррупционной направленности и преступлений против личности // Вестник экономики и права. 2025. № 102. С. 128-132.

3. Сейтягьяева Д.А., Грицаев С.И. Криминалистическая классификация способов передачи взятки // Вестник экономики и права. 2025. № 103. С. 85-90.

4. Хлус А.М., Рудкевич Е.В. Обстоятельства, устанавливаемые при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями (по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь) // Вестник экономики и права. 2024. № 95. С. 242-253.

5. Хилюта В.В. Имущественный ущерб как конструктивный признак существенного вреда в должностных преступлениях // Эпомен. 2021. № 61. С. 145-160.

Утебаев Ержан Кенесович
Alikhan Bokeikhan University,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, профессор;
Сейданов Айбек Багдадович
Alikhan Bokeikhan University
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, профессор
(Семей, Казахстан)

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДОСУДЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В КАЗАХСТАНЕ: ВОЗМОЖНОСТИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 343.13:004.8

Аннотация. В статье рассматриваются возможности внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в досудебное расследование уголовных дел в Республике Казахстан. Авторы анализируют потенциал ИИ для обработки больших массивов данных, автоматизации рутинных процессов, анализа видеоматериалов, цифровых следов и применения предиктивной аналитики. На основе опыта системы «Папилон» и международных практик (США, Великобритания и др.) показаны преимущества использования ИИ для ускорения расследования, повышения его точности и предотвращения преступлений. Особое внимание уделяется вызовам внедрения: проблемам качества данных, соблюдению конфиденциальности и защите прав граждан, а также необходимости подготовки кадров. В заключение предлагаются конкретные рекомендации по разработке национальной стратегии, интеграции ИИ с существующими системами («Сергек», «Папилон»), внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство и организации обучения сотрудников правоохранительных органов. Авторы приходят к выводу, что комплексное внедрение ИИ позволит существенно повысить эффективность досудебного расследования и укрепить безопасность в Казахстане.

Ключевые слова: искусственный интеллект, досудебное расследование, система «Папилон», система «Сергек», конфиденциальность.

Abstract. This article examines the potential for integrating artificial intelligence (AI) into the pre-trial investigation of criminal cases in the Republic of Kazakhstan. The authors analyse AI's potential for processing large datasets, automating routine processes, analysing video footage and digital traces, and applying predictive analytics. Drawing on the experience of the 'Papillon' system and international practices (the USA, the UK, etc.), the article highlights the benefits of using AI to speed up investigations, improve their accuracy and prevent crime. Particular attention is paid to the challenges of implementation: issues of data quality, compliance with confidentiality and the protection of citizens' rights, as well as the need for staff training. In conclusion, specific recommendations are proposed for the development of a national strategy, the integration of AI with existing systems ('Sergek', 'Papillon'), amendments to criminal procedure legislation, and the organisation of training for law enforcement officers. The authors conclude that the comprehensive implementation of AI will significantly improve the effectiveness of pre-trial investigations and strengthen security in Kazakhstan.

Keywords: artificial intelligence, pre-trial investigation, «Papillon» system, «Sergek» system, privacy.

Современные технологии радикально трансформируют различные аспекты общественной жизни, включая правоохранительную систему. Искусственный интеллект (ИИ), большие данные и цифровые решения становятся ключевыми инструментами для повышения эффективности досудебного расследования уголовных дел. Внедрение таких технологий позволяет ускорить обработку информации, улучшить качество следственных действий и оптимизировать использование ресурсов правоохранительных органов. В Казахстане цифровизация уже продемонстрировала свои преимущества на примере системы «Папилон», внедренной в 2008 году. Эта система, использующая дактилоскопические данные, позволила раскрыть множество ранее неочевидных преступлений, сократив сроки расследования и повысив его результативность. Однако в условиях роста объема данных, усложнения преступлений в цифровой среде и необходимости более точного анализа информации существующие инструменты становятся недостаточными.

ИИ предоставляет уникальные возможности для обработки больших массивов данных, автоматизации рутинных процессов и применения предиктивной аналитики. Международный опыт подтверждает эффективность ИИ в досудебном расследовании и предотвращении

преступлений. Например, в США и Великобритании системы на основе машинного обучения активно применяются для анализа видеозаписей, идентификации подозреваемых и прогнозирования зон риска. В Казахстане, где сохраняется высокий уровень приостановленных уголовных дел, внедрение ИИ становится не только возможностью, но и необходимостью для модернизации правоохранительной системы.

Цель данной статьи – проанализировать потенциал применения ИИ в досудебном расследовании уголовных дел в Казахстане, изучить международный опыт, выявить возможные проблемы и предложить рекомендации для их преодоления. Работа опирается на анализ успешных примеров, таких как система «Папилон», международных практик и научных подходов к использованию ИИ в криминалистике.

Искусственный интеллект уже доказал свою эффективность в таких сферах, как медицина, финансы и транспорт. В правоохранительной деятельности его возможности особенно ценны для обработки больших объемов данных, поиска взаимосвязей и прогнозирования преступлений. В Казахстане, где цифровизация является приоритетом, ИИ может существенно повысить эффективность досудебного расследования.

Одним из ключевых направлений применения ИИ является анализ данных, которые ранее обрабатывались вручную. Например, при расследовании серийных преступлений ИИ способен сопоставлять информацию из различных дел, включая методы совершения преступлений, места их совершения и описания подозреваемых. Система «Папилон», внедренная в Казахстане в 2008 году, позволила завершить расследование дел, остававшихся нераскрытыми десятилетиями, за счет анализа дактилоскопических данных. Современные технологии позволяют расширить этот подход, включая анализ видеоматериалов, свидетельских показаний и других доказательств.

Международный опыт демонстрирует успехи ИИ в криминалистике. В США после взрыва на Бостонском марафоне в 2013 году алгоритмы анализа видеоматериалов позволили идентифицировать подозреваемых за считанные часы. В Великобритании система Valcri используется для анализа данных с мобильных устройств, банковских операций и социальных сетей, что помогает устанавливать связи между преступниками. Эти примеры показывают, как ИИ может ускорить расследование и повысить его точность.

В Казахстане система видеонаблюдения «Сергек» имеет потенциал для интеграции с ИИ. Алгоритмы могут автоматически выявлять подозрительное поведение, такое как брошенные предметы или массовые беспорядки, что позволит правоохранительным органам оперативно реагировать. Кроме того, ИИ может применяться для анализа цифровых следов, характерных для экономических преступлений, таких как мошенничество, финансирование терроризма или отмывание денег.

Предиктивная аналитика – еще одно перспективное направление. В Лос-Анджелесе система PredPol прогнозирует зоны с высокой вероятностью преступлений на основе исторических данных, что позволяет оптимизировать патрулирование. В Казахстане подобные системы могут быть внедрены в крупных городах, таких как Алматы, Астана, Шымкент и Караганда, для повышения эффективности работы правоохранительных органов. Это особенно актуально для мест концентрации криминальной активности, где ИИ может помочь направлять патрули в наиболее уязвимые зоны.

Внедрение ИИ сопряжено с рядом вызовов. Во-первых, качество данных играет критическую роль. Ошибки или неполные данные могут привести к некорректным выводам, как это произошло в США в 2018 году, когда алгоритмы распознавания лиц ошибочно идентифицировали невиновных людей. Казахстан должен внедрять системы проверки данных, чтобы минимизировать подобные риски.

Во-вторых, использование ИИ, особенно для анализа социальных сетей, может нарушать права граждан на конфиденциальность. Для предотвращения таких рисков необходима строгая правовая база, регулирующая применение ИИ в правоохранительной деятельности. Международный опыт, например Великобритании, показывает важность прозрачных правил для защиты персональных данных.

В-третьих, эффективность ИИ зависит от подготовки сотрудников. В Нидерландах правоохранительные органы проводят регулярные тренинги, чтобы научить персонал интерпретировать результаты анализа ИИ. Казахстану следует перенять этот подход, обеспечив обучение следователей и оперативных работников.

Для успешного внедрения ИИ в досудебное расследование в Казахстане необходимо:

1. Разработать национальную стратегию применения ИИ в правоохранительной системе, включая стандарты качества данных и защиты конфиденциальности;

2. Интегрировать ИИ с существующими системами, такими как «Сергек» и «Папилон», для анализа видеоданных и цифровых следов;

3. Создать программы обучения для сотрудников, включая курсы по интерпретации данных ИИ и этическим аспектам его использования;

4. Внести изменения в законодательство, например, дополнить ст. 193 УПК РК, введя должность прокурора-криминалиста, который будет координировать внедрение ИИ и обобщать следственную практику.

Искусственный интеллект обладает потенциалом радикально изменить подход к досудебному расследованию в Казахстане, сделав его более быстрым, точным и эффективным. Успех системы «Папилон» и международный опыт подтверждают, что ИИ способен не только ускорять раскрытие преступлений, но и предотвращать их за счет предиктивной аналитики. Однако для реализации этого потенциала необходимо решить ключевые проблемы: обеспечить качество данных, разработать правовую базу и подготовить квалифицированный персонал.

Внедрение ИИ позволит Казахстану сократить количество нераскрытых дел, оптимизировать работу правоохранительных органов и повысить уровень безопасности в обществе. При комплексном подходе, включающем технологические, правовые и образовательные меры, Казахстан может стать лидером в Центральной Азии по применению ИИ в криминалистике, укрепляя доверие граждан и обеспечивая их безопасность.

Литература:

1. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. Методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений. Учебное пособие. М., 2002.

2. McGee S. FBI Top Cases of the 20th Century. History.com, 2023. URL.

3. Дуглас Дж., Олшейкер М. Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств. 520 стр., 2019.

4. Armstrong K., Miller T.C. An Unbelievable Story of Rape. The Marshall Project, 2015. URL.

5. Гинзбург А.Я. Предъявление для опознания в уголовном судопроизводстве Казахстана: Учебное пособие. Алматы: Жеты жаргы, 2003.

6. Гинзбург А.Я., Повезнюк Г.И., Салаев Б.А. Криминалистические методы и средства отождествления личности: Учебно-практическое пособие. Алматы: Аян Эдет, 1998.

7. Справочник следователя. hub.crimlib.info.

Хамидуллин Руслан Сибагатуллович
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»,
доцент кафедры криминалистики имени И.Ф. Герасимова,
кандидат юридических наук
(Екатеринбург, Россия)

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ ЛИЦА ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА

УДК 343.98

Аннотация. В статье рассматриваются особенности психофизиологического исследования личности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, с использованием полиграфа. Отмечается его методологическая роль и тактическая значимость для преодоления потенциального нарушения условий соглашения.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическое исследование, особый порядок, заключение специалиста.

Abstract. The article examines the features of the psychophysiological study of the personality of a person who has concluded a pre-trial cooperation agreement using a polygraph. Its methodological role and tactical importance for overcoming a potential violation of the terms of the agreement are noted.

Keywords: polygraph, psychophysiological research, special procedure, expert opinion.

Проверка показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (далее – ДСоС), относится к числу наиболее конфликтных и одновременно наиболее значимых направлений криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, поскольку такой участник процесса объективно заинтересован в получении процессуальных выгод и потому потенциально мотивирован на сообщение ложной информации, умолчание, преувеличение либо оговор иных лиц.

В условиях применения норм главы 40.1 УПК РФ правоохранительные органы принимают решение о заключении «сделки» по получению сведений в обмен на смягчение положения обвиняемого (подозреваемого), что усиливает требования к проверке сообщаемой информации, ее источников. Традиционно проверочные средства включают сопоставление показаний с объективными фактами, проведение очных ставок, проверку показаний на месте, следственные эксперименты, назначение судебных экспертиз, анализ детализации телефонных соединений и цифровых следов, анализ результатов оперативно-розыскной деятельности. Однако в случае отсутствия таких данных и следов повышается значимость средств, ориентированных на оценку информационной состоятельности и внутренней непротиворечивости сообщаемого, в том числе психофизиологического исследования личности с использованием полиграфа (далее – ПФИ), рассматриваемого в криминалистике в качестве инструмента прикладной диагностики психофизиологических реакций на предъявляемые стимулы в структуре специально организованного опроса.

В настоящем исследовании мы ставим цель, определить криминалистически обоснованные подходы к использованию полиграфа для проверки показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, с учетом процессуального статуса результатов ПФИ.

Полиграфологическое исследование, будучи по своей природе инструментальным психофизиологическим тестированием, в российской правоприменительной практике не имеет прямого исчерпывающего закрепления в УПК РФ как самостоятельное следственное действие. Использовать специальные знания в уголовном процессе уполномочены специалисты и эксперты, а доказательства по уголовному делу включают, в частности, заключение и показания специалиста, заключение и показания эксперта (ст. 74 УПК РФ), при этом специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, постановке вопросов эксперту, разъяснении сторонам и суду вопросов, входящих в его компетенцию (ст. 58 УПК РФ), а также может давать заключение и показания. Следовательно, результаты ПФИ потенциально могут быть процессуально оформлены как заключение специалиста либо использоваться как ориентирующая информация для планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Научная основа ПФИ заключается в регистрации и анализе комплекса психофизиологических показателей (как правило, дыхания, кожно-гальванической реакции, сердечно-сосудистых параметров, иногда периферической температуры, двигательной активности) в ответ на вербальные стимулы. Следует отметить, что метод проверки показаний на полиграфе не измеряет «ложь» как таковую и не фиксирует факт события, он оценивает вероятностные значимости и эмоционально-мотивационную вовлеченность.

Специфика показаний лица, заключившего ДСоС, создает повышенные риски:

- мотивация к получению выгод может стимулировать стратегическое искажение информации (например, перенос ответственности на конкурирующую группу, «сдача» второстепенных лиц, создание видимости содействия при сокрытии ключевых эпизодов);

- возможна предварительная подготовка легенды и согласование показаний с участниками преступной группы;

- стресс от уголовного преследования и психологическое давление ситуации способны влиять на психофизиологические реакции, повышая вероятность диагностических ошибок;

- при наличии расстройств, зависимостей, соматических заболеваний, приема

лекарственных препаратов, а также при высоком уровне тревожности и склонности к паническим реакциям, физиологические показатели могут быть нестабильными, что требует строгого предтестового отбора и корректной интерпретации.

Поэтому ПФИ в рассматриваемом контексте следует позиционировать как средство тактической проверки отдельных утверждений и «нестыковок» показаний, а не как универсальное средство проверки истинности. Криминалистически целесообразно выделять несколько задач применения полиграфа при проверке показаний «сотрудничающего» лица:

- уточнение полноты сообщаемых сведений (выявление умолчаний об иных эпизодах, участниках, местах хранения предметов и документов);
- проверка причастности к конкретным эпизодам (в том числе латентным);
- оценка достоверности утверждений о роли иных лиц (идентификация вероятных оговоров либо прикрытия организатора);
- локализация источника осведомленности (знание деталей как результат личного участия, наблюдения либо «со слов»);
- определение направлений поиска доказательств (места, время, способ, используемые средства, каналы связи, финансовые потоки);
- проверка искренности готовности к сотрудничеству (в части намерений продолжать преступную деятельность, информировать группу, саботировать следственные действия).

Важнейшим тактическим принципом является планирование расследования с учетом использования ПФИ. Перед тестированием следователь должен сформировать проверяемые версии и перечень утверждений, подготовить массив объективных данных (протоколы допросов, результаты выемок, осмотров, биллинги, геолокацию, банковские выписки, видеозаписи), чтобы полиграфолог мог корректно выстроить тест, а следствие – сопоставить полученные реакции с фактическими обстоятельствами.

При подготовке ПФИ следует учитывать процессуальные и этические ограничения: участие лица должно быть добровольным, недопустимо принуждение, угрозы ухудшения положения или обещания процессуальных выгод исключительно за «прохождение полиграфа». Указанные действия способны исказить волеизъявление и породить заявления о нарушении прав, а также скомпрометировать полученные результаты. Добровольность предполагает информированное согласие, разъяснение цели, общей сути метода, его вероятностного характера, возможных ограничений, порядка фиксации результатов, права отказаться на любой стадии, а также разъяснение, что отказ сам по себе не является доказательством виновности и не может трактоваться как препятствование расследованию. Для лица, заключившего ДСоС, это особенно важно, поскольку оно находится в зависимой позиции и может воспринимать процедуру как обязательное условие сохранения соглашения.

Практика показывает, что лица, вовлеченные в организованную преступность, иногда знакомы с «контрмерами» (умышленное изменение дыхания, микродвижения, самостимуляция боли, когнитивные приемы отвлечения), что требует от полиграфолога повышенной квалификации и применения процедур выявления противодействия. В связи с чем тактика применения полиграфа при проверке показаний «сотрудничающего» лица может быть описана как многоэтапная процедура.

На этапе предтестового интервью уточняются анкетные данные, состояние здоровья, факт приема различных веществ, уровень усталости, особенности речи, а также подробно реконструируются обстоятельства проверяемых эпизодов по уже данным показаниям. При этом следует избегать перегрузки теста большим количеством релевантных вопросов, вместо попытки «проверить весь массив показаний» рациональнее выделить несколько ключевых утверждений, от которых зависит тактика расследования.

На этапе собственно тестирования применяются валидированные форматы (в зависимости от школы и методики), обеспечивающие сопоставимость реакций на релевантные и нейтральные стимулы.

На этапе посттестовой беседы иногда достигается дополнительный криминалистический эффект: при сообщении о наличии значимых реакций по отдельным темам у части испытуемых

возникает готовность к уточняющим признаниям, раскрытию умолчаний или указанию на новые источники доказательств. Любые последующие признательные показания должны оформляться в установленной порядке (допрос, явка с повинной и др.).

Таким образом, использование полиграфа при проверке показаний лица, заключившего ДСоС, может быть полезно для управления рисками лжи, умолчаний и оговоров, но только при условии методической корректности и добровольности участия. Такой комплексный подход позволяет встроить полиграф в современную систему судебной экспертизы и криминалистики не как замену доказывания, а как средство повышения эффективности и надежности проверки показаний в наиболее уязвимых следственных ситуациях.

Хижняк Денис Сергеевич
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук, доцент;
Астахова Екатерина Алексеевна
Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат юридических наук
(Саратов, Россия)

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.985.3

Аннотация. Статья посвящена тактико-криминалистическому обеспечению расследования транснациональных преступлений. В работе делается акцент на особенности применения тактических приемов при производстве следственных действий на первоначальном этапе расследования. Отмечается значение характера следственных ситуаций при выборе тактических приемов.

Ключевые слова: транснациональные преступления, криминалистическое обеспечение, ситуация расследования, криминальная деятельность, осмотр места происшествия, допрос.

Abstract. This article focuses on tactical and forensic support for the investigation of transnational crimes. The paper emphasizes the specifics of applying tactical techniques during investigative actions at the initial stage of an investigation. The importance of the nature of the investigative situation in selecting tactical techniques is noted.

Keywords: transnational crimes, forensic support, investigation situation, criminal activity, crime scene inspection, interrogation.

Тактико-криминалистическое обеспечение как элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений в криминалистике рассматривается как совокупность тактических приемов, их комбинаций и тактических операций, применяемых субъектами расследования преступлений [1, с. 22].

Характер тактических приемов, используемых в ходе производства следственных действий, находится в прямой зависимости от ряда факторов, к которым, в частности, относятся: 1) сложившаяся на момент производства следственная ситуация (в частности – источник, из которого получена информация о событии и объем такой информации); 2) психологические особенности личности лиц, участвующих их производстве; 3) уровень готовности следователя проводить расследование и конкретные следственные действия.

Ситуация расследования транснационального преступления имеет свои особенности. Они выражаются в следующем:

1) источниками получения первичной информации о происшествии могут быть сообщения из за рубежа (от правоохранительных органов, юридических и физических лиц);

2) лица участвующие в производстве следственных действий (в различном процессуальном статусе) – граждане Российской Федерации, иностранных государств, бипатриды и апатриды;

3) подозреваемые лица в большинстве случаев являются членами организованных преступных формирований;

4) на стадии возбуждения уголовного дела (при выявлении признаков транснационального преступления) многие следователи не представляют правильный алгоритм действий.

Эти особенности негативно влияют на ход расследования и не каждый следователь в силах безошибочно принять правильные тактические решения.

Каковы же должны быть действия следователя? Разберем их подробнее.

На стадии изучения первичной информации о происшествии проводится осмотр места происшествия, которым на данный момент является то место, где были выявлены признаки уголовно наказуемого деяния. Следователь еще не представляет, является ли данное преступление базовым или он имеет дело с признаками вспомогательного или перспективного преступления, входящего в содержание взаимосвязанной транснациональной криминальной деятельности [2, с. 12]. На данной стадии выдвигаются первоначальные версии как о месте данного происшествия в системе транснациональной криминальной деятельности, так и о конкретном государстве, с территории которого она была направлена и о возможных новых местах происшествия на территории Российской Федерации и иностранных государств. Выдвижение версий о местах преступления на территории иностранных государств необходимо для определения необходимости и возможностей осуществления международного сотрудничества и получения правовой помощи от правоохранительных органов государств, затронутых транснациональным преступлением. Кроме того, выдвигаются версии о составе организованных преступных групп, страны их формирования, личностных характеристиках участников, круге государств, затронутых совершенным преступлением. Версии целесообразно проверять путем проведения тактических операций.

Выбор тактических операций, несомненно, обусловлен и видом преступления, по признакам которого было возбуждено уголовное дело. Однако, каковы бы ни были признаки преступления, речь идет о ситуациях, когда транснациональный характер преступления либо не вызывает сомнений, либо его требуется проверить в соответствии с выдвинутыми версиями.

На первоначальном этапе расследования, в соответствии с решаемыми задачами, обязательно производство двух групп тактических операций: а) тактические операции, направленные на собирание информации по делу; б) тактические операции, создающие нормальные условия и необходимые предпосылки для раскрытия и успешного расследования преступления [3, с. 12-13]. К первой группе относятся следующие тактические операции: 1) «Осмотр места происшествия»; 2) «Исследование материальных следов происшествия»; 3) «Изучение личности подозреваемого»; 4) «Изучение личности потерпевшего». Ко второй: 1) «Розыск подозреваемых»; 2) «Выявление потерпевших»; 3) «Выявление свидетелей»; 4) «Выявление неизвестных следствию мест происшествий»; 5) «Установление государств, затронутых транснациональной криминальной деятельностью».

Производство первоначальных следственных действий (проводимых как отдельно, так и в составе тактических операций) имеет свои особенности.

Производство *осмотра места происшествия* характеризуется наличием двух ситуаций: а) первым известным следствию местом происшествия является территория Российской Федерации; б) признаки преступления выявлены в цифровой среде, которая и признается местом происшествия, конкретное место произведенных противоправных действий неизвестно.

Как известно, осмотр места происшествия – следственное действие, которое следует проводить как можно скорее после совершения преступления, т.к. материальная обстановка под влиянием множества факторов подвергается изменению. Это правило касается и цифровой среды, поскольку следы, оставленные в ней, также имеют материальный характер. В случаях, когда есть предположение, что было совершено транснациональное преступление, осмотр места происшествия следует проводить особо тщательно. Выявлению и изъятию материальных следов происшествия должно сопутствовать применение метода криминалистического анализа, направленное на выявление таких следов, которые могут свидетельствовать о совершении иных

преступлений, кроме того, что расследуется в данный момент. Такой подход связан с тем, что в большинстве случаев расследуемое событие связано с иными элементами транснациональной деятельности, которыми являются не только другие виды преступлений, но и иные правонарушения, не носящие сами по себе уголовный характер.

Ошибки в производстве осмотра места происшествия приводят к тому, что сопутствующие элементы криминальной деятельности не выявляются. Это утверждение подтверждает ряд исследований, результаты которых свидетельствуют о том, что преступления транснационального характера в большинстве случаев остаются недорасследованными [4; 5, с. 69-100].

Особенности тактики *допроса* при расследовании транснациональных преступлений главным образом связаны с личностями участвующих в деле лиц. Особенно это касается подозреваемых и обвиняемых. Анализ материалов следственной и судебной практики, свидетельствует о том, что совершают такие преступления члены организованных преступных формирований и индивидуальные субъекты.

При допросе данных лиц следует учесть менталитет иностранного гражданина, его уровень знания русского языка, его роль в транснациональном организованном преступном формировании (если преступление совершено им не единолично) и особенности его личности. Соответственно, применяется совокупность тактических приемов выработанных в криминалистике и психологии для допроса иностранных граждан, членов организованных преступных групп, рецидивистов и т.п.

Предмет допроса подозреваемых при расследовании большинства транснациональных преступлений связан с выяснением обстоятельств, касающихся способов транспортировки предметов торговли (оружие, наркотические и психотропные средства, люди, наличные денежные средства, взрывчатые вещества и т.д.), способов коммуникации с соучастниками (особенно с теми, которые находятся на территории иностранных государств), технических средств и программного обеспечения, использовавшегося в криминальной деятельности. Тактические рекомендации по организации производства допросов подозреваемых в криминалистической литературе сильно отличаются. В частности, одни исследователи считают, что правильным вариантом будет тот, в котором все допросы подозреваемых должны проводиться одним следователем для того, чтобы аккумулировать полученную информацию, что позволит использовать ее при допросах соучастников [6, с. 132]. Другие – наоборот, предлагают проводить допросы членов организованной преступной группы группой следователей одновременно, что позволит избежать сговора подозреваемых и изменения показаний [7, с. 37]. Представляется, что обе рекомендации могут быть использованы следователями, но при разной организации данного следственного действия. Так как и следователи могут ознакомится с протоколами допросов других фигурантов, которых они не допрашивали, и есть возможность предотвратить нежелательное общение подозреваемых лиц, до их допроса.

В случаях, когда международное сотрудничество с иностранными правоохранительными органами налажено, появляется возможность производства следственных действий совместно. Это возможно как с очным присутствием представителей иностранных компетентных органов при производстве следственных действий на территории Российской Федерации так и с применением видеоконференцсвязи (дистанционно).

Среди следственных действий, которые могут проводиться удаленно, с использованием технических средств следует выделить следующие:

1) допрос: а) задержанных за рубежом подозреваемых, которых требуется срочно допросить, но привозить его в Российскую Федерацию не имеет смысла на данный момент; б) свидетелей, потерпевших и специалистов (экспертов) находящихся на территории иностранного государства (их гражданство в данном случае не имеет значения);

2) осмотр: а) места происшествия в цифровой среде; б) электронных документов;

3) обыск с извлечением компьютерной информации;

4) предъявление для опознания с использованием средств видеоконференции, в

частности, проводимое методом, исключающим наблюдение опознаваемым опознающего;

5) контроль и запись переговоров;

6) получение информации о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств.

Сущность последних двух следственных действий такова, что они проводятся дистанционно во всех случаях.

Тактика назначения экспертиз при расследовании транснациональных преступлений практически не имеет особенностей. За исключением того, что в ходе совместных расследований и организации международных следственных групп, экспертизы могут проводиться как в экспертных учреждениях Российской Федерации, так и экспертных учреждениях государств, с которыми расследование проводится совместно. Вопрос о том, где будет проведена экспертиза, может быть урегулирован двусторонним или многосторонним договором между компетентными органами Российской Федерации и иностранных государств.

Отдельно следует отметить возможность создания международных следственных и следственно-оперативных групп. Несмотря на то, что российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает подобной нормы, их организация предусмотрена Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 года), которая была ратифицирована Российской Федерацией 30 декабря 2021 г.

Важным условием эффективной работы международных следственных и следственно-оперативных групп является применение стратегического планирования, которое обеспечивает не только взаимосвязь и последовательность производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, но и применение тактических комплексов (комбинаций, операций, стратагем) и научно-технических средств [8].

Литература:

1. Беляков А.А. Понятие и содержание криминалистического обеспечения расследования уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / А.А. Беляков, Р.С. Хамидуллин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 18-24.

2. Астахова Е.А. Применение криминалистических классификаций при расследовании транснациональных преступлений : методические рекомендации / Е.А. Астахова. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – 32 с.

3. Лаврухин С.В. Выбор тактических операций в типичных ситуациях расследования умышленных убийств / С.В. Лаврухин // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Межвуз. научн. сб. Вып. 6. Проблемы реализации научных рекомендаций в криминалистике. Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – С. 12-16.

4. Ализаде В.А. Судебная практика по делам о преступлениях преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и криптовалюты / В.А. Ализаде, А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 6(35). – С. 281-299.

5. Хижняк Д.С. Методологические основы расследования транснациональных преступлений / Д.С. Хижняк. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2021. – 424 с.

6. Методика расследования транснациональных преступлений : курс лекций / [Е.Н. Быстряков, М.М. Менжега, А.В. Соловьёв, Д.С. Хижняк]; под ред. Д.С. Хижняка; ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. – 184.

7. Речков И.Е. Тактика допроса при расследовании преступлений, совершенных членами устойчивых вооруженных групп (банд) / И.Е. Речков // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. – С. 35-41.

8. Хижняк Д.С. Организация международных следственных групп в целях расследования транснациональных преступлений / Д.С. Хижняк // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2022. – № 1(19). – С. 5-8.

Хлус Александр Михайлович
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАЗЖИГАНИЮ РАСОВОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИБО ИНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ ИЛИ РОЗНИ

УДК 343.98

Аннотация. Рассматриваются проблемы методического обеспечения расследования деяний, связанных с разжиганием расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни. Выделены элементы материальной структуры данного вида преступлений. Сделан вывод о необходимости использования знаний о них при формировании методики расследования.

Ключевые слова: экстремизм, разжигание вражды или розни, криминалистика, методика расследования, криминалистическая характеристика, материальная структура преступления.

Abstract. :This article examines the methodological challenges of investigating acts related to inciting racial, national, religious, or other social hatred or discord. The material elements of this type of crime are identified. It concludes that knowledge about these elements must be used when developing investigative methods.

Keywords: extremism, incitement of hatred or discord, forensic science, investigation methods, forensic characteristics, material structure of crime.

Социально-политические изменения повлекли трансформацию общественных отношений и способствовали распространению негативных явлений, среди которых выделяется экстремизм.

Понятие «экстремизм» в словаре русского языка С.И. Ожегова трактуется как «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [1, с. 740].

Многообразие проявлений экстремизма (возбуждение социальной вражды или розни, массовые беспорядки, терроризм и иные деяния) позволяет рассматривать его в узком и широком смысле. В узком смысле «экстремизм» рассматривается в международных актах. Например, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, понятие «экстремизм» определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [2]. Очевидно, что в данном документе акцентируется внимание на экстремистских деяниях, непосредственно направленных против государства (захват власти, изменение конституционного строя).

В широком смысле под экстремизмом следует понимать всю совокупность экстремистских деяний, понимаемых и рассматриваемых в качестве таковых национальным законодательством.

Законодатель Республики Беларусь понятие «экстремизм» определяет как «деятельность… по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность» [3], подчеркивая этим объект посягательства и приоритет безопасности в первую очередь государства. Формулировка понятия «экстремизм» охватывает спектр различных по сути деяний, признанных экстремистскими. Их непосредственная цель может быть связана не только с насильственным изменением конституционного строя государства, захватом или удержанием государственной власти, но также с созданием экстремистского формирования, осуществлением террористической деятельности, пропагандой исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной и иной принадлежности, разжиганием расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, реабилитацией нацизма, пропагандой или публичным демонстрированием, изготовлением, распространением нацистской символики

и атрибутики и т.д. Такую деятельность могут осуществить как физические лица, так и различные организации.

Действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает административную и уголовную ответственность за экстремистские деяния.

Административная ответственность предусмотрена за отдельные деяния экстремистской направленности. Например, хранение в открытом доступе в сети Интернет (в социальных сетях либо различных мессенджерах) ссылок на телеграмм-каналы (чаты), включенные в список экстремистских материалов, расценивается как их хранение с целью распространения. Эти действия влекут административную ответственность по ч. 2 ст.19.11 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь [4].

В Уголовном кодексе Беларуси (далее – УК) содержится множество составов преступлений экстремистской направленности. К ним относятся, например, ст. 130 УК («Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни»), ст. 342 «Организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них», ст. 130-1 («Реабилитация нацизма»), ст. 361-1 УК («Создание экстремистского формирования либо участие в нем»), ст. 361-2 УК («Финансирование экстремистской деятельности»), ст. 361-4 УК («Содействие экстремистской деятельности»), ст. 361-5 УК («Прохождение обучения или иной подготовки для участия в экстремистской деятельности») и др. [5].

В данной статье акцентируется внимание на рассмотрении особенностей методического обеспечения расследования преступлений, связанных с разжиганием расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (далее – разжигание социальной вражды или розни).

В Беларуси количество уголовных дел, возбуждаемых в связи с разжиганием социальной вражды или розни, сравнительно немного. Однако, учитывая мировые тенденции, сложившиеся на сегодняшний день, а также враждебную настроенность западных государств по отношению к Беларуси и России, надо быть готовыми к активному противодействию различным проявлениям экстремизма, в том числе и указанному виду преступлений.

Одним из средств, обеспечивающих эффективность в борьбе с рассматриваемым видом преступлений, является наличие продуктивной методики его раскрытия и расследования.

Для разработки такой методики необходима криминалистическая характеристика анализируемого деяния, включающая не только существенные для расследования уголовно-правовые знания о разжигании социальной вражды или розни, но также криминалистически значимую информацию, использование которой в практической деятельности будет способствовать определению направлений и выбору методов (способов) расследования.

Важным обстоятельством для формирования криминалистической характеристики любого вида или группы преступлений является изучение расследованных уголовных дел, количество которых по рассматриваемому виду преступлений в Республике Беларусь незначительно.

Приходится утверждать, что учеными-криминалистами ещё не разработана криминалистическая характеристика разжигания социальной вражды или розни. Имеются отдельные публикации по данному вопросу, но их недостаточно для объективного восприятия криминалистической характеристики рассматриваемого вида экстремистского преступления. Также ученые предлагают общее криминалистическое описание преступлений экстремистской направленности [6]. Это дает возможность представлять преступления экстремистской направленности, но не обеспечивает наиболее полную разработку методик расследования конкретных видов экстремистских преступлений и не раскрывает их особенностей.

Отсутствие криминалистической характеристики разжигания социальной вражды или розни не может служить препятствием для построения частной методики расследования данного вида преступлений. Криминалистическое познание рассматриваемого вида преступлений можно осуществить путем выделения и анализа материальных составляющих его структуры, т. е. таких материальных элементов, которые обязательно наличествуют в момент

разжигания социальной вражды или розни.

Ориентируясь на учение о материальной структуре преступлений [7], рассмотрим материальные элементы, составляющие разжигание социальной вражды или розни.

В материальной структуре разжигания социальной вражды или розни, основываясь на содержании ч. 1 ст. 130 УК, можно выделить следующие общие элементы: субъект преступного посягательства, средство совершения преступления, предмет преступления.

Субъектом совершения деяний, связанных с разжиганием социальной вражды или розни, выступает конкретный человек. Здесь следует отметить, что рассмотрение субъекта преступления с позиции уголовного права как научной абстракции не обеспечивает возможности познания следов, оставляемых им в результате совершения данного деяния. Для криминалистики важно представление субъекта как материального элемента преступной структуры, который оставляет следы криминальных действий в окружающей его среде.

Субъект преступного посягательства может быть множественным, т.е. деяние совершается группой лиц или организованной группой (ч. 3 ст. 130 УК), а также должностным лицом, использующим свои служебные полномочия (ч. 3 ст. 130 УК).

Развитие современной техники и технологий определило возможности их использования субъектами в качестве средств совершения указанных деяний. Этот элемент в структуре рассматриваемого преступления обеспечивает достижение его результата, конечной цели субъекта, т. е. разжигание социальной вражды или розни и, как следствие этого, возбуждение у других лиц «расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни» и совершение ими на этой основе различных криминальных деяний «по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности» (ч. 1 ст. 130 УК). Наличие в преступной структуре определенного средства зависит от избранного субъектом способа совершения преступления.

В качестве средств, обеспечивающих публичное доведение неопределенному кругу лиц заведомо ложных или искажающих реальность сведений, направленных на разжигание социальной вражды или розни, используются средства массовой информации, информационно-телекоммуникационные сети, социальные сети, сеть «Интернет».

Например, Ж., размещал в социальных сетях публикации и видеофайлы, содержание которых, по результатам лингвистической экспертизы, направлено на возбуждение у других лиц расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни [8].

Средство совершения преступления может отсутствовать, если сведения, направленные на разжигание социальной вражды или розни, распространяются вербально, например, в момент выступлений на массовых мероприятиях.

Анализ содержания ч. 1 ст. 130 УК свидетельствует, что объект преступного посягательства, как материальная система, на которую направлено деяние, не всегда наличествует в его структуре. В ряде случаев в качестве объектов преступного посягательства выступают человек или организация, которым, в результате действий субъекта причиняется вред.

Объектом, которому непосредственно причиняется вред, может быть конкретный человек, в отношении которого применяется насилие (ч. 2 ст. 130 УК), либо ему по неосторожности причинена смерть (ч. 3 ст. 130 УК). В практике расследования «изучение объекта преступного посягательства, анализ его поведения, а также анализ поведения социальной группы, к которой он относится, позволяет определить пространственно-временные параметры изучения свойств преступника и мотивы его экстремистской деятельности» [9, с. 96].

Объектом посягательства могут являться организации, в которых должностное лицо, используя свои служебные полномочия (ч. 2 ст. 130 УК), совершает действия, связанные с разжиганием социальной вражды или розни. Виновный в этом случае причиняет вред деловой репутации организации, в которой проходит его служебная деятельность. Организация выступает в качестве объекта посягательства и в случае, когда действия субъекта, связанные с разжиганием социальной вражды или розни непосредственно направлены на неё либо её

сотрудников. Например, комментарии, оставленные виновным в социальных сетях, содержали негативную оценку и побуждение к насильственным действиям по отношению к лицам, представляющим систему органов власти, а также объединенных по признаку принадлежности к группе лиц, связанных с деятельностью государственных организаций [10].

Для рассматриваемого вида преступлений характерно наличие предмета преступления. В таком качестве следует рассматривать информацию, содержание которой способно возбуждать расовую, национальную, религиозную либо иную социальную вражду или рознь. Она может быть отражена различными способами: письменно на бумаге или в цифровом виде на электронных носителях. Этот элемент преступной структуры можно представить в виде изготовленных, публично демонстрируемых и распространяемых предметов: книги, плакаты и т.п.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Элементы материальной структуры преступлений, связанных с разжиганием социальной вражды или розни, составляют их объективную реальность.

2. Познание материальных элементов преступной структуры определяет цель деятельности, осуществляемой в процессе расследования разжигания социальной вражды или розни (ст. 130 УК).

3. Сведения о типичной материальной структуре преступлений, связанных с разжиганием социальной вражды или розни, целесообразно использовать при формировании методик их расследования.

Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.

2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Шанхай, 15 июня 2001 г. [Текст]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I00100109 (дата обращения: 06.01.2026).

3. О противодействии экстремизму: Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700203 (дата обращения 06.02.2026).

4. Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь 06 января 2021 г. № 91-З. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091 (дата обращения 06.02.2026).

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-З URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения 06.02.2026).

6. Мельник Д.С. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 2281-2285.

7. Гучок А.Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления // Минск: Тесей, 2012. – 228 с.

8. Реабилитировал нацизм, возбуждал социальную вражду, пропагандировал самоубийство: прокуратура Гомельской области направила уголовное дело в суд // Генеральная прокуратура Республики Беларусь [сайт]. URL: https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/reabilitiroval-natsizm-vozbuzhdal-sotsialnuyu-vrazhdu-propagandiroval-samoubiystvo-prokuratura-gomel/ (дата обращения 10.02.2026).

9. Хлус А.М. Криминалистические возможности выявления фактов экстремизма при расследовании преступлений // Актуальные проблемы правового противодействия экстремизму: доктрина и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 апреля 2012 г.). – Петрозаводск, 2012. – С. 89-96.

10. Разжигание социальной вражды: обвиняемый заключен под стражу // Следственный комитет Республики Беларусь [сайт]. URL: https://sk.gov.by/ru/news-usk-vitebsk-ru/view/razzhiganie-sotsialnoj-vrazhdy-obvinjaemyj-zakljuchen-pod-strazhu-9896/ (дата обращения 10.02.2026).

Цурлуй Олеся Юрьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ВОСПИТАНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

УДК 343

Аннотация. Автором разработана и предложена концепция разбора сюжетов классических литературных произведений с точки зрения современного судопроизводства, в том числе взаимодействия

участников процесса, доказывания, мотивировки принимаемых решений. В статье предложен систематизированный с учетом курса обучения и изучаемых в его рамках дисциплин список произведений художественной классической литературы с точки зрения значимости освоение соответствующей дисциплины. Список выстроен в хронологической последовательности исходя из сюжета и анализируемых юридических категориях, представляющих интерес в рамках изучения той или иной дисциплины. В основу авторского обоснования положен подход авторского курса криминалистики профессора О.Я. Баева.

Ключевые слова: юридическое образование, юриспруденция, право, правоприменение, преступление и наказание, литература, художественные произведения, нравственность, воспитание, юридическая наука, криминалистика, уголовное право, уголовный процесс, судебная власть.

Abstract. The author has developed and proposed the concept of analyzing the plots of classical literary works from the point of view of modern judicial proceedings, including the interaction of participants in the process, evidence, and motivation of decisions. The article proposes a list of works of classical fiction, systematized taking into account the course of study and the disciplines studied within it, from the point of view of the importance of mastering the relevant discipline. The list is arranged in chronological order based on the plot and analyzed legal categories of interest in the framework of the study of a particular discipline. The author's justification is based on the approach of the author's criminology course of Professor O.Ya. Baev.

Keywords: legal education, jurisprudence, law, law enforcement, crime and punishment, literature, works of art, morality, education, legal science, criminology, criminal law, criminal procedure, judicial power.

Сегодня наблюдается позитивная тенденция обращения государства к нашей истории и культурному наследию, учету накопленного нашей страной опыта, историческим событиям и достижениям во всех сферах, значимости исторических источников права и произведений искусства, в частности классической литературы. Глубину и значимость их влияния на становление личности и развитие общества и государства сложно переоценить. «Литературное наследство» является объектом исследовательских проектов как основа теоретических построений об общности культурно-исторического развития человечества и главных стадий и формаций в развитии народов, о единстве всемирного литературного процесса [4, с. 3-7; 5, с. 180-187; 6, с. 118-124].

Понимание важности истории и культуры страны, осознание правовых отношений и процессов в обществе и государстве, восприятие содержания и функционирования технологии и техники формируются при получении лицом общего, среднего и высшего образования.

Образование в жизни любого человека играет роль фундамента для строения, с одной стороны визуально незаметной, но жизненно необходимой основы, в отсутствие которой строение нежизнеспособно. Без образования невозможно развитие человека, и, как следствие, – общества и государства в целом. Качество образования напрямую влияет на качество жизни индивида и общества, на темпы экономического, технологического, правового развития государства, уровень здравоохранения и обороноспособности, а в конечном итоге, – роль и статус государства на мировой арене.

Юридическое образование представляется крайне важным для страны, поскольку юристы, правоведы, законодатели и правоприменители стоят на переднем крае обеспечения правовой основы и функционирования государства, защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, формирования законодательной системы и процесса правоприменения в государстве.

Юридическое образование, равно как и юридическая наука и правоприменение должны меняться и совершенствоваться в унисон развитию общества, меняющимся общественным отношениям и стремительно развивающимся технологиям. Уместной и в контексте предмета исследования представляется цитата из произведения Л. Кэрролла «Алиса в зазеркалье»: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы двигаться вперед, надо бежать как минимум вдвое быстрее!» [8, с. 43].

В подтверждение изложенного мнения авторов отметим, что отнюдь не правовые категории мудро заложены законодателем в основу принятия судом итогового решения по результатам рассмотрения уголовного дела.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле

доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Внутренним убеждением является «личностное, внутреннее явление, мнение по поводу имеющихся в уголовном деле доказательств» [6, с. 146-147].

Согласно отраженной в Определении от 12.07.2005 № 323-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав ст.ст.17, 88, 234 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» позиции Конституционного Суда РФ, принцип, предусмотренный ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ должен повлечь исключение принятия произвольных и необоснованных решений. Должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, в ходе оценки доказательств «опираются на свои представления и профессиональные знания о праве, понимание юридического, социального и нравственного содержания правовой системы государства, официальное и научное толкование юридических норм, подчиняют их оценку не только профессиональному правосознанию, но нравственному самоконтролю, основанному на общечеловеческих ценностях и истинах, представлениях о добре и зле, справедливости и порядочности» [10, с. 146-147].

Совесть определяется в толковом словаре как чувство нравственной ответственности лица за свое личное поведение перед окружающими людьми, обществом [9, с. 741], т.е. является понятием философским, этическим, а, следовательно, фундаментальным.

Для судьи, определяющего судьбу человека, жизненно важно видеть многомерность мира и внутреннюю взаимосвязь между явлениями. Именно произведения классической художественной литературы воспитывают человека в образном контуре, что позволяет понимать фундаментальные явления, их внутреннюю взаимосвязь и динамику развития всей системы общественных отношений. Вполне понятно, что судья в приговоре или ином итоговом решении не будет цитировать классические художественные произведения литературы, но безусловно будет руководствоваться воспитанными данными произведениями нравственными основами, принимая итоговое решение.

Полагаем развитие критического мышления в юридической плоскости в ходе обучения юридическим наукам невозможно без прочтения и детального разбора вершин человеческой мысли, определяющих понимание фундаментальных ценностей, коими без сомнения являются классические художественные произведения.

Согласимся с мнением Кодан С.В., что «российская художественная литература предоставляет широчайшие возможности для ее привлечения к юридическим исследованиям», «используя художественные образы, русские писатели представили свое видение нравственного и психологического содержания таких правовых явлений, как судебная деятельности, определение преступления и наказания, причинность преступности, описание тюремного быта и др.» (https://wiselawyer.ru/poleznoe/79269-khudozhestvennaya-literatura-istoriya-gosudarstva-prava-rossii-grani).

Процесс обучения профессии юриста, в особенности уголовно-правового направления, которое оперирует терминами добра и зла, нуждается во внедрении литературной классики, поскольку ни одно учебное, либо научное издание не осветило сущность внутренних мотивов действий, муки совести, психологию взаимоотношений и коммуникацию лица, совершившего преступление с должностным лицом, расследующим преступление, нежели Ф.М. Достоевский. Например, бесспорно наиболее сложной категорией уголовного права является такой элемент субъективной стороны преступления как вина. Вина как внутреннее отношение субъекта преступления к содеянному сложна в изучении, понимании и при квалификации. Интеграция произведений Ф.М. Достоевского в ходе изучения студентами вины как обязательного элемента субъективной стороны преступления является лучшей иллюстраций данной сложнейшей правовой и нравственной категории, что возможно только при детальном анализе первоисточника.

Кроме того, известно, что Ф.М. Достоевский был близким другом А.Ф. Кони, что позволяло великому писателю узнавать все тонкости психологической, правовой и процессуальной составляющей преступления, а также основывать большинство эпизодов своих

произведений на опыте и советах выдающегося юриста и судебного оратора. В частности, например, А.Ф. Кони оказывал содействие в посещении Ф.М. Достоевским «колонии, в которой содержались малолетние преступники» на Охте, в ходе которых писатель осуществлял попытки познания особенностей психологии и «теорию воспитания», воссоздавая посредством данных наблюдений интересные литературные образы в своих высокохудожественных произведениях [7, с. 143].

Весомым аргументом в пользу позиции авторов по исследуемой проблематике является подход основателя Воронежской криминалистической школы, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации О.Я. Баева. Проанализировав его курс лекций «Основы криминалистики» для студентов высших юридических учебных заведений и факультетов, констатируем факт содержания на страницах курса четырнадцати цитат со ссылками на Библию, шедевры русской и зарубежной классической художественной литературы и даже на картину Винсента ван Гога «Прогулка заключенных», 1890 г. [1, с. 13].

Так, со ссылкой на Книгу Бытия, глава 4, 4:9, 4:10 автор отмечает схему совершения убийства и попытку избежать ответственности, извернуться («разве я сторож») являющихся классической и в настоящее время последующее изобличение – «голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» и следующее за изобличением наказание (в рамках «указанного дела» выразившееся в изгнании и наложении «каиновой печати») [1, с. 10-11]. Отступая в повествовании лекций, О.Я. Баев воспользовался словами одного хорошего писателя – «нередко придется употреблять это почти одиссеевское словечко, ибо отступление в прозе – нечто вроде зигзага по пути в Итаку» [1, с. 10] (Аксенов В. «Скажи изюм», 1985 г.). Упоминая средневековые методы изобличения преступников, лектор ссылается на «Молот ведьм» Г. Инститориса и Я. Шпренгери, 1487 г. [1, с. 12]. При описании метода антропометрии, применяемого в целях распознавания преступников, в курсе лекций уместно приводятся цитаты из романа А.С. Пушкина «Дубровский», 1833 г.: «...Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос, да не карие глаза!», и трагедии «Борис Годунов», 1825 г.: «А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая» – так описан «злой еретик», и романа А. Дюма «Три мушкетера», 1844 г.: «...вспомним лилию на роскошном плече миледи из «Трех мушкетеров»» [1, с. 15, 16].

Рассматривая «интуицию должностного лица, являющегося субъектом выдвижения следственных версий в ходе процесса процессуального и криминалистического исследования преступления», профессор О.Я. Баев приводит следующее определение из научно-фантастического романа авторства А. Азимова «На пути к Академии», 1993 г.: «это свойственное человеческому разуму умение находить ответ в ситуации, когда у него недостает точной информации, а та, что есть, порой противоречива» [1, с. 128-129].

Детальное обоснование категорической обязательности установления следователем каждого необходимого следствия, которое вытекает из соответствующей версии о виновности обвиняемого в инкриминируемом преступлении для полноты и объективности расследования и последующего раскрытия, а в противном случае неизбежности следственной, а затем, зачастую, и судебной ошибки, О.Я. Баев красноречиво иллюстрирует судебным процессом в отношении Дмитрия Карамазова из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [1, с. 135-136].

С положительной стороны оценивая разработанные криминалистикой системы оценивания этически допустимых тактических средств, лектор подчеркивает, что это «позволит уменьшить вероятность рассмотрения права с позиции «факультета ненужных вещей» – науки о формальных, бумажных процедурах», приводя цитату из романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей», 1975 г. [1, с. 208].

Анализируя содержание тактических операций, О.Я. Баев в том числе ссылается на роман Л.Н. Толстого «Война и мир», 1863 г., а также роман Ильфа и Петрова «Золотой теленок», 1931 г. [1, с. 217, 238].

Все цитаты использованы автором абсолютно уместно в контексте объяснения и раскрытия правовых понятий и институтов. Убеждены, что, равно как и анализ следственной и судебной практики, изучение литературных произведений художественной классики позволит

студентам, будущим правоприменителям, научиться принимать процессуальные решения, руководствуясь как законом, так и совестью, формируя внутренне убеждение на глубоком понимании фундаментальных духовно-нравственных ценностей человечества, понимании добра и зла.

Так, например, в рамках криминалистического прочтения нами со студентами изучался роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Нет сомнения в том, что произведение содержит лучшее философское описание субъективной стороны преступления. Прочтение романа с уголовно-правовой и криминалистической точки зрения позволит студентам выработать навыки грамотного анализа обстоятельств совершения преступления, умение аргументировать и мотивировать свою позицию для суда и оппонента, способность динамично модифицировать свою позицию в соответствии с аргументацией процессуальных оппонентов, сформировать навыки анализа психологического аспекта преступления. Криминалистическое прочтение романа «Преступление и наказание» развивает у студентов аналитическое мышление, навыки критического осмысления правовых концепций и формирования междисциплинарного подхода к изучению права.

Изучению с точки зрения криминалистики, уголовного права и процесса романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» также весьма интересно и полезно для будущих юристов. Роман содержит наглядное описание собирания, анализа и оценки доказательств причастности лица к совершенному преступлению. Прочтение романа с уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической точки зрения позволит студентам выработать навыки анализа и оценки доказательств и процесса их формирования с правовой и этической точек зрения, соотнести значимость и влияние на правосудие религиозных, моральных и юридических норм, произвести тактический и психологический разбор речи защитника и обвинителя в контексте судебной ошибки, умение аргументировать и мотивировать свою позицию для суда и оппонента, способность динамично модифицировать свою позицию в соответствии с аргументацией процессуальных оппонентов, сформировать навыки анализа психологического взаимодействия с участниками правоотношений в рамках раскрытия и расследования преступлений. Юридическое прочтение романа «Братья Карамазовы» развивает у студентов аналитическое мышление, навыки критического осмысления правовых концепций и формирования междисциплинарного подхода к изучению права.

Проведение на практических занятиях со студентами деловых игр в качестве интерактивного способа обучения на основе классических художественных произведений литературы создаст мотивацию для их прочтения студентами, позволит понять и усвоить сущность фундаментальных основ человеческого бытия, изложенных в них, тем самым повлечет формирование универсальных и общепрофессиональных компетенций у будущих юристов. Как справедливо заметил А. Азимов в повести «Профессия», «Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет» (http://lib.ru/FOUNDATION/professia.txt). Надо отметить, что данная повесть, посвященная предназначению и выбору рода занятий, раскрытию таланта и потенциала вопреки всему будет весьма полезна студентам педагогических специальностей.

Виды практических занятий в интерактивной форме могут быть разнообразны, в частности научные семинары и круглые столы как внутривузовского, так и межвузовского уровня.

Любопытен с точки зрения уголовно-правовой квалификации сюжет убийства Фаустом Валентина. Описанное в поэме событие следует детально разобрать со студентами с точки зрения объективной и субъективной стороны преступления, определив мотив, форму вины, способ совершения деяния и в итоге квалифицировать согласно нормам действующего уголовного закона.

В рамках изучения студентами темы, посвященной построению и проверке следственных версий, весьма интересен и полезен будет разбор на практических занятиях романа В.О. Богомолова «Момент истины (В августе сорок четвертого…)». Это лучшее

произведение о военно-полевой криминалистике. Прочтение романа с уголовно-правовой и криминалистической точек зрения позволит студентам выработать навыки грамотного построения и отработки криминалистических версий, психологических и тактических особенностей опроса и допроса, анализа и оценки доказательств, умение аргументировать и мотивировать свою позицию для суда и оппонента, способность динамично модифицировать свою позицию в соответствии с аргументацией процессуальных оппонентов, сформировать навыки анализа психологического взаимодействия с участниками правоотношений в рамках раскрытия и расследования преступлений. Криминалистическое прочтение романа «Момент истины (В августе сорок четвертого…)» развивает у студентов аналитическое мышление, навыки критического осмысления правовых концепций и формирования междисциплинарного подхода к изучению права.

Одновременно подчеркнем, что задачи и практические ситуации, разработанные для закрепления теоретических знаний объективно и оправдано узки, в то время как сюжеты классических литературных произведений детальны и многогранны, что позволяет анализировать последние комплексно, с правовой, процессуальной и криминалистической сторон, что и необходимо для правоприменителя.

Аналогичным образом, например, в ходе занятий по изучению науки психологии проводится анализ эпизодов и ситуаций отраженных в классических художественных произведениях литературы, с проявлением, например, психологической проницательности персонажей, наиболее яркими из которых безусловно выступают герои Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [3, с. 52].

Помимо иллюстрации цитатами классических художественных произведений лекционного материала с последующим решением практических заданий на основе указанных произведений в рамках семинарских и практических занятий, полагаем уместным дополнение списка тем курсовых работ такими как юридико-правовой анализ классических художественных произведений и их сюжетов.

В свете изложенного, полагаем необходимым составить перечень произведений, ставших основой философского понимания добра и зла и включить данные произведения в список обязательной литературы учебных и рабочих программ соответствующих юридических дисциплин, в частности «Юридическая деонтология», «Теория государства и права», «Криминология», «Юридическая психология», «Гражданское право», «Уголовное право», «Уголовно-процессуальное право», «Криминалистика», «Оперативно-розыскная деятельность». Перечень обязательных к прочтению произведений не должен превышать порядка 30 наименований. Произведения должны быть включены в список основной литературы дисциплин в хронологической последовательности их изучения на соответствующих курсах. Например, роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» необходимо изучать на втором курсе направления подготовки «Юриспруденция» в рамках дисциплины «Уголовное право» в разделе «Общая часть». Роман В.О. Богомолова «Момент истины (В августе сорок четвертого…)» подлежит детальному анализу при изучении дисциплин «Криминалистика» и «Оперативно-розыскная деятельность» студентами четвертого курса, направления подготовки «Юриспруденция».

Безусловно, учитывая уважительное отношение нашего многонационального государства к достижениям, в особенности культурного значения других стран и народов, полагаем необходимым включение в список обязательных к изучению произведений мировой художественной литературы как русских писателей, так и писателей других стран.

Доказательство значимости классических художественных произведений для юридического образования можно оценить цитатой из величайшего романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «...Так вот, чтобы убедиться в том, что Достоевский – писатель, неужели же нужно спрашивать у него удостоверение? Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем. Да я полагаю, что у него и удостоверения-то никакого не было!...» [2, с. 370-371].

Крайне важно создать у студентов единую и широкую картину мировоззрения,

подчеркивая взаимосвязи действий человека, его внутреннего к ним отношения, достигнутых совершением действий результатов и как итог состояния общества в целом, поскольку чем более здоров индивид, тем более здорово общество. Особенно важным сказанное представляется для будущих юристов, героев борьбы добра и зла.

Литература:

1. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций / О.Я. Баев. М: Экзамен 2001. 432 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман / М.А. Булгаков. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2013. 415 с.
3. Есманская Н.Е. Использование художественных текстов в развитии профессиональной компетенции студентов-психологов / Н.Е. Есманская // Акмеология. 2013. № 4(48). С. 50-56.
4. Жевлакович С.С. Вперед к зияющим вершинам. О некоторых правовых аспектах реформы системы высшего образования // Юридическое образование и наука. 2023. № 09. С. 3-7.
5. Куделин А.Б. «Более чем тридцать веков исторической жизни человечества, отмеченной письменными памятниками» / А.Б. Куделин // Вестник Российской Академии наук. 2020. Том 90. № 2. С. 180-187.
6. Куделин А.Б., Московская Д.С., Спивак М.Л. «Литературное наследство» за все эти годы было таким большим делом...» к 90-летию академической серии «Литературное наследство» / А.Б. Куделин , Д.С. Московская, М.Л. Спивак // Вестник Российской Академии наук. 2022. Том 92. № 2. С. 118-124.
7. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. Л.: Лениздат, 1969. 496 с.
8. Кэрролл Л. Алиса в стране чудес. Махаон, 2018. 112 с.
9. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий / коллектив авторов; под общ. и науч. ред. д.ю.н., проф. А.В. Гриненко. Москва: «Проспект», 2021. 1288 с.

Шавловский Андрей Борисович
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева», преподаватель
(Москва, Россия)

ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМ И ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения систем и технологий искусственного интеллекта в криминалистике. Анализируются некоторые направления использования искусственного интеллекта при решении криминалистических задач. Отдельное внимание уделяется ограничениям применения алгоритмов машинного обучения, связанным с зависимостью результатов от качества обучающих данных. Подчёркивается, что использование систем и технологий искусственного интеллекта как инструментов должно основываться на принципах научной обоснованности, проверяемости результатов, нормативной регламентации и контроля со стороны сведущих лиц.

Ключевые слова: криминалистика, искусственный интеллект, цифровые следы, информационные технологии, машинное обучение, нейросети.

Abstract. The article discusses the possibilities of using artificial intelligence systems and technologies in forensic science. It analyzes some areas of using artificial intelligence in solving forensic problems. Special attention is paid to the limitations of using machine learning algorithms, which are related to the dependence of the results on the quality of the training data. It is emphasized that the use of artificial intelligence systems and technologies as tools should be based on the principles of scientific validity, verifiability of results, regulatory regulation, and control by knowledgeable individuals.

Keywords: forensics, artificial intelligence, digital traces, information technology, machine learning, neural networks.

Современные технологии и инновации оказывают серьезное влияние на механизм совершения преступных деяний, трансформируя применяемые злоумышленниками методы и средства. Как отмечает А.А. Бессонов, «широкий охват населения и всех областей жизни информационными технологиями спровоцировал стремительный рост преступлений, совершаемых с использованием этих же технологий» [1, с. 24].

Если ранее научно-технические возможности криминалистики ограничивались изучением традиционных материальных следов, то в настоящее время весомая часть криминалистически значимой информации представлена в цифровом формате, поскольку отличительной чертой современных видов преступлений является их неразрывная связь с цифровым пространством, что закономерно влечёт возникновение специфических следов –

цифровых. В криминалистике и судебной экспертизе категорию «цифровой след» ученые давно уже выделяют в отдельную и обособленную. Как отмечает Е.Р. Россинская, «если выделять информацию, формирующуюся в процессе работы с вычислительной техникой, в особую группу материальных следов, то наиболее рациональным мы полагаем обозначить их как «цифровые», поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий и связано с представлением информации в цифровой форме» [2, с. 572].

В последнее время различными научными школами и учеными изучаются вопросы использования систем и технологий искусственного интеллекта в криминалистической деятельности. А.А. Бессонов включает в перечень важных направлений развития для криминалистической теории и практики проведение научно-исследовательских работ о применимости цифровых технологий, прежде всего искусственного интеллекта, в деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [3, с. 13].

Научно-техническое значение применения технологий искусственного интеллекта в криминалистике обусловлено тем, что в условиях цифровизации криминалистическая деятельность связана преимущественно с обработкой и анализом больших массивов данных. Анализ таких данных представляет собой трудоемкий процесс и алгоритмы машинного обучения должны оказать помощь специалисту в изучении данных в кратчайшие сроки, выделяя ключевые закономерности. К примеру, при исследовании видеозаписей с камер наружного видеонаблюдения системы компьютерного зрения считывают геометрию лица человека, особенности его походки и могут выполнять сравнительный анализ с имеющимися данными в их базе.

В настоящее время системы и технологии искусственного интеллекта активно изучаются и внедряются в технико-криминалистические средства и розыскные инструменты. Они задействуются при решении диагностических и идентификационных задач, среди которых:

- распознавание лиц (биометрическая идентификация), предметов, государственных регистрационных знаков в массивах цифровых данных и их автоматизированное сравнение с имеющимися банками данных;

- автоматизированный анализ места происшествия (видеоаналитика) с выделением ключевых обстоятельств преступления: времени, места и способа совершения, подсчет числа фигурантов, автомобилей, предметов и пр.;

- автоматизированный анализ массивов цифровых данных с целью установления взаимосвязей между фигурантами уголовного дела.

Отдельное внимание необходимо уделить интеллектуальным системам поддержки принятия решений на основе алгоритмов машинного обучения, позволяющих выявлять устойчивые признаки и закономерности в изучаемых данных.

Вместе с тем, внедрение систем и технологий искусственного интеллекта в криминалистику требует выработки определенных подходов, поскольку генеративные модели искусственного интеллекта характеризуются ограниченной прозрачностью вложенных компанией-разработчиком алгоритмических решений. Качество работы алгоритмов машинного обучения прямо зависит от обучающей выборки данных. Так, если эти массивы данных неполные, содержат искажения или неверные сведения, то такие модели будут воспроизводить эти ошибки. По этой причине результаты, полученные с использованием алгоритмов машинного обучения, не могут рассматриваться как самодостаточное доказательство без надлежащей проверки и оценки.

Очевидно, что деятельность, связанная с применением систем и технологий искусственного интеллекта в криминалистике, требует регулирования. В этих целях членами рабочей группы из заинтересованных правоохранительных ведомств и федеральных министерств разработан проект национального стандарта (ГОСТ Р) «Искусственный интеллект для расследования преступлений. Общие положения». В проекте этого ГОСТа определена сфера его применения, указаны ссылки на связанные с ним нормативные акты, приведены ключевые термины [4, с. 8].

Таким образом, применение систем искусственного интеллекта в криминалистике открывает значительные возможности для повышения эффективности выявления, раскрытия и расследования преступлений. Использование таких технологий как инструментов должно основываться на принципах научной обоснованности, проверяемости результатов, нормативной регламентации и контроля со стороны сведущих лиц. Как подчеркивает Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, «искусственный интеллект – это дополнительный инструмент в руках человека, и в нашей практике он продолжает выполнять вспомогательную роль» [5].

Литература:

1. Бессонов А.А. Новый технологический уклад как вызов современной правоохранительной системе / А.А. Бессонов // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 3 ч., Москва, 25 апреля 2025 года. – М.: Академия управления МВД России, 2025. – С. 23-31. – EDN RGIRKU.

2. Россинская Е.Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности взаимосвязи и разграничения / Е.Р. Россинская // Вопросы экспертной практики. – 2019. – № S1. – С. 569-574. – EDN BNANIC.

3. Бессонов А.А. Искусственный интеллект как орудие преступлений и средство их расследования / А.А. Бессонов // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 10-17. – EDN BCEWVV.

4. Бессонов А.А. О разработке государственного стандарта по использованию искусственного интеллекта в деятельности по расследованию преступлений / А.А. Бессонов // Цифровые технологии современной криминалистики, использование специальных знаний: Материалы конференции, проведенной в рамках XXVIII Международной выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех-2024», Москва, 20 ноября 2024 года. – М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2025. – С. 5-8. – EDN BEEYXI.

5. Интерфакс-Россия: «Александр Бастрыкин: преступность перетекает в онлайн, но следствие к этому готово» // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item /2062124/ (дата обращения: 21.03.2026).

Шаталкина Наталья Андреевна
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики;
Страх Софья Олеговна
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
студент
(Барнаул, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассматриваются приемы установления психологического контакта с допрашиваемым, особенности выбора тактических средств и специфика подготовки к вербальным следственным действиям с участием несовершеннолетних.

Ключевые слова: вербальные следственные действия, несовершеннолетний, тактический прием, психологический контакт.

Annotation. The article discusses the methods of establishing psychological contact with the interrogated, the specifics of choosing tactics and the specifics of preparing for verbal investigative actions involving minors

Key words: verbal investigative actions, minor, tactical technique, psychological contact.

Государственная защита детства гарантируется Конституцией Российской Федерации (ст. 38) [3] и является приоритетным направлением политики в России [5]. Защита прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних приобретает значение в ситуациях, когда они становятся участниками уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальный статус несовершеннолетних имеет существенную специфику, которая должна учитываться, в том числе при производстве вербальных следственных действий.

Следственные действия, в которых доказательства выявляются «на основе речевого общения», называются вербальными, или устными, словесными [4, с. 681]. К вербальным

следственным действиям принято относить допрос, проверку показаний на месте и очную ставку, что обусловлено используемыми при их производстве познавательными приемам и способами передачи информации. Их проведение сопровождается многочисленными трудностями, которые связаны с необходимостью установления психологического контакта, преодолением противодействия со стороны допрашиваемого, установлением признаков лжи в излагаемых показаниях и применение тактического воздействия для получения правдивых и полных показаний. Вербальные следственные действия с участием несовершеннолетних имеют повышенную сложность в виду возрастных и психофизиологических особенностей допрашиваемых.

В частности, проведение вербальных следственных действий с участием лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, осложняется тем, что они обладают менее сформированными механизмами психологической защиты, их психика неустойчива, а суждения и воспоминания легко подвергаются изменению. Ситуация затрудняется и тем, что ребенку, который стал жертвой или очевидцем преступления, приходиться снова проживать травмируюший опыт и одновременно пытаться реконструировать события с максимальной точностью.

Данные факторы обуславливают повышенную сложность работы следователя. При подготовке к следственному действию он должен изучить особенности личности допрашиваемого для оценки его способности правильно воспринимать происходящие с ним события и давать о них показания.

Мы согласны с позицией авторов, отмечающих целесообразность проведения вербальных следственных действий после производства и получения заключения психолого-психиатрической экспертизы еще до проведения основного допроса несовершеннолетнего [2, с. 158]. Установленные в ходе данного исследования особенности психического развития подэкспертного лица могут быть весьма полезны при выборе и применении операциональных тактико-криминалистических средств для воздействия на допрашиваемого. Однако определение такой последовательности производства следственных действий неприменимо к первоначальному допросу несовершеннолетнего, поскольку полученный по его результатам протокол приобретает значение для проведения психолого-психиатрической экспертизы.

Организуя и руководя вербальным следственным действием, следователь несет ответственность не только за выбор подходящих тактико-криминалистических приемов, но и за создание правильной психоэмоциональной обстановки. Выстраивание психологического контакта уже на предварительной стадии следственного действия способно оказать колоссальное воздействие на его результативность. Важно создать комфортную атмосферу и сформировать у ребенка чувство безопасности, что позволит преодолеть боязнь малознакомых взрослых, участвующих в следственном действии, преодолеть стеснение и смущение, настроить на сотрудничество и предоставление правдивой информации о преступном событии. Этому будет способствовать деликатное и тактичное общение, проявление внимательности и эмпатичности к несовершеннолетнему со стороны следователя.

В этой связи, Е.В. Вэске, К.Ю. Соболева выделяют основные ошибки следователей в процессе проведения следственных действий с участием несовершеннолетних: 1) «чрезмерная сосредоточенность на составлении протокола следственного действия во время самого следственного действия, что приводит к вынужденно долгим паузам во время рассказа ребенка о событиях; 2) использование терминов и оборотов, не соответствующих возрасту и уровню развития ребёнка; 3) неверное или шаблонное понимание эмоциональных реакций несовершеннолетних» [1, с. 95].

Полагаем, что тактически верным будет предоставление несовершеннолетнему возможности давать показания в комфортном для него темпе. Особенно это значимо при получении показаний от малолетних детей, которым в силу их психофизиологических особенностей трудно удерживать в голове цепь излагаемых ими событий. Прерывая свободный рассказ ребенка репликами и вопросами, следователь рискует получить недостоверные и неполные показания.

Следует иметь в виду, что для несовершеннолетних характерна эмоциональная лабильность, это может приводить к проявлению ярких негативных эмоций в ходе дачи показаний (слезы, страх, агрессия). Безусловно, следователь должен реагировать на них с пониманием и без осуждения, ведь дополнительной задачей при проведении данного следственного действия является минимизация рисков нанесения повторной психологической травмы.

Формированию благоприятной психоэмоциональной обстановки при проведении вербальных следственных действий способствует участие специалиста. В отдельных случаях его присутствие при получении показаний от несовершеннолетнего допрашиваемого регламентируется законом (ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса РФ). При привлечении педагога необходимо учитывать возраст потерпевшего и его личностные характеристики. Так, например, при участии несовершеннолетнего дошкольного возраста целесообразно привлекать воспитателя, если ребенку 7-10 лет, то учителя начальных классов и т.д. Рекомендуется во всех случаях привлекать в качестве специалиста для участия в вербальных следственных действиях психолога. Использование специальных психологических знаний профессионалом облегчит установление доверительных отношений с несовершеннолетним и получение от него достоверных показаний.

Резюмируя изложенное выше, отметим, что производство вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних представляет повышенную тактическую сложность. Их производство требует от следователя тщательной подготовки для создания комфортной остановки, установления психологического контакта с допрашиваемым и правильного выбора операционных тактико-криминалистических средств. Атмосфера при производстве следственного действия должна создавать у несовершеннолетнего чувство защищенности, что настроит его на сотрудничество с предварительным следствием.

Литература:

1. Вэске Е.В., Соболева К.Ю. Психологические аспекты подготовки будущих сотрудников следственных органов для работы с несовершеннолетними потерпевшими / Е.В. Вэске, К.Ю. Соболева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 94-97.

2. Зайнуллин Р.И. Некоторые криминалистические проблемы производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего / Р.И. Зайнуллин // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2025. – Т. 167, кн. 3. – С. 152-162.

3. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398 – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

4. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.

5. Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/state-council/by-date/20.12.2024 (дата обращения: 01.04.2026).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

Шаталкина Наталья Андреевна
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики;
Солодовникова Алена Алексеевна
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
студент
(Барнаул, Россия)

ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОИЗВОДСТВУ ДОПРОСА

Аннотация. В статье рассматриваются этические требования к производству допроса. Анализируются тактические приемы, которые не могут использоваться в отношении допрашиваемого лица с точки зрения морали и нравственности.

Ключевые слова: допрос, этические требования, тактический прием, тактическая задача.

Annotation. The article examines characteristics of face-to-face confrontation with the suspect (accused) and the victim (witness) during fraud investigation. The author analyses tactical tasks inherent with the confrontation; 1)

Psychological training of bona fide interrogates; 2) Contact-making actions; 3) Investigative measures management; 4) Taking a new information from the interrogates; 5) Exposure of lie, inducement to testify truthfully.

Key words: interrogation, ethical requirements, tactical technique, tactical task.

Допрос является единственным следственным действием, которое проводится абсолютно по всем уголовным делам. При условии благоприятной следственной ситуации и высоком профессионализме следователя, производство допроса позволяет получить подробные сведения об обстоятельствах произошедшего преступного события и установить дополнительные направления для поиска доказательств по уголовному делу.

Вместе с тем, допрос – это психологически сложное следственное действие. Сложность допроса заключается в том, что допрашиваемый далеко не всегда сразу же дает следователю нужные для дела показания, поэтому схематический подход к процедуре допроса по формуле «вызвать-выслушать-зафиксировать показания в протоколе», как правило, обречен на провал [6, с. 94]. Кроме того, при проведении допроса следователь получает сведения о личной жизни граждан, вникает в ситуации, оказавшие травмирующее воздействие на их психику. Это требует неукоснительного соблюдения этических норм практических работниками.

Морально-нравственные требования, которые должны находить свое отражение, в том числе и при производстве следственных действий, представлены в Конституции РФ (глава 2) и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) (ст. ст. 7, 9-11, 14, 164 УПК РФ).

Следователь должен уделять внимание этическим нормам допроса уже на этапе подготовке к нему [2, с. 114]. Это ключевой этап, обеспечивающий эффективность следственного действия. Анализ материалов уголовного дела, характеризующих участника уголовного судопроизводства, позволяет сформировать представление о его личностных особенностях, интеллектуальных и нравственных качествах. Эти сведения определяют основу для определения тактической линии допроса с учетом индивидуальных черт предполагаемого допрашиваемого.

Следователь должен обладать развитыми коммуникативными навыками, позволяющими выстраивать доверительные отношения, а также уметь создать благоприятную обстановку, исключающую оказание психологического давления на жертв и очевидцев преступления. При производстве рассматриваемого следственного действия необходимо понимать психологию допрашиваемого, которая существенно меняется в зависимости от его роли в уголовном деле. С помощью психологических приемов следователь не только помогает допрашиваемому вспомнить нужную информацию, но и тем самым проверяет достоверных данных им показаний.

Беседуя с допрашиваемым, следователь должен проявлять искреннюю заинтересованность его судьбой. Если следователь равнодушен к человеку, в ходе следственного действия держится формально, сухо, психологический контакт между ними не возникнет [1, с. 330]. В связи с этим морально-этическая сторона допроса подозреваемого во многом определяется личностными качествами сотрудника правоохранительной системы. Тактические задачи не будут достигнуты, если следователь будет демонстрировать бестактность, хамство, грубое отношение к допрашиваемому.

При рассмотрении этических аспектов допроса также следует уделить внимание речевому этикету: следователь обязан обращаться к гражданам на «вы» (за исключением несовершеннолетних) и всегда сохранять спокойствие, вежливость и доброжелательность. Любое нарушение эмоционального равновесия во время допроса, как правило, имеет серьезные последствия, поскольку восстановить доверительные отношения после этого становится невозможно.

Представляется дискуссионным вопрос об использовании в ходе вербальных следственных действий психологических ловушек, направленных на разоблачение заведомо ложных показаний и стимуляции допрашиваемого к изложению истинных обстоятельств, связанных с преступным событием. Мы согласны с позицией авторов, согласно которой обман в любой форме, в том числе в виде так называемых «следственных ловушек» либо приемов «введение противника в заблуждение» не соответствует принципам уголовного процесса,

роняет авторитет следователя как представителя государственной власти. В отличие от подозреваемого (обвиняемого), у должностных лиц нет «права на ложь» [7, с. 148]. Полагаем, применение рассматриваемых тактических приемов в практической деятельности следователей может приводить к служебным злоупотреблениям со стороны сотрудников с низким профессиональным уровнем. Средства и приемы, используемые в работе сотрудников правоохранительных органов должны соответствовать не только нормам закона, но и нормам морали.

Подводя итог вышесказанному, отмеяаем, что этические требования к проведению допроса определяются как правовыми рамками, так и нравственными ценностями. Они предполагают уважение к личности допрашиваемого, создание комфортной психологической атмосферы при производстве следственного действия, выбор этичных тактических приемов для достижения тактических задач.

Литература:

1. Агафонова В.В. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / В.В. Агафонова, А.Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 778 с.

2. Ефремова О.М. Психологические и нравственные особенности допроса / О.М. Ефремова, О.А. Скоркина // 2024. №4. С. 113-123; Торопов С.С. О соотношении категорий «ложь» и «следственная хитрость» при расследовании преступлений / С.С. Торопов, М.А. Яворский // Право и практика. 2022. № 4. С. 129-134.

3. Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова, И.В. Александрова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 752 с.

4. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398 – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

6. Черевко И.М. О некоторых психологических аспектах при производстве допроса следователем / И.М. Черевко, С.Л. Никонович, В.А. Бекетов // Уголовное право и криминология. 2016. № 9. С. 121-125.

7. Шестакова Л.А. Нравственные основы допроса подозреваемого и обвиняемого / К. Аманов, А.А. Хальбаев // Юриспруденция. 2023. № 1. С. 146-151.

Шаховский Дмитрий Васильевич
Прокуратура Приазовского района Запорожской области,
помощник прокурора
(Бердянск, Россия);
Кондратюк Сергей Викторович
ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»,
доцент департамента публичного права,
кандидат юридических наук, доцент
(Тольятти, Россия)

ПОНЯТИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

УДК 343.97

Аннотация. Представлен историко-юридический аспект криминологической профилактики. Рассмотрены ее направления – экономическое, политическое и социальное. Подтверждена позиция об автономности системы общесоциальной, специально-криминологической и индивидуальной профилактики, относительно других направлений борьбы с преступностью. Расширен перечень участников криминологической профилактики. Сделан вывод о необходимости объединения мер криминологической профилактики с деятельностью государства и общественности по преодолению преступности.

Ключевые слова: антикриминальная политика, криминологическая профилактика, законодательные основы, общесоциальные меры, воспитательное воздействие.

Annotation. The historical and legal aspect of criminological prevention is presented. Its directions are considered – economic, political and social. The position on the autonomy of the system of general social, special criminological and individual prevention in relation to other areas of combating crime is confirmed. The list of participants in criminological prevention has been expanded. It is concluded that it is necessary to combine measures of criminological prevention with the activities of the state and the public to overcome crime.

Keywords: anti-criminal policy, criminological prevention, legislative framework, general social measures, educational impact.

Любое исследование объекта криминологии – преступности, её причин и условий, личности правонарушителя, – нацелено на разработку мер профилактики правонарушений. Прежде всего отметим, что в научной литературе и в нормативных правовых актах термины «предупреждение правонарушений», «профилактика преступлений», «противодействие преступности» обладают различной смысловой нагрузкой.

Так, Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») определены основы и общие правила функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в данной деятельности. Согласно указанному Закону, профилактика правонарушений представляет собой «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». Система профилактики правонарушений представлена как «совокупность субъектов профилактики правонарушений, лиц, участвующих в профилактике правонарушений, и принимаемых ими мер профилактики правонарушений, а также основ координации деятельности и мониторинга в сфере профилактики правонарушений».

Аналогичный способ построения дефиниции использован в специальном законе о профилактике правонарушений несовершеннолетних [1]: «профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних - система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении».

В то же время отмечаем отсутствие в действующем законодательстве единообразия по содержанию указанных терминов и понятий. Так, деятельность органов внутренних дел [2], направленная на превенцию преступлений путём выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, а также на профилактическое воздействие на граждан с противоправным поведением, определена термином «предупреждение преступлений».

Ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» , а также ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» используют термин «предупреждение (профилактика)» как элемент «противодействия» преступным проявлениям [3]. При этом, трактовка ст. 3 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» позволяет сделать вывод о том, что «профилактика» экстремистской деятельности и незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании является средством, а «предупреждение» – целью, то есть являются разноуровневыми понятиями.

В своих научных исследованиях авторы отмечают, что «сущность формулировок «предупреждение» и «профилактика» сами по себе не являются одинаковыми понятиями, однако они родственны и преследуют одну цель – не допускать совершения преступлений. Профилактика правонарушений является общим понятием и включает в себя меры предупреждения преступлений, поскольку правонарушение – понятие более широкое, чем преступление» [4; 5].

Иной подход демонстрирует исследователи, определяя предупреждение преступлений как «совокупность экономических, социальных, политических, идеологических, правовых и

иных мер, осуществляемых на общесоциальном и специально-криминологическом уровнях, путём профилактики, предотвращения и пресечения преступлений в целях их недопущения» [6]. Таким образом, профилактика рассматривается автором лишь как часть предупредительной деятельности, а именно одним из элементов, уровней этой деятельности, наряду с предотвращением и пресечением преступлений.

Данный подход поддерживают авторы, которые утверждают, что «предупреждение преступности, отражая весь комплекс мер по недопущению преступлений, предохранению от них людей, общества, государства, выступает как родовое по отношению ко всем иным видам превенции понятие» [2]. Другие авторы также утверждают, что профилактика является первым этапом предупреждения преступности [7].

Вместе с тем, ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» не внёс ясности в указанную проблематику, поскольку согласно данному закону «предупреждение правонарушений» представлено как одно из направлений профилактики правонарушений [8].

При рассмотрении вопроса о применении терминов обратимся к толковому словарю русского языка Ожегова С.И., где термин «предупреждение» представлен как извещение, предупреждающее о чем-либо, предостережение. В свою очередь профилактика характеризуется совокупностью предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка [9]. Исходя из буквального толкования указанных терминов напрашивается вывод, что «профилактика» – более широкое понятие, включающее в себя неограниченный инструментарий, направленный на недопущения совершения правонарушений.

Более подробно о существующих проблемах в юридической технике при использовании дефиниций по указанному вопросу высказался Мигущенко О.Н. Автор констатирует факт отступления законодателя от требований правотворческой техники и рекомендует «самоопределиться в теоретическом плюрализме, выбрать конкретный теоретический подход и соответственно единую систему терминов» [10]. Отметим, что научная позиция указанного автора базируется на трудах советских учёных Кудрявцева В.Н., Звирбуль В.К., Карпец И.И., Коробейников Б.В., утвердивших, что «в основе современной теории противодействия преступности лежит материалистическая идея о необходимости системного выявления и устранения причин и условий преступности на всех уровнях и прежде всего на общесоциальном» [11].

Подчеркиваем, что именно системность подхода в вопросах недопущения противоправных действий, применение для этой цели всего имеющегося комплекса мер и средств, привлечение максимального числа участников такой деятельности предполагает использование термина «профилактика правонарушений» как наиболее ёмкого.

Считаем назревшим внесение изменений в нормативно-правовую базу, регламентирующую предупреждение и профилактику правонарушений. Полагаем необходимым чёткое разграничение данных видов деятельности по субъектам профилактики и иными участниками профилактике правонарушений. Поскольку акцент в настоящей работе сделан на работе субъектов профилактики правонарушений, считаем необходимым принять за основу позицию Гулягина А.Ю. и Богдановой Т.В., согласно которой спор о правовой природе и сущности «профилактики правонарушений» и «предупреждения преступлений» носит искусственный характер, поскольку и «профилактика», и «предупреждение» нацелены на исключение причин, условий и обстоятельств, способствующих совершению правонарушений, порождающих административную или уголовную ответственность, в связи с чем указанные понятия тождественны [12].

Понятие же «правонарушение» предлагается использовать в усечённом объёме, как изложено в ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: «преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность» [13].

Рассмотрим этапы отечественной истории вопроса профилактики правонарушений. В трудах известного российского философа, писателя и государственного деятеля А.Н. Радищева (1749-1802) прослеживаются актуальные и для современности мысли о влиянии на законотворческую деятельность социальных условий жизни народа, об эффективности законов и предписаний. Им выдвинута идея создания правового государства, одна из главных задач которого – предупреждение преступности. Высказанные Радищевым А.Н. предложения по совершенствованию уголовного законодательства связываются с предупреждением правонарушений, с необходимостью найти «преграду» тяжбам и преступлениям. Российский мыслитель подчеркивал, что «правило всякого законоположения – правило, долженствующее почитаться всегда аксиомою, есть то, что лучше предупреждать преступления, нежели оные наказывать. Верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сии суть: 1-е, воспретительные, 2-е, побуждающие, 3-е, предупреждающие» [14].

В последующий период отечественной истории наступило понимание того, что профилактика преступности, наряду с другими методами борьбы с ней, несёт в себе громадный социальный потенциал. Данная концепция была воспринята марксистской социологией, теорией государства и права, на которых базировалась советская криминология. Советская юридическая наука, базируясь на марксизме-ленинизме, рассматривала вопрос предупреждения преступности в зависимости от общественно-экономических способах организации государства. Считалось, что в капиталистическом обществе предупреждение преступности ограничивается, как правило, лишь контролем за её уровнем, но не направлено на устранение её причин. «В социалистическом же обществе деятельность по предупреждению преступности направлена на её преодоление и подчинена исторической задаче коммунистического строительства. Следовательно, у нас профилактическая деятельность нацелена как на устранение обстоятельств, способствовавших совершению отдельных преступлений, конкретных их видов, так и на устранение конкретных причин преступности» [15]. Основное значение в работах советских учёных придавалось профилактике преступности несовершеннолетних. Меры профилактики, в соответствии с задачами коммунистического воспитания молодёжи, охватывали не только отдельные виды преступлений, но и всю систему борьбы с преступностью несовершеннолетних.

В период формирования в СССР криминология сформировалась как самостоятельной науки отечественные авторы исходили из того, что изучение преступности, личности преступника и других вопросов криминологии – не самоцель, а основа для разработки мер предупреждения преступности. В научной литературе СССР «предупреждение преступности» рассматривалось как довольно широкий комплекс мероприятий, проводимых властными институтами и общественностью с целью искоренения преступности и ликвидации причин, её порождающих. Основной частью этого социального процесса являлась деятельность по устранению криминогенных факторов и формированию социально активной личности, деятельность которой направлена на всеобщее благо, построение справедливого общества, в котором нет места преступности.

Перемены в социально-политическом устройстве страны, произошедшие в конце 80-х, начале 90-х годов, кардинально не изменили подходы учёных по вопросам профилактики правонарушений. Между тем, социально-экономические кризисные процессы того периода негативно повлияли на сознание людей, порождая в обществе тревожность и напряжённость, жестокость и насилие, а также социальные фрустрацию и конфликтность.

Особенно негативно повлияла на молодежь ломка системы ценностей, идейно-патриотического воспитания молодёжи. В подростковой среде культивировались негативные стереотипы поведения, получили все большее распространение алкоголизм и наркомания, укоренилась эгоистическая и иждивенческая психология. Одновременно через СМИ и массовую культуру романтизируется аморальный образ жизни, преступность и другие виды девиантного поведения. В таких условиях система профилактики правонарушений оказалась в глубоком кризисе и не смогла адаптироваться к новым вызовам. Как следствие, произошел

резкий рост преступности: количество преступлений, совершенных в 2006 году превысило показатели 1990 года в 2 раза.

Экскурс в историю становления и развития учений о профилактике правонарушений позволяет нам сделать заключение об основных подходах к указанной проблематике.

Основным направлением в борьбе с правонарушениями остаётся общесоциальная профилактика: экономическое, политическое и социальное оздоровление страны в целом, демократизация деятельности властных структур, духовное и нравственное очищение людей.

С одной стороны, проблему предупреждения преступности можно рассматривать как механизм управления социальными процессами, профилактика правонарушений выступает как часть системы социального регулирования общественной жизни.

С другой стороны, как средство воздействия на преступность её предупреждение приобретает значение самостоятельной системы общесоциальной, специально-криминологической и индивидуальной профилактики.

С точки зрения способов реализации поставленных задач, профилактика правонарушений предполагают две взаимосвязанные стратегии: стимулирование законопослушного поведения, нетерпимости к любым преступным проявлениям, с одной стороны, и пресечение вредного влияния источников криминальной опасности, что связано с ограничениями прав и свобод граждан, – с другой.

Выбор тех или иных методов воздействия на исследуемые процессы необходимо рассматривать в совокупности с субъектами правоприменительной практики, приведёнными в последующих главах.

Положительной тенденцией следует признать включение в определение понятия «профилактика правонарушений» социальных мер и мер воспитательного воздействия, что автоматически расширяет перечень участников деятельности по профилактике правонарушений и спектр возможных организационных, методических средств и способов влияния на обстоятельства, причины и условия, способствующие совершению правонарушений, влекущих административную либо уголовную ответственность и последующего формирования системы предупреждения правонарушений на общесоциальном уровне.

Литература:

1. Бучакова М.А. Законодательство Российской Федерации и Киргизской Республики о профилактике правонарушений: сравнительно-правовой анализ / М.А. Бучакова, А.А. Гайдуков // Алтайский юридический вестник. 2024. № 4(48). С. 47-53.

2. Хоменко И.В. Понятия и соотношение функций профилактики и предупреждения преступлений следователем / И.В. Хоменко, Ю.В. Деришев // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 1. С. 107-120.

3. Защита прокурором прав несовершеннолетних: Практическое пособие / Т.А. Васильева, И.И. Головко, Э.Р. Исламова [и др.]; Под ред. О.Н. Коршуновой. Москва: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2021. 588 с.

4. Мигущенко О.Н. Система профилактики правонарушений в Российской Федерации: терминологическая бессистемность / О.Н. Мигущенко // Российский следователь. 2017. № 8. С. 45-49.

5. Титушкина Е.Ю. К вопросу о понятии «предупреждение преступлений» и его соотношение с «профилактикой правонарушений» / Е.Ю. Титушкина, С.С. Иванов // Российский следователь. 2021. № 3. С. 55-59.

6. Гулягин А.Ю. Профилактика правонарушений и предупреждение преступности органами прокуратуры и другими правоохранительными органами / А.Ю. Гулягин, Т.В. Богданова // Российский следователь. 2024. № 6. С. 49-53.

7. Норкина А.В. Прокуратура РФ и ее рольв системе предупреждения преступлений / А.В. Норкина, А.В. Майоров // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 1. С. 9-19.

8. Организация деятельности прокуратуры: учебное пособие / О.Н. Коршунова, И.И. Головко, Э.Р. Исламова [и др.]. Санкт-Петербург: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024. 260 с.

9. Ившин В.Г. Виктимология: Учебное пособие / В.Г. Ившин, С.Ф. Идрисова, Л.Г. Татьянина. Москва: Волтерс Клувер, 2011. 264 с.

10. Мигущенко О.Н. Система профилактики правонарушений в Российской Федерации: терминологическая бессистемность // Российский следователь. 2017. № 8. С. 45 - 49.

11. Курс советской криминологии: предупреждение преступности // Звирбуль В.К., Карпец И.И., Коробейников Б.В. [и др.]; под ред. Кудрявцева В.Н. М.: Юридическая литература, 1986. 352 с.

12. Жеребцов А.Н., Помогалова Ю.В., Смоляров М.В. Комментарий к Федеральному закону от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2026).
13. Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции, Луганск, 07 ноября 2025 года. Самара: Самарама, 2025. 551 с.
14. Биография А.Н. Радищева, написанная его сыновьями / Подгот. текста, статья и прим. Д.С. Бабкина. М.; Л., 1959.
15. Курс советской криминологии: Предупреждение преступлений. – М.: Юрид. лит., 1986. 352 с.

Шинкевич Дмитрий Валерьевич
ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт МВД России»,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент
(Красноярск, Россия)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ВЫЯВЛЕНИЯ И УСТРАНЕНИЯ НАРУШЕНИЙ СУБЪЕКТОВ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

УДК 343.1

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы предупреждения, выявления и устранения ошибок и нарушений со стороны субъектов обвинения в уголовном судопроизводстве. Анализируется влияние современных криминогенных факторов на эффективность уголовного преследования. Подчеркивается важность неукоснительного соблюдения законности для повышения доверия граждан к правоохранительным органам.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, сторона обвинения, следственные ошибки, предупреждение нарушений, уголовное преследование, законность, правоохранительные органы, криминогенная обстановка.

Abstract. The article examines theoretical and practical problems of preventing, identifying, and eliminating errors and violations by the prosecution in criminal proceedings. The impact of modern criminogenic factors on criminal prosecution effectiveness is analyzed. The importance of strict observance of legality to increase public trust is emphasized.

Keywords: criminal proceedings, prosecution, investigative errors, prevention of violations, criminal prosecution, legality, law enforcement agencies, criminogenic situation.

Складывающаяся в текущий момент криминогенная обстановка характеризуется качественным изменением преступности, её транснациональным и организованным характером, высотехнологичностью, в связи с чем, особое значение придаётся повышению эффективности противодействия криминальным проявлениям и неукоснительному соблюдению законности при реализации функции уголовного преследования (обвинения), что является не только основными критериями оценки деятельности правоохранительных органов, но и служит повышению престижа службы и доверия граждан к правоохранительным органам.

Существенное влияние на эффективность криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности продолжают оказывать различные нарушения как уголовно-процессуального законодательства, так и непосредственно взаимосвязанного с ним, которые носят устойчивый и системный характер. Несмотря на существующие механизмы контроля и надзора нарушения норм права остаются незамеченным на протяжении длительного времени и оказывают значительное влияние в целом на эффективность деятельности субъектов со стороны обвинения. В большинстве таких случаев уголовно-процессуальный механизм устранения нарушений носит реактивный и запоздалый характер, не позволяет в полной мере своевременно выявлять все нарушения, что часто обусловлено их латентным (скрытным) характером.

Анализ правоприменительной практики показывает, что основная причина низкой эффективности и качества реализации субъектами обвинения своих функций заключается в допущении различных ошибок и злоупотреблений.[5] Высокий уровень отмены и изменения судебных решений (https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291. Дата обращения 07.12.2025 г.), а также уголовных дел, возвращаемых судом прокурору, свидетельствуют о существенных

[5] Далее в качестве обобщающего понятия будет использовать термин «нарушения».

недостатках, допускаемых субъектами сторон обвинения. Большинство нарушений можно было выявить или предотвратить, однако у правоприменителей отсутствовали понятные и конкретные рекомендации включающие соответствующие методики. В практической деятельности очевидно существует запрос перед юридической наукой о выработке соответствующих подходов.

Правоприменители нуждаются в понятных, простых и работающих алгоритмах выявления, устранения и предупреждения нарушений. Ярким примером подобных рекомендаций является журнал «Следственная практика», на страницах которого традиционно разбирались положительные и отрицательные примеры выявления и устранения следственных ошибок. Вместе с тем, изучение источников по указанному вопросу показало, что междисциплинарных рекомендаций на данную тему не разработано.

Очевидно, что решить столь сложную, многогранную и практически значимую проблему без определения сущности указанных негативных явлений, их причин и условий не возможно. При этом, стратегия минимизации ошибок и злоупотреблений должна заключаться в смещении акцентов с этапа реактивного устранения на этап их предупреждения путём всестороннего анализа причин и условий, выявления рисков наступления негативных последствий, с учётом всестороннего анализа всех допущенных нарушений.

В частности, на организационно-управленческом уровне должны вырабатываться программы, направленные на выявление и анализ нарушений по отдельным актуальным направлениям в конкретном регионе, формулирование предложений по их минимизации. На индивидуальном уровне должны быть выработаны методики предупреждения, выявления и устранения нарушений в рамках конкретного уголовного дела.

Исследованием проблемы ошибок субъектов обвинения занимались учёные различных научных отраслей, однако многообразие точек зрения не позволило достичь необходимого единообразия в понимании их сущности. В современных исследованиях учёные традиционно фокусируются на ошибках и злоупотреблениях отдельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности (следственных, прокурорских, оперативно-розыскных, адвокатских) либо рассматривают проблему в рамках узкоотраслевого деления (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминалистические, оперативно-розыскные и др.) [1, 2].

В концепции уголовно-процессуального механизма устранения следственных и судебных ошибок А.Д. Назарова, под ошибкой (следственной, судебной) понимается не содержащее признаков уголовно наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, выразившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства, и объективно препятствующее его нормативно-заданному достижению в виду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения) [4, с. 9-10]. Близкой к указанному определению является позиция Ю.П. Гармаева и А.А. Кирилловой [3].

Безусловно, традиционные классификации имеют важнейшее научное значение. Однако, отдавая должное фундаментальности проведённых исследований, следует констатировать, что указанный подход не позволяет комплексно подойти к вопросу о минимизации нарушений субъектов обвинения с учётом реализации ими своих функций.

В уголовно-правовой науке к указанной проблеме учёные обращались неоднократно. Следует заметить, что научные исследования в целях решения указанных проблем внесли существенный вклад в совершенствование указанных направлений. Научные труды убедительно показали, что правоприменители с большим интересом изучают описанные типичные и нетипичные ошибки и злоупотребления, используя эту практику для выработки правильных подходов в криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности.

Безусловно, любые разрабатываемые рекомендации будут практически значимыми

только в том случае, если они будут учитывать практику допускаемых нарушений.

Вместе с тем, отраслевой подход не позволяет в полной мере выявить все взаимосвязи нарушений. Так, процессуальные ошибки неизбежно детерминируют криминалистические, а неверное применение уголовного закона влечёт процессуальные ошибки.

Таким образом, разработка научного подхода к минимизации нарушений имеет сегодня крайне актуальное значение. Перед наукой стоит задача выработать соответствующие методики и внедрить их в практическую деятельность.

В целях комплексного решения вышеобозначенной проблемы предлагается под ошибкой субъектов обвинения в уголовном судопроизводстве понимать непреднамеренное действие (бездействие) либо решение указанных субъектов, а также их результат, выраженные в отклонении от действительных фактических обстоятельств дела или норм права, которые повлекли или могли повлечь недостижение целей уголовного судопроизводства и/или ущемление законных интересов личности.

К злоупотреблению субъектов стороны обвинения мы относим преднамеренное (умышленное) противоправное действие (бездействие) либо решение указанных субъектов, а также их результат, выражающееся в использовании ими своих полномочий (или служебного положения) вопреки законным целям и принципам, нормам уголовного судопроизводства, причиняющее вред правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства и (или) публичным интересам общества и государства либо препятствующее установлению фактических обстоятельств дела.

К субъектам стороны обвинения относят должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие и дознание; органы дознания (должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность); прокурора и государственного обвинителя, адвоката-представителя потерпевшего.

При этом, важно разделять понятия злоупотребления и ошибки. Следует заметить, что уже в дореволюционных источниках ошибка рассматривалась исключительно в контексте неумышленного проступка, не содержащего признаки злоупотребления по должности, то есть совершенного при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности [5, с. 637-638]. Этимологически это отличные друг от друга понятия. Ключевое различие кроется в том, что злоупотребление изначально предполагает преднамеренные действия либо решения, тогда как в ошибке преднамеренность полностью отсутствует, соответственно, этимологически они не могут отождествляться.

Ошибка – это всегда результат непреднамеренного заблуждения (неверного представления о фактах или нормах права), которое обусловлено добросовестностью либо неосторожностью. Любые ошибки и злоупотребления объединяются более широким, родовым понятием – нарушение закона (или отклонение от правовых предписаний). Нарушения касается только формы, а не содержания, так как являются объективным формально-юридическим понятием, означающим отступление от действительных фактических обстоятельств дела и/или норм права, независимо от субъективных причин. Д.И. Советов прямо констатирует: «Каждая юридическая ошибка без всякого исключения является нарушением норм права [6, с. 47]. Исходя из этого, все ошибки и злоупотребления, влекущие противоправный результат, являются нарушениями норм права, но не все нарушения являются ошибками.

Таким образом, ошибки и злоупотребления субъектов обвинения и нарушения норм права соотносятся как часть и целое (причина и следствие). Иными словами, по своим внешним (объективным) признакам и ошибка, и злоупотребления квалифицируются одинаково — они не соответствуют нормам права.

Предложенное понимание нарушений как ошибок и злоупотреблений создаёт единую концептуальную основу для междисциплинарных исследований, способствует определению закономерностей их развития и распространённости.

Методологически исследование ошибок и нарушений может включать в себя несколько этапов: 1) выявление и описание нарушений с учётом их видовой характеристики, специфики процессуального субъекта, вида деятельности; установление их причин и условий; 2) оценку

наступивших негативных последствий; 3) определение методов устранения; 4) выработку предложений по их предупреждению.

В целях выявления и описания нарушений мы предлагаем выделить их виды и классифицировать. Первичное деление в рамках разрабатываемой нами типологии должно проводиться с учётом содержания (характера) допущенных субъектами обвинения ошибок при реализации своих функций:

1. Фактические ошибки, связанные с установлением обстоятельств уголовного дела. Суть данного подкласса ошибок кроется в неадекватном (искажённом) отражении объективной действительности в сознании правоприменителя, что влечёт формирование недостоверного вывода о событии преступления, виновности лица и иных обстоятельствах. Исходя из структуры процесса доказывания, данный подкласс ошибок следует систематизировать по трём основным направлениям: 1. Ошибки в определении предмета доказывания. Ошибки данного вида связаны с искусственным сужением (реже — необоснованным расширением) круга обстоятельств, подлежащих обязательному установлению в силу требований ст. 73 УПК РФ. К ним относятся: неустановление обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, что выражается в невыдвижении и непроверке всех возможных по делу версий; неустановление обстоятельств в их причинно-следственной связи с другими с другими событиями, рассмотрение фактов изолированно друг от друга; неполное выявление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, а также характер и размер причинённого вреда. 2. Ошибки в определении пределов доказывания. В эту группу входят: формирование выводов о событии преступления, характере и размере причинённого вреда, а также о виновности лица без обоснования их достаточной совокупностью доказательств. 3. Ошибки интерпретации и оценки фактических данных (формирование выводов, которые объективно не подтверждаются собранными фактическими данными; формулирование выводов с использованием противоречивых фактических данных, которые не были устранены; формулирование выводов без обоснования использования противоречивых фактических данных, имеющих существенное значение; формулирование выводов без учёта обстоятельств дела, имеющих существенное значения, либо их необоснованное игнорирование без приведения мотивов отказа в их принятии.

2. Операционные (деятельностные) ошибки субъектов обвинения в применении организационно-тактических и технических средств. Исходя из механизма образования и уровня решаемых задач, данный подкласс ошибок следует строго систематизировать по четырём направлениям: 1. Стратегические ошибки (дефекты целеполагания и планирования). К ним относятся: неверное определение направления расследования и ошибочное формирование версий; ошибки планирования и прогнозирования; отсутствие системного подхода, неверная оценка сложившейся следственной ситуации и принятие решений без учёта тактического риска. 2. Тактические ошибки. К ним относятся: неэффективный выбор тактических приёмов, операций, и комбинаций: нерациональная последовательность их применения; ненадлежащее взаимодействие со специалистами и экспертами, необоснованный отказ от их привлечения в ситуациях, когда это объективно необходимо. 3. Технико-технологические ошибки связаны с прямым нарушением технологий обнаружения, фиксации, изъятия и исследования материальных носителей информации; нарушение правил изъятия и упаковки вещественных доказательств; использование ненадлежащих средств (применение несертифицированных или неисправных технико-криминалистических приборов. 4. Ошибки взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее - ОРД), отказ от привлечения сотрудника, осуществляющего ОРД, когда это целесообразно; неправильная координация деятельности сотрудников; использование результатов ОРД, по которым нарушено законодательство об ОРД и требования, предъявляемые к доказательствам; отсутствие совместного планирования реализации материалов; нарушение процедуры рассекречивания и передачи результатов ОРД в порядке ст. 89 УПК РФ. 5. Методические ошибки. Данная группа ошибок обусловлена несоблюдением или полным игнорированием субъектами обвинения соответствующих научно-практических рекомендаций, стандартов и алгоритмов. К типичным

проявлениям методических ошибок относятся: отказ от выполнения обязательных этапов методики расследования преступлений; отказ от использования криминалистических методик расследования конкретных видов преступлений либо методик поддержания государственного обвинения в суде, если это влечёт негативные последствия.

3. Процессуальные ошибки (нарушения уголовно-процессуальной формы) представляют собой несоблюдение субъектами обвинения установленного порядка осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Данный подкласс типичных ошибок следует систематизировать в следующие пять групп: 1. Организационно-процессуальные ошибки (нарушение условий производства по уголовному делу). 2. Ошибки, связанные с необеспечением процессуальных прав и гарантий участников судопроизводства нарушений. 3. Ошибки при применении мер процессуального принуждения. 4. Ошибки при собирании и фиксации доказательств. 5. Технико-процессуальные (ошибки в процессуальных документах).

4. Правовые (нормативно-оценочные) ошибки, связаны с неверным толкованием и применением правовых норм (ошибки интерпретации). Правовые ошибки возникают на этапе оценки, когда фактические обстоятельства дела субъектом установлены в целом верно, однако допускается непреднамеренное отклонение при выборе, истолковании или применении нормативно-правового предписания. Исходя из отраслевой принадлежности нарушенных норм, данный подкласс ошибок следует систематизировать по трём основным группам: 1. Ошибки в применении уголовного закона (нарушение требований Общей части УК РФ; применение не той статьи (пункта, части) Особенной части УК РФ, которая подлежала применению, либо неприменение надлежащей нормы; неправильное истолкование закона: трактовка нормы, противоречащая ее точному смыслу, разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ и искажающая волю законодателя. 2. Ошибки в применении уголовно-процессуального закона выражаются в неверной интерпретации норм УПК РФ. 3. Ошибки в применении бланкетного (межотраслевого) законодательства.

5. Ошибки, связанные с осуществлением ведомственного контроля и руководства (организационно-управленческие ошибки). Специфика данного подкласса заключается в том, что субъектами ошибок выступают должностные лица, наделённые властными организационными полномочиями. Основываясь на системно-функциональном анализе, данные ошибки целесообразно систематизировать в следующие группы: 1. Стратегические ошибки целеполагания и управления: ошибки, допускаемые при осуществлении процессуальной и управленческой деятельности в рамках уголовного дела. 2. Организационно-кадровые ошибки. 3. Процессуально-контрольные ошибки. 4. Ошибки неправомерного вмешательства.

В свою очередь, внутри каждого выделенного класса, учитывая характер допущенной субъектом ошибки, обособляются соответствующие видовые подклассы. Злоупотребления субъектов обвинения также могут быть классифицированы по их содержанию (характеру).

Вышеуказанный подход позволяет охватить все без исключения нарушения, проследить системные связи между ошибками и злоупотреблениями и создать прикладную типологию.

В целях предупреждения ошибок и злоупотреблений мы предлагаем системный подход к анализу их причин и условий. Ошибки субъектов обвинения никогда не происходят исключительно из-за субъективных качеств или только из-за внешних (объективных) условий. Общей причиной ошибки является взаимодействие определённых внешних и внутренних состояний — резонанс между объективной сложностью познаваемой ситуации и ограниченностью ресурсов субъекта. К условиям же следует относить объективные и субъективные факторы (например, дефицит времени, противодействие расследованию, некомпетентность и т.п.), которые сами по себе не вызывают следствие, но создают благоприятную почву для наступления причины. Причины и условия злоупотреблений также требуют самостоятельного исследования, что выходит за пределы данного научного исследования. Выделение известных условий, порождающих ошибки и злоупотребления и их распределение по определенным группам (классам) на основе выделения сходных признаков (оснований классификации), изучение и анализ указанных факторов является крайне важным для минимизации нарушений.

Особое значение для минимизации нарушений имеет исследование последствий, которые они влекут, их детальное описание, систематизация, оценка их существенности, а также возможности устранения или исправления.

С учётом отмеченного, предлагаемый подход к минимизации нарушений может представлять собой комплекс методов, алгоритмов и рекомендаций по их предупреждению, выявлению и устранению. В частности, они предполагают изучение уголовных дел и вынесенных процессуальных решений, следственной и судебной практики по определённой методике. К методам исследования следует отнести: применение метода интервьюирования и экспертных оценок; обобщение и анализ тематических информационных писем и обзоров правоохранительных органов; изучение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, анализ материалов дисциплинарных производств в отношении должностных лиц, материалов по жалобам граждан, прокурорских проверок; судебно-исковой работы по фактам реабилитации и другие. Перечисленные методы сегодня явно недооценены с точки зрения их влияния на повышение эффективности криминалистической и процессуальной деятельности.

Особое значение приобретает выявление закономерностей, которые обуславливают систематические нарушения при расследовании сложных, высокоуровневых преступных посягательствах и неэффективных методах противодействия им.

Формирование рекомендаций с учётом указанного подхода позволит качественно повысить их практическую и научную значимость.

Методы и методики минимизации нарушений могут быть использованы для решения широкого круга научных и практических задач уголовно-правовых наук, и прежде всего криминалистики и уголовного процесса, направленных на повышение общей эффективности деятельности. Механизм минимизации нарушений может функционировать одновременно на нескольких уровнях:

1. Научном – разработка междисциплинарной программы исследования ошибок и злоупотреблений с выработкой комплексных методик (алгоритмов, рекомендаций) по их предупреждению, выявлению, устранению. Вышеуказанная программа позволит учёным-разработчикам формировать различные отраслевые методики с обязательным учётом ранее выявленных нарушений;

2. Прикладном – мониторинг и прогнозирование нарушений правоприменителями в сложных ситуациях на основе систематизированных данных;

3. Дидактическом – целенаправленное обучение методам самокоррекции, диагностики и преодоления последствий нарушений.

Реализация такого комплексного подхода объективно обеспечит повышение общей эффективности уголовного судопроизводства и усилит гарантии защиты прав личности.

Таким образом, с целью преодоления практического и научного пробела предстоит решить принципиально новую, уникальную по масштабу и сложности междисциплинарную задачу – выработать методы и методики минимизации нарушений субъектов обвинения во всех сферах их проявления в уголовном судопроизводстве.

Используя интегративный подход к ошибкам и злоупотреблениям субъектов обвинения, можно выстроить надёжный механизм, направленный не только на устранение последствий, но и воздействующий на непосредственные причины и условия, их формирующие: обучая и поддерживая там, где субъект добросовестно заблуждался, и строго пресекая там, где он проявил недобросовестное отношение (неосторожность), либо допустил злоупотребления.

Обобщённые и систематизированные данные позволят правоприменителям предупреждать возможные нарушения в сложных или затруднительных (неопределённых) ситуациях. В перспективе дальнейшее изучение проблемы должно развиваться по пути углубленного междисциплинарного исследования различных видов ошибок и злоупотреблений.

Проведённый системный анализ служит также фундаментальной основой для совершенствования управленческих процессов в правоохранительных органах, позволяя выстроить комплексную систему мониторинга качества профессиональной деятельности.

Системные негативные факторы, влекущие ошибки субъектов обвинения, необходимо

последовательно устранять как на законодательном, так и на организационном (ведомственном) уровне.

Разрабатываемый механизм минимизации нарушений представляет собой целостную систему, объединяющую единую методологию и базирующиеся на ней прикладные методики и методы (программы, алгоритмы) по их предупреждению, выявлению и устранению.

Создание подобного механизма будет иметь гораздо более высокую практическую ценность, чем набор разрозненных отраслевых подходов. Конечная задача выработки и функционирования данного механизма — существенное повышение общей эффективности и качества уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Гармаев Ю.П. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков : монография / Ю.П. Гармаев, Д.Г. Шашин. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 168 с. – (Библиотека криминалиста). – ISBN 978-5-93295-452-2.
2. Гармаев Ю.П. Ошибки и нарушения закона в сфере оперативно-розыскной деятельности : практическое пособие / Ю.П. Гармаев, О.В. Викулов. – М.: Проспект, 2022. – 112 с. – ISBN 978-5-392-36596-8.
3. Кириллова А.А. Краткое руководство по судебному разбирательству уголовных дел об убийствах, предусмотренных частью первой статьи 105 УК РФ : практическое пособие / А.А. Кириллова, Ю.П. Гармаев. – М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2015. – 64 с. – ISBN 978-5-89784-196-7.
4. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.09 / Назаров Александр Дмитриевич. – Санкт-Петербург, 2017. – 745 с.
5. Сборник решений Общего Собрания кассационных и первого с кассационными Департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (с 1866–1896 г.) : с приложением указателей: постатейного и алфавитных по фамилиям и разрешенным вопросам / составитель А.К. Гаугер. – Издание неофициальное, 3-е, пересмотренное и исправленное. – Санкт-Петербург : Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1905. – 1500 с..
6. Советов Д.И. Преодоление ошибок в правоприменительной деятельности: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.1 / Советов Денис Игоревич. – М., 2023. – 191 с.

Шумаев Дмитрий Геннадиевич
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
доцент кафедры судебных и правоохранительных органов
кандидат юридических наук
(Донецк, Россия);
Ладченко Анастасия Витальевна
Луганский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской федерации»,
студент
(Луганск, Россия)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ МЕТОДИКИ

УДК 343.91

Аннотация. В статье проанализированы теоретико-методологические основы криминологического профилирования, определены его разграничения с криминалистическим профилированием. Предложено авторское определение криминологического профилирования. Выделены основные структурные этапы методики, ориентированной на изучение личности правонарушителя, групп риска, на выделение криминогенных факторов.

Ключевые слова: криминологическое профилирование, криминалистическое профилирование, личность преступника, профилактика преступности, типология правонарушителей.

Abstract. The article analyses the theoretical and methodological foundations of criminological profiling and distinguishes it from criminalistic profiling. The authors propose an original definition of criminological profiling. The key structural stages of the methodology focused on examining the personality of the offender, identifying high-risk groups, and determining criminogenic factors are outlined.

Keywords: criminological profiling, criminalistic profiling, offender personality, crime prevention, typology of offenders.

Современное состояние преступности в России характеризуется не только количественными изменениями, но и качественным усложнением её структуры, ростом

количества латентных форм, трансформацией мотивации правонарушителей и появлением новых моделей девиантного поведения. Эти процессы обостряют противоречие между динамикой преступности и возможностями традиционных методов анализа личности правонарушителя.

Несмотря на возрастающую потребность в аналитических инструментах, позволяющих глубже изучать личность правонарушителя, в российской научной традиции термин «профилирование» по-прежнему трактуется преимущественно в криминалистическом ключе. Так, В.О. Карпов [1], анализируя российскую и зарубежную практику, подчёркивает, что профилирование в России чаще всего рассматривается как разновидность визуального, расового или криминалистического профилирования, применяемого в оперативно-розыскной деятельности, ориентированного на реконструкцию личности неизвестного преступника. Криминалистическое профилирование базируется на следовой картине, способе совершения преступления, учитывает выбор жертвы и иные поведенческие признаки. Такое профилирование способствует эффективному расследованию.

Между тем, криминологический потенциал профилирования – как инструмента анализа личности преступника, групп риска и криминогенных факторов – остаётся разработанным в значительно меньшей степени, несмотря на устойчивый интерес к проблематике личности преступника в отечественной криминологии [2].

Отсутствие чёткого разграничения между криминалистическим и криминологическим профилированием приводит к смешению их целей, задач и методов, что затрудняет формирование целостной концепции профилирования в криминологической науке. В итоге, профилирование сводится либо к вспомогательному инструменту расследования, либо используется фрагментарно, без опоры на устойчивую теоретико-методологическую базу.

Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена необходимостью переосмысления места профилирования в системе криминологического знания, уточнения его понятийного аппарата и разработки методики, ориентированной на профилактику преступности. Важно опираться на уже сложившиеся подходы к изучению личности преступника, её уголовно-правовых и криминологических характеристик, а также на результаты исследований, посвящённых криминалистическому профилированию, чтобы выявить границы и возможности криминологического профилирования.

Целью настоящего исследования ставим конкретизацию понятия криминологического профилирования, а также содержания этапов методики криминологического профилирования.

Исторически криминалистическое профилирование формировалось как способ интерпретации поведения преступника, отражённого в следовой картине преступления. Поэтому оно первоначально воспринималось как разновидность криминалистического анализа и исследовалось учеными-криминалистами. Однако в криминологии, в отличие от криминалистики, оно долгое время оставалось лишь имплицитным элементом анализа личности правонарушителя.

По мере накопления эмпирического материала и развития криминологических исследований стало очевидно, что профилирование может выполнять и иную функцию – не только реконструировать личность разыскиваемого преступника, но и выявлять типичные модели преступного поведения, характерные для определённых социальных групп. Это расширение содержания профилирования связано с достижениями отечественных исследований личности преступника, где подчёркивается необходимость анализа её социальных, психологических и поведенческих характеристик в динамике [3]. Можно утверждать, что профилирование вышло за рамки криминалистики и приобретает самостоятельное значение в криминологии.

Разграничение криминалистического и криминологического профилирования стало вопросом методологическим, поскольку эти два направления опираются на собственные исследовательские задачи и моделируют разные уровни личности. Так, криминалистическое профилирование – это инструмент, ориентированный на конкретное преступление. С помощью этого метода, на основе анализа следовой картины расследуемого события, конкретизируется

способ совершения преступления, моделируются процессы выбора жертвы и поведенческие реакции преступника на обстановку события. Также на основе данного подхода осуществляется реконструкция индивидуальных характеристик разыскиваемого лица. Мы согласны с мнением А.Е. Григорьева и А.А. Охлопкова, что криминалистическое профилирование строится на сопоставлении признаков конкретного преступления с типовыми моделями, выявленными в ходе анализа аналогичных дел [4, с. 16-22]. Так, криминалистическое профилирование приобрело прикладной характер в плане решения задач расследования.

Криминологическое профилирование, в свою очередь, ориентировано на анализ преступности как социального явления. Оно направлено на моделирование совокупности преступных проявлений, выявляя при этом закономерности поведения правонарушителей, типичные сочетания криминогенных факторов и социальные условия, способствующие формированию преступных установок. В отечественной криминологии личность преступника рассматривается как сложная система социальных и психологических характеристик, формирующихся под влиянием среды [3, С. 268]. Криминологическое профилирование опирается именно на эту концепцию, позволяя выявлять группы риска и прогнозировать криминогенные тенденции.

Таким образом, различие между двумя видами профилирования заключается не только в целях, но и в логике анализа: криминалистика изучает индивидуальное, криминология – типичное; криминалистика отвечает на вопрос «кто совершил преступление», криминология – «почему совершаются преступления, и кто может их совершить».

Термин «профилирование» в широком смысле может быть отнесён к любой деятельности, направленной на определение характеристик преступника на основе доступных данных. В отечественной криминологии личность преступника традиционно рассматривается как совокупность социально значимых свойств, характеризующих лицо, совершившее преступление, в системе его связей с обществом, социальной средой и правовой системой [5]. Исследуются её социально-демографические, уголовно-правовые, морально-нравственные, психологические и иные характеристики, а также их связь с причинами и условиями преступности.

В криминологии профилирование приобретает собственное содержание. Оно направлено не на установление конкретного преступника, а на выявление типичных моделей преступного поведения, анализ факторов, влияющих на формирование криминогенных установок, на прогнозирование криминогенных тенденций. В этом смысле профилирование становится инструментом превентивного анализа, что позволяет выявлять группы риска и разрабатывать адресные меры профилактики.

Современная криминология рассматривает личность преступника как сложную систему социальных, психологических и правовых характеристик, формирующихся под влиянием среды и индивидуальных особенностей [3, С. 238]. Криминологическое профилирование, опираясь на эти данные, позволяет выявлять устойчивые сочетания факторов, повышающих вероятность преступного поведения. Тем самым оно расширяет возможности криминологического анализа. Криминологическое профилирование, опираясь на данные о личности преступника, позволяет не только описывать уже совершённые преступления, но и выявлять потенциально опасные сочетания факторов, повышающих вероятность преступного поведения. В этом смысле данный метод становится инструментом превентивного анализа.

Учитывая выявленные различия между криминалистическим и криминологическим профилированием, а также опираясь на разработанные в отечественной криминологии модели личности преступника. представляется возможным предложить следующее определение рассматриваемого понятия.

Криминологическое профилирование – это систематизированный междисциплинарный процесс выявления и описания типичных социально-демографических, психологических, поведенческих и ситуационных характеристик личности правонарушителя или группы риска, основанный на анализе закономерностей преступного поведения и направленный на прогнозирование криминогенных тенденций и разработку адресных профилактических мер.

Отметим, что в основу методики криминологического профилирования положен переход от разрозненных эмпирических данных к построению устойчивых моделей, пригодных для анализа и прогнозирования. В общем виде можно выделить несколько взаимосвязанных этапов методики криминологического профилирования.

На первом этапе осуществляется сбор и систематизация информации о преступности и личности правонарушителей: статистические данные, результаты социологических и психологических исследований, материалы уголовных дел, судебные решения, данные о социально-демографических характеристиках лиц, совершивших преступления. На этом этапе важна не только количественная, но и качественная оценка информации.

На втором этапе проводится аналитическая обработка данных: выявляются устойчивые тенденции, типичные сочетания признаков, связи между социальными условиями, личностными характеристиками и преступным поведением. Здесь используются методы статистического анализа, типологизации, кластеризации, метод сравнительного анализа.

На третьем этапе формируются криминологические профили – описания типичных моделей преступного поведения и групп риска, включающие социально-демографические, психологические и ситуационные характеристики. Эти профили могут быть ориентированы как на отдельные категории преступлений (например, насильственные, корыстные, рецидивные), так и на определённые социальные группы.

На четвёртом этапе осуществляется оценка практической значимости и валидности разработанных профилей: анализируется их пригодность для прогнозирования, разработки профилактических программ, оценки эффективности уже действующих мер. Важно, чтобы профили не носили сугубо описательный характер, а были встроены в систему принятия решений в сфере профилактики преступности.

Перспективы развития криминологического профилирования связаны, прежде всего, с углублением междисциплинарных связей, расширением эмпирической базы и внедрением современных аналитических технологий. Использование методов анализа больших данных, машинного обучения и прогнозного моделирования открывает новые возможности для выявления скрытых закономерностей в структуре преступности и поведения правонарушителей. Вместе с тем, это требует особого внимания к вопросам методологической обоснованности, этических ограничений и защиты персональных данных.

Важным направлением дальнейших исследований считаем разработку стандартизированных методик криминологического профилирования, позволяющих обеспечить сопоставимость результатов, их проверяемость и воспроизводимость. Не менее значимой задачей является интеграция результатов криминологического профилирования в практику органов, осуществляющих профилактику преступности, а также в деятельность социальных служб, образовательных учреждений и иных институтов, работающих с группами риска.

Подводя итоги отметим, что предложенное авторское определение криминологического профилирования позволяет закрепить его как самостоятельное направление криминологического анализа, опирающееся на междисциплинарный подход и ориентированное на профилактику преступности. Конкретизация этапов методики профилирования открывает перспективу дальнейшего развития криминологической профилактики.

Литература:

1. Карпов В.О. Криминологический анализ современного профилирования и его направлений / В.О. Карпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1(27). С. 94-97.

2. Филиппова, Е. О. Понятие личности преступника и значение ее исследования / Е. О. Филиппова // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Том 15. № 9А. – С. 283-289.

3. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. О.С. Капинус. – 2-е изд., перераб. и доп. – М : Юрайт, 2025. – 1132 с.

4. Григорьева Е.А. Методы криминалистического профилирования в раскрытии и расследовании преступлений / Е.А. Григорьева, А.А. Охлопкова // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2023. – № 2(30). – С. 16-22.

5. Бурлаков В.Н. Криминологическая характеристика личности организованного преступника / В.Н. Бурлаков, Л.В. Готчина Л.В // КриминалистЪ. – 2025. – № 4 (53). – С 17-23.

Шутемова Тамара Васильевна
ОАНО ВО «Волжский университет имени В.Н. Татищева»,
старший преподаватель
(Тольятти, Россия)

И ВНОВЬ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 343.9

Аннотация. Развитие криминалистики с учетом современных технологий ставит задачи определения криминалитистической стратегии, криминалистической политики, подчеркивается важность создания единого центра криминалистики.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая политика, стратегия криминалистики, единый центр криминалистики.

Abstract:.The development of forensic science, taking into account modern technologies, sets the task of defining a forensic strategy and policy, and emphasizes the importance of creating a unified forensic center.

Keywords: criminalistics, criminalistics policy, criminalistics strategy, unified center of criminalistics.

Будущее криминалистики многие исследователи связывают с цифровизацией, использованием искусственного интеллекта, прогнозируется разработка частной теории «Криминалистическая футурология» [1, с. 957], изданы учебники по цифровой криминалистике.

Создание цифровой экосистемы правохранительных органов, по мнению В.Б. Вехова, М.В. Савельевой, А.Б. Смушкина, требует решения таких задач, как: «1) дистанционной инициации уголовного дела; 2) формирования электронного уголовного дела; 3) реализации дистанционных следственных действий; 4) реализации концепции электронных доказательств; 5) активного применения криминалистической робототехники; 6) оптимизации применения нейросетей и искусственного интеллекта; 7) активного внедрения аналитики больших данных» [2, с. 84-85]. В решении этих задач немаловажная роль принадлежит криминалистике, как науки, через которую в наибольшей своей части в уголовное судопроизводство происходит внедрение достижений научно-технического прогресса.

Для решения выдвинутых залач недостаточно только их научно-практического обоснования и исследования. Важное значение имеет отношение государства, то есть проявление криминалистической политики. Ю.В. Гаврилин совершенно точно определил ее понятие, как «выражение отношения государства к деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, определяющая направления развития научно-технических, тактических и организационно-управленческих средств решения задач уголовного судопроизводства» [3, с. 99].

Полагаем, что для определения стратегии развития криминалистики и криминалистической политики до настоящего времени не потеряло своей актуальности и значимости предложение Р.С. Белкина о создании научного криминалистического центра, задачами которого были бы планирование и координация научных исследований, единое руководство ими, четкое определение направлений научных исследований в криминалистике, оперативное обеспечение исследователей научной информацией, соблюдение необходимых пропорций в проведении фундаментальных и прикладных исследований [4, с. 42] О необходимости такого центра высказывались А.Ф. Волынский [5, с. 77] , Н.П. Яблоков [6, с. 27], С.А. Ялышев [7, с. 120] и др. По сути такое же предложение было высказано и К.И.Сотниковым и О.Л.Романовой о разработке ведущими кафедрами криминалистики вузов страны стратегии развития криминалистики на 5-10 лет с обсуждением этого документа на Всероссийском конгрессе криминалистов [8, с.157]

В рамках определения криминалистической стратегии и криминалистической политики должен быть установлен баланс между традиционной криминалистикой и, так называемой, цифровой криминалистикой. Мы поддерживаем мнение К.И.Сотникова о том, что «создание в чистом виде цифровой, роботизированной криминалистики, внедрение искусственного интеллекта предполагает исключение человека из процесса противодействия преступности.

Такой вариант противоречит сущности уголовного судопроизводства и по техническим причинам в ближайшей перспективе не просматривается».[9, с.489] В целом, такая позиция согласуется с позицией Президента Российской Федерации В.В. Путина на Совещании судей общей юрисдикции, арбитражных и военных судов 19 февраля 2026 года : « Технологии развиваются, идут вперед, причем такими темпами, что за ними даже не успеваешь следить. Что будет уже завтра, трудно предсказать, что будет завтра. Но, бесспорно, во всяком случае сегодня, что никакие технологии не заменят судью. Решения судов касаются судеб людей и они должны приниматься человеком. Только он может увидеть, почувствовать, понять точнейшие нюансы в делах, точнейшие и тончайшие, которые рассматриваются судом. Качества, которые присущи только человеку, основанные на его опыте, общей культуре, интуиции, характере, чувствах справедливости и гуманизма нередко определяют исход правовых споров.» [10].

Литература:

1. Вехов В.Б, Смушкин А.Б. Цифровое состояние криминалистической науки (актуальные и песрсппктивные разработки и и их практическое воплощение)//Baikal Researt Journal. 2025. Т.16 № 3 С.954-962.

2. Вехов В.Б., Савельева М.В., Смушкин А.Б. К вопросу о создании единой экосистемы уголовного судопроизводства //Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2025. № 2. С 82-94.

3. Гаврилин Ю.В. О понятии и содержании государственной научно-технической политики в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности (криминалистической политики) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2(62). С.96-102.

4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.

5. Волынский А.Ф. Стратегическая проблема уголовного процесса и криминалистики : после дифференциации знаний необходима их интеграция / А.Ф. Волынский // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.

6. Яблоков Н.П. Некоторые проблемы современной криминалистики в свете сегодняшнего времени //Современная криминалистика :проблемы, тенденции, перспективы : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г./ Ред.-сост. М.А. Лушечкина.- М.:МАКС Пресс, 2015.

7. Ялышев С.А. Информационная коммуникация, как важнейшее условие повышения качества научных исследований, обучения и практической деятельности криминалистов// Криминалистика - прошлое, настоящее и будущее: достижения и перспективы развития: Материалы научно-практической конференции, приуроченный к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С.120-122.

8. Сотников К.И., Романова О.Л. Криминалистика и уголовная политика// Вестник Свнкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С.157-164.

9. Сотников К.И. Парадигма цифровизации криминалистики: частный взгляд на содержание и перспективы // Сенкт-Петербургский международный криминалистический форум. Материалы международной криминалистической конференции. Санкт-Петербург.2024. С.487-491.

10. Совещание судей общей юрисдикции, арбитражных и военных судов 19 февраля 2026 года // Интернет-ресурс: http://www.kremlin.ru/events/president/news/79181/videos (дата обращения 26.02.2026)

Эмирасанова Радмилла Альбертовна
БП (о) СМОВО- филиала ФГКУ «УВО ВНГ России по Республике Крым
полицейский 3 взвода полиции, 3 роты полиции
по охране объектов, отдельного БП СМОВО ФГКУ УВО ВНГ
России по Республике Крым
(Симферополь, Россия)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТА, ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОН В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовому анализу состава похищения человека. Рассматривается комплексный характер объекта преступления, эволюция его объективной стороны, включая современные способы совершения (использование цифровых технологий, препаратов, служебного положения), и проблемы установления субъективной стороны. Определяются начало и окончание преступления, субъект и возможность освобождения от ответственности по примечанию к ст. 126 УК РФ.

Ключевые слова: похищение человека; уголовно-правовая характеристика; непосредственный объект; личная свобода; объективная сторона; способы похищения; цифровые технологии; субъективная сторона;

прямой умысел; неосторожная смерть; квалификация преступления.

Annotation: the article is devoted to the criminal law analysis of the crime of kidnapping. It examines the complex nature of the crime's object, the evolution of its objective aspect, including modern methods of commission (use of digital technologies, drugs, official position), and problems in establishing the subjective aspect. The moment of the crime's commencement and completion, the subject of the crime, and the possibility of exemption from criminal liability under the note to Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation are determined.

Keywords: kidnapping; criminal law characterization; immediate object; personal freedom; objective side; methods of kidnapping; digital technologies; subjective side; direct intent; negligent death; crime qualification.

Уголовно-правовой охране личной свободы как одному из фундаментальных прав человека посвящена ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) – «Похищение человека» [1]». Однако в теории уголовного права на протяжении многих лет ведутся дискуссии относительно точного содержания непосредственного объекта данного преступления. Традиционная позиция, разделяемая большинством ученых, заключается в том, что непосредственным объектом похищения человека является личная (физическая) свобода человека [7, с. 45]. Под личной свободой в данном контексте понимается возможность индивида автономно, по собственному усмотрению, определять свое местонахождение, перемещаться и действовать. Посягательство на эту свободу выражается в противоправном изъятии человека из его привычной среды, перемещении в другое место и последующем удержании против его воли.

Однако существует и иная, более широкая трактовка. Ряд авторов, таких как А.В. Наумов [6], С.В. Бородин [8], полагают, что объектом преступления является не только личная свобода, но и безопасность жизни и здоровья потерпевшего. Свою позицию они аргументируют тем, что сам процесс похищения, перемещения и удержания сопряжен с реальным риском причинения вреда здоровью или даже смерти жертве, что осознается виновным. Данная точка зрения находит косвенное подтверждение и в законодательной конструкции ст. 126 УК РФ, где квалифицирующие признаки (ч. 2 и ч. 3) прямо указывают на связь похищения с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с причинением по неосторожности смерти или иных тяжких последствий.

Представляется, что наиболее обоснованной является комплексная позиция, согласно которой основным непосредственным объектом похищения человека выступает личная свобода, а дополнительным факультативным объектом – безопасность жизни и здоровья потерпевшего. Это означает, что при совершении «простого» похищения (ч. 1 ст. 126 УК РФ) без применения насилия объектом преступления является исключительно личная свобода. Однако, когда похищение сопряжено с реальным или потенциальным причинением вреда здоровью, безопасность жизни и здоровья становится равнозначным или дополнительным объектом уголовно-правовой охраны. Так, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» разъясняет, что насилие при похищении может быть, как физическим, так и психическим, и его опасность оценивается с учетом конкретных обстоятельств дела [2].

Эта проблема напрямую связана с вопросом квалификации похищения, когда виновный изначально не планировал применять насилие. Например, жертва была заманена в помещение обманом и добровольно следует за похитителем, который лишь затем приступает к ее удержанию. В данном случае, даже если физическое насилие не применялось, сам факт ограничения свободы передвижения и лишения возможности действовать по своей воле является насильственным актом в широком смысле. Состав преступления формальный, он считается оконченным с момента фактического захвата и начала ограничения свободы, независимо от длительности удержания [5]. Следовательно, умысел виновного изначально направлен на лишение свободы, а необязательное применение физического насилия не меняет квалификации по ч. 1 ст. 126 УК РФ. Если же в процессе удержания виновный начинает применять насилие, не опасное для жизни или здоровья (например, связывает), это уже охватывается основным составом и не требует дополнительной квалификации. Если же применяется насилие, опасное для жизни или здоровья, либо возникает иной

квалифицирующий признак, содеянное переквалифицируется на соответствующую часть ст. 126 УК РФ.

Таким образом, непосредственный объект похищения человека является сложным и может видоизменяться в зависимости от конкретных обстоятельств совершения преступления, что должно учитываться правоприменителем при квалификации.

Объективная сторона похищения человека, согласно диспозиции ст. 126 УК РФ, характеризуется тремя последовательными действиями:

1) захват (тайный, открытый, с применением насилия или без такового);

2) перемещение;

3) последующее удержание.

В современных условиях эти действия могут осуществляться с использованием новых, высокотехнологичных и изощренных способов, что требует их тщательного уголовно-правового анализа.

1. Использование средств цифровой коммуникации для заманивания жертвы. Классический сценарий уличного нападения все чаще заменяется схемами, построенными на социальной инженерии и доверии. Распространенным способом является заманивание под предлогом трудоустройства. Преступники создают фиктивные кадровые агентства или компании-однодневки, размещают привлекательные вакансии в интернете, проводят онлайн-собеседования и приглашают соискателя в офис для оформления документов или прохождения стажировки, который на деле оказывается местом для последующего похищения и удержания с целью принуждения к труду (в том числе в условиях рабства) или выкупа.

С уголовно-правовой точки зрения, сам по себе обман, использованный для добровольного следования жертвы к месту удержания, не исключает состава похищения человека. Как верно отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, «захват» может быть осуществлен не только физическим, но и психическим воздействием [4]. Момент окончания преступления в такой ситуации наступает не в момент заманивания, а в момент, когда жертва, оказавшись в помещении (или ином месте), лишается возможности его покинуть по своей воле, даже если первоначально она прибыла туда добровольно. Обман в данном случае является способом преодоления воли потерпевшего и облегчения совершения последующих действий по перемещению и удержанию.

2. Применение препаратов, лишающих воли. Использование сильнодействующих веществ, психотропных или наркотических средств (например, бензодиазепинов, клофелина, производных γ-оксимасляной кислоты) для приведения жертвы в беспомощное состояние представляет повышенную общественную опасность. Такой способ непосредственно посягает не только на личную свободу, но и на здоровье потерпевшего. Применение подобных препаратов с целью облегчить захват и перемещение должно квалифицироваться по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ – похищение человека «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья». Даже если реального вреда здоровью не было причинено, сам факт введения в организм неизвестного вещества, способного вызвать тяжелые последствия, создает реальную угрозу для жизни и здоровья, что подпадает под понятие опасного насилия [2].

Если в результате применения такого препарата по неосторожности наступает смерть потерпевшего, содеянное требует квалификации по ч. 3 ст. 126 УК РФ. Сложность доказывания в таких случаях заключается в установлении причинно-следственной связи между действиями виновного (введением препарата) и наступившими последствиями, что требует проведения комплексной судебно-медицинской и судебно-химической экспертиз.

3. Использование служебного положения. П. «г» ч. 2 ст. 126 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за похищение человека, совершенное с использованием служебного положения. Субъектами такого преступления могут быть как государственные или муниципальные служащие, так и частные лица, обладающие управленческими или контролирующими функциями в коммерческой организации (например, руководитель службы безопасности, охранник). Использование служебного положения может проявляться в различных формах:

- для доступа к жертве: например, сотрудник частного охранного предприятия, злоупотребляя полномочиями, под предлогом проверки документов задерживает человека и перемещает его в неизвестном направлении;

- для организации похищения: руководитель использует подчиненных и ресурсы компании для планирования и осуществления захвата;

- для обеспечения удержания: лицо использует принадлежащие организации или охраняемые им объекты (склады, подвалы, кабинеты) в качестве места для содержания похищенного.

Использование служебного положения не только облегчает совершение преступления, но и подрывает доверие к государственным и общественным институтам, что обуславливает его признание в качестве квалифицирующего обстоятельства.

Таким образом, эволюция способов совершения похищения человека требует от правоприменителя глубокого понимания объективной стороны состава преступления и способности квалифицировать действия виновных, даже когда традиционные формы насилия заменяются сложными методами манипуляции и злоупотребления доверием.

Как формальный состав, похищение человека считается оконченным с момента совершения противоправных действий по захвату и началу перемещения человека с целью его последующего удержания в другом месте. Не требуется, чтобы все три действия (захват, перемещение, удержание) были завершены; достаточно установить факт захвата и начала перемещения против воли потерпевшего. Длительность удержания не влияет на квалификацию по ч. 1 ст. 126 УК РФ, но может учитываться при назначении наказания. Началом преступления является момент совершения действий, непосредственно направленных на захват человека (например, насильственное завладение, применение обмана для заманивания в транспорт).

Субъект похищения человека – общий, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет (ст. 20 УК РФ). Это подчеркивает повышенную общественную опасность данного деяния.

Квалифицированные составы (ч. 2 и ч. 3 ст. 126 УК РФ) могут предусматривать и специального субъекта, например, лицо, использующее свое служебное положение (п. «г» ч. 2 ст. 126 УК РФ).

Субъективная сторона похищения человека характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что противоправно захватывает, перемещает и удерживает другого человека против его воли, и желает совершить эти действия. Однако на практике установление именно прямого умысла может быть сопряжено с определенными трудностями.

Проблемы установления прямого умысла. Основная сложность возникает в ситуациях, когда виновный утверждает, что действовал, например, в рамках «воспитательных» мер (родитель, насильно удерживающий ребенка, похищенного у второго родителя), либо в состоянии аффекта, либо без цели причинения какого-либо вреда, а «в шутку». В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, для наличия состава преступления не имеет значения мотив действий виновного (месть, корысть, хулиганские побуждения и т.д.), за исключением тех случаев, когда они указаны в законе в качестве обязательных признаков [2]. Целью похищения является именно лишение человека свободы. Поэтому, если лицо осознавало, что его действия направлены на ограничение свободы другого человека, и желало этого, его действия образуют состав преступления, предусмотренный ст. 126 УК РФ. Отсутствие цели получить выкуп или причинить иной вред не исключает умысла на лишение свободы.

Особую проблему представляет квалификация неосторожного причинения смерти в процессе похищения. Ч. 3 ст. 126 УК РФ устанавливает ответственность за похищение человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия. Данный состав сконструирован как преступление с двумя формами вины: умысел по отношению к основному действию (похищению) и неосторожность по отношению к наступившим последствиям (смерти).

Ключевым является разграничение ч. 3 ст. 126 УК РФ и ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Если смерть наступила в результате самих действий по захвату, перемещению или удержанию, которые по своему характеру не были направлены на лишение жизни, содеянное квалифицируется исключительно по ч. 3 ст. 126 УК РФ. Например, потерпевший умирает от сердечного приступа, вызванного стрессом при похищении; погибает в результате случайного падения при перемещении; умирает от асфиксии, непреднамеренно вызванной при связывании.

Если же смерть причиняется в результате самостоятельных, выходящих за рамки самого акта похищения, умышленных действий, квалификация может быть иной. Так, если виновный, применяя насилие, опасное для жизни, умышленно причиняет тяжкий вред здоровью, от которого наступает смерть, но сам он не желал, но лишь допускал ее наступление или относился к этому безразлично, содеянное требует квалификации по совокупности преступлений: по п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) и по соответствующей ч. ст. 126 УК РФ [8]. Однако если умысел виновного был направлен именно на убийство, а похищение явилось способом его совершения, то речь идет о совокупности ст. 105 и ст. 126 УК РФ.

Вопрос о вине в «иных тяжких последствиях». Помимо смерти, ч. 3 ст. 126 УК РФ предусматривает ответственность за причинение «иных тяжких последствий».

К ним судебная практика относит, в частности, самоубийство потерпевшего, психическое расстройство, крупный материальный ущерб, срыв ответственных переговоров, приведший к банкротству предприятия, и т.п. [2]. Проблема заключается в определении формы вины по отношению к этим последствиям. В доктрине уголовного права преобладает точка зрения, что «иные тяжкие последствия» также охватываются неосторожной формой вины. Виновный не желает их наступления, но либо легкомысленно рассчитывает их предотвратить, либо не предвидит, хотя должен и мог предвидеть.

Например, если похищенный, находясь в состоянии сильной депрессии из-за длительного незаконного лишения свободы, совершает самоубийство, виновный должен нести ответственность по ч. 3 ст. 126 УК РФ, если будет установлено, что он не предвидел такого исхода, но по обстоятельствам дела должен был и мог предвидеть возможность его наступления (неосторожность в форме преступного легкомыслия или небрежности). Если же виновный умышленно доводит потерпевшего до самоубийства путем систематических издевательств и угроз, содеянное может потребовать дополнительной квалификации по ст. 110 УК РФ.

Примечание к ст. 126 УК РФ предусматривает специальный вид освобождения от уголовной ответственности, не являющийся реабилитирующим. Лицо, впервые совершившее похищение человека (по ч. 1 или п. «а», «в», «г» ч. 2), может быть освобождено от ответственности, если оно добровольно освободило похищенного и при этом в его действиях не содержится иного состава преступления.

Условия применения:

1. Добровольность освобождения: Решение должно исходить от самого виновного, а не быть вызванным невозможностью удерживать потерпевшего (например, из-за риска задержания) или выполнением его требований. Мотивы могут быть любыми (раскаяние, страх наказания).

2. Отсутствие иного состава преступления: В действиях виновного не должно быть признаков других преступлений (например, причинения вреда здоровью, истязания, изнасилования, вымогательства). Если такие деяния имели место, освобождение по примечанию не применяется, и лицо несет ответственность по совокупности преступлений.

3. Применимость к составу: Данное примечание не применяется, если в действиях виновного есть квалифицирующие признаки, связанные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в», «д» ч. 2), либо если похищение повлекло последствия по ч. 3 ст. 126 УК РФ (смерть или тяжкие последствия).

Таким образом, правильная квалификация последствий похищения человека требует тщательного установления психического отношения виновного как к основному действию, так и к наступившим последствиям, с учетом специфики двойной формы вины, присущей ч. 3 ст. 126 УК РФ.

Правоприменительная практика сталкивается со значительными сложностями при разграничении похищения человека (ст. 126 УК РФ) от смежных составов преступлений, что зачастую приводит к судебным ошибкам. Ключевыми проблемами являются:

1. Отграничение от незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ). Это наиболее частая и сложная проблема. Формальный критерий – отсутствие признаков захвата и перемещения – на практике размыт. Например, если лицо было заманено обманом в помещение и затем там удержано, одни суды усматривают «захват» в момент психологического воздействия (обмана) и «перемещение» как сам факт прибытия в место удержания, квалифицируя содеянное как похищение. Другие же, акцентируя внимание на добровольности первоначального следования, видят в этом лишь незаконное лишение свободы. Верховный Суд РФ указывает, что для наличия похищения необязательно физическое насилие при захвате, достаточно установить, что виновный противоправно изъял потерпевшего из его микросоциальной среды. Однако единообразное понимание «изъятия» в казуальных ситуациях отсутствует. Особенно сложны случаи с так называемым «удержанием по согласию» (например, в отношении должника), когда первоначальное прибытие было добровольным, но последующий запрет на уход — насильственным. Проблема усугубляется значительной разницей в санкциях статей.

2. Отграничение от захвата заложника (ст. 206 УК РФ). Разграничение проводится по направленности умысла и адресату предъявляемых требований. При захвате заложника требования предъявляются государству, организации или третьим лицам, а общественная безопасность является основным объектом. При похищении требования (чаще о выкупе) адресованы непосредственно потерпевшему или его близким, а основным объектом является личная свобода. Однако на практике виновные могут комбинировать эти цели. Например, похищенному родственнику бизнесмена предъявляется требование о выкупе (похищение), но параллельно совершается публичное обращение к властям с политическими требованиями, используя факт похищения как рычаг давления (захват заложника). В таких ситуациях необходима квалификация по совокупности преступлений, но установление двойного умысла представляет серьезную доказательственную трудность.

3. Квалификация при трансформации умысла и реальной совокупности. Серьезной проблемой является изменение намерений виновного в процессе преступления. Если изначальный план похищения с целью получения выкупа в процессе удержания сменяется умыслом на убийство (например, из-за узнавания потерпевшим преступника), содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. 126 и ст. 105 УК РФ. Однако если убийство было изначально задумано как способ сокрытия похищения (например, устранение свидетеля), возникает вопрос о поглощении менее тяжкого состава (похищения) более тяжким (убийством). Судебная практика в этом вопросе неоднородна: одни решения исходят из поглощения, другие — из реальной совокупности, так как похищение является самостоятельным действием, создающим условия для убийства.

4. Проблемы с квалифицирующими признаками, связанными с группой лиц. Сложности вызывает разграничение похищения, совершенного группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 126) и организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 126). Нередко устойчивая группа, созданная для занятия преступным бизнесом (например, рэкетом), совершает единичный акт похищения. Квалификация по п. «а» ч. 3 ст. 126 требует доказательств, что группа была организована именно для совершения похищений или иных преступлений против личности, а не для иной преступной деятельности. Формальный подход к признаку «организованная группа» ведет к необоснованному ужесточению ответственности или, наоборот, к ошибочной квалификации по ч. 2.

Таким образом, для точной квалификации необходимо устанавливать не только

формальные признаки «захвата-перемещения-удержания», но и конкретные обстоятельства изъятия, характер и адресата требований, момент возникновения и трансформации умысла, а также истинные цели создания преступной группы. Это требует от следствия и суда глубокого анализа субъективной стороны и всей динамики развития преступного деяния.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Непосредственный объект похищения человека является комплексным. Его ядро составляет личная физическая свобода, однако при наличии квалифицирующих признаков, особенно связанных с применением насилия, безопасность жизни и здоровья становится равнозначным или дополнительным объектом посягательства. Это подтверждается законодательной структурой ст. 126 УК РФ и судебной практикой.

Непосредственный объект похищения человека является комплексным. Его ядро составляет личная физическая свобода, однако при наличии квалифицирующих признаков, особенно связанных с применением насилия, безопасность жизни и здоровья становится равнозначным или дополнительным объектом посягательства. Это подтверждается законодательной структурой ст. 126 УК РФ и судебной практикой.

Объективная сторона преступления эволюционирует, включая в себя современные способы, такие как цифровой обман для заманивания жертвы, применение химических веществ и использование служебного положения. Эти способы не отменяют классической триады «захват-перемещение-удержание», но требуют от правоприменителя гибкого подхода к оценке момента окончания преступления и характера применяемого насилия.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом по отношению к лишению свободы. Ключевой проблемой квалификации является разграничение умысла и неосторожности при причинении тяжких последствий. Состав, предусмотренный ч. 3 ст. 126 УК РФ, является материальным и предполагает двойную форму вины, что позволяет отграничивать его от смежных составов, таких как умышленное причинение вреда здоровью или убийство.

Разрешение указанных проблемных вопросов требует дальнейшего совершенствования как уголовного законодательства, так и правоприменительной практики, в том числе путем внесения разъяснений в постановления Пленума Верховного Суда РФ, с учетом постоянно меняющихся реалий и способов совершения данного опасного преступления.

Объективная сторона преступления эволюционирует, включая в себя современные способы, такие как цифровой обман для заманивания жертвы, применение химических веществ и использование служебного положения. Эти способы не отменяют классической триады «захват-перемещение-удержание», но требуют от правоприменителя гибкого подхода к оценке момента окончания преступления и характера применяемого насилия.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом по отношению к лишению свободы. Ключевой проблемой квалификации является разграничение умысла и неосторожности при причинении тяжких последствий. Состав, предусмотренный ч. 3 ст. 126 УК РФ, является материальным и предполагает двойную форму вины, что позволяет отграничивать его от смежных составов, таких как умышленное причинение вреда здоровью или убийство.

Разрешение указанных проблемных вопросов требует дальнейшего совершенствования как уголовного законодательства, так и правоприменительной практики, в том числе путем внесения разъяснений в постановления Пленума Верховного Суда РФ, с учетом постоянно меняющихся реалий и способов совершения данного опасного преступления.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 2.

3. Бородин С.В. Преступления против жизни и здоровья: квалификация и наказание по российскому уголовному праву. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2019. – 455 с.

4. Иногамова-Хегай Л.В., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовное право Российской Федерации. Особенная

часть: учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2021. – 800 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. В.М. Лебедев. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 1152 с.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 2: Особенная часть. – М.: Волтерс Клувер, 2020. – 568 с.
7. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2021. – 704 с.
8. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. – 864 с.

Bekposov Asset Tursynbekovich
Alikhan Bokeikhan University
Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines
Master of Laws
(Semey, Kazakhstan)

PREVENTIVE MEASURES AGAINST CRIMES COMMITTED AGAINST THE SEXUAL INVIOLABILITY OF MINORS

Abstract. The annual increase in the number of criminal offenses committed against the sexual inviolability of minors necessitates the strengthening of state policy in the field of protecting the rights and freedoms of minors in our country.

Despite the adoption of a number of international and national legal instruments in the sphere of protecting and ensuring the rights and freedoms of minors, their safety within society and the family remains inadequately ensured.

The article describes the social danger of criminal offenses against the sexual inviolability of minors and the factors influencing them. The authors examine statistical data on crimes against the sexual inviolability of minors in the country over recent years. In addition, effective solutions are proposed to improve the prevention of such criminal offenses.

Keywords: minors, sexual inviolability, sexual violence, guardianship and trusteeship authorities, World Health Organization, child with disabilities, Convention on the Rights of the Child.

Introduction. Ensuring the rights and lawful interests of minors and protecting them from any form of violence is one of the priority directions of state policy. According to the 2022 data of the National Bureau of Statistics, 6,485,507 minors live in our country, of whom 51.5% are boys and 48.5% are girls [1].

The high rate of crimes against the sexual inviolability of minors has become one of the most urgent issues of society in recent years. Its relevance is explained by the fact that this type of crime is committed against the most vulnerable and weakest category of people – children.

Since the moment the Republic of Kazakhstan declared its independence and established itself as a democratic and legal state, nearly 45 normative legal acts have been adopted and about 15 international documents have been ratified with the purpose of protecting the rights and freedoms of minors. Among them, documents of special significance include the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948; the International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966; the Declaration of the Rights of the Child, adopted on November 20, 1985; and the Convention on the Rights of the Child of November 20, 1989.

Article 24, Part 1 of the International Covenant on civil and political rights attaches great importance to the fact that each child, regardless of language, religion, origin, race, color, national and social origin, property or birth status, should be fully protected by the family, society, state, as well as to take appropriate measures to fully ensure these rights [2]. The Preamble of the Declaration of the rights of the child, adopted on November 20, 1985, calls on parents, voluntary organizations, local authorities, government and non-governmental organizations to take all legislative and other necessary measures in order to ensure that children have a happy childhood and that they enjoy all the rights and freedoms provided for in the declaration as individuals [3].

According to Article 1 of the convention on the rights of the child (hereinafter referred to as the convention), «for the purposes of the convention, every person under the age of 18 is a child if the child has not reached the age of majority earlier in accordance with the applicable law» [4].

Article 34 of the convention states that «States Parties undertake to protect the child from all

forms of sexual exploitation and sexual abuse. To this end, States Parties, in particular, at the national, bilateral and multilateral levels:

a) to avoid inciting or coercing the child into any illegal sexual act;

b) to prevent the use of children in prostitution or other illegal sexual activities;

c) take all necessary measures to prevent the use of children in pornographic materials» [4].

The main part. Violence of a sexual nature is any acts of a sexual nature that are committed against the child against his will and taking advantage of his helpless state. According to some scientists, sexual violence is the involvement of adults in various sexual activities of a child in order to obtain sexual satisfaction or material benefits [5, s.10]. Acts of sexual violence consist of bullying, stalking a child, attempting to rape by committing indecent acts against a child, and having sex with him.

Crimes against the sexual inviolability of minors are characterized by a high level of latency. Since the victim of the crime is a child, he does not have the ability to resist the actions that are being carried out against him due to his insufficient physical strength, succumbing to feelings of fear and anxiety. Due to the peculiarities of age or state of health, for example, children with disabilities with mental and mental retardation, musculoskeletal disorders, do not have the opportunity to report such crimes against them to their parents and close relatives.

There is also a small number of cases when minor children became victims of sexual violence by their father or other male citizens living with their mother. The mother's distrust of the child's words, the fear of public prejudice, material or other dependence on the man, the mental pressure on the minor child from the offender, the child's helplessness are the main reasons for such crimes not to be reported to law enforcement agencies. It is no exaggeration to say that acts of sexual violence against minor children have become the scourge of today's society.

Crimes against the sexual inviolability of minors in their criminal nature have high activity and very serious consequences, such crimes have not only physiological, but also serious psychological consequences for the victim of a minor crime of any age, in particular, suicide (attempted suicide) in a minor child who has become a victim of a crime, aggression, exclusion from peers and deep depression, a sharp deterioration in academic performance, escape from home, , deep post-traumatic defects (enuresis, stuttering, various phobias) can lead to a complete violation of psychosocial development, which causes the appearance of sadomasochistic tendencies and changes in homosexual orientation.

In his address to the people of Kazakhstan in September 2023, the president did not ignore the issue of the safety of minors in our country. In his speech, the head of state noted that «the foundations of the formation of a complete personality and a conscious citizen are laid from childhood. Every child in our country should have a happy and Safe Childhood. As head of state, I demand increased punishment for any type of violence against minors.» [6]. The president's special emphasis on this issue is not unreasonable.

When writing the research paper, we turned to the statistical data of the competent authorities in order to identify criminal offenses against the sexual inviolability of minors in the country for 2022-2023. As a result, it turned out: the number of registered offenses related to the sexual inviolability of minors in the Unified Register of pre – trial investigations for 2022-2023 was 706 in 2022, and 591 in 2023 (in January - August) (table.1). Of these, 725 criminal cases were submitted to the court in 2022 and 458 in 2023 (table.2). Given the fact that there are still 3 months to the end of this year, our doubts that the indicators in these articles in 2023 may not fall less than in 2022 are not justified.

(Table.1)

Year	Rape (Article 120 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)	Rape (Article 120 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)	Sexual intercourse or other acts of a sexual nature with a person under the age of sixteen (Article 122 of the Criminal Code of the Republic of	Coercion to perform sexual acts, sexual acts by a man and a man, sexual acts by a woman and a woman, or other acts of a sexual nature (Article 123 of the Criminal Code of the Republic of	Putting young children on the path of immorality (Article 124 of the Criminal Code of the	Total

			Kazakhstan)	Kazakhstan)	Republic of Kazakhstan)	
2022	152	172	284	4	94	706
2023	130	153	212	5	91	591

(Table. 2)

Year	Rape (Article 120 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)	Rape (Article 120 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)	Sexual intercourse or other acts of a sexual nature with a person under the age of sixteen (Article 122 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)	Coercion to perform sexual acts, sexual acts by a man and a man, sexual acts by a woman and a woman, or other acts of a sexual nature (Article 123 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)	Putting young children on the path of immorality (Article 124 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan)	Total
2022	268	213	180	2	62	725
2023	151	131	133	2	41	458

According to the World Health Organization, about 16 million girls between the ages of 5 and 19 become pregnant and give birth every year, which is 11% of all births in the world. 95% of such cases are detected in low-and middle-income countries. According to Statistics, 30% of pregnancies in girls end with artificial termination of pregnancy, 14% with miscarriage and 56% with childbirth. Two-thirds of minors give birth out of wedlock. According to their social status, 72% of girls who become pregnant attend school. According to data from the information base of the Republic of Kazakhstan, in 2022 the number of pregnant minors aged 15-17 (inclusive) was 6.0% per 1000 population, which is 13% more than in 2021 [7]. This is only officially registered data. If we take into account the crimes of sexual violence committed against minors and their latency nature, the statistics shown (in Table 1.2) can be even higher.

One of the main categories of minor children is children with disabilities. According to a UNICEF report, it is estimated that there are 240 million disabled children in the world in 2021. According to the United Nations (hereinafter referred to as the UN), about 10 million children die each year before they reach adulthood or remain physically or mentally ill until they reach the age of five due to insufficient conditions for their survival and Development [8, STR.27]. According to data for 2022, the number of children with disabilities in the country reached 101,587. The procedure for establishing disability, its causes and terms is regulated by the rules for conducting medical and social expertise, approved by order of the minister of Health and social development of the Republic of Kazakhstan dated January 30, 2015 No. 44. The disability group is assigned in the country from the moment the child reaches the age of 7. On the basis of a medical and social examination, a child under 7 years old is assigned the category of a child with a disability - "child with a disability", children aged 7-18 years-1,2,3 groups. Disability is assigned to a child under 7 years of age - for a period of 6 Months, 1 Year, 2 years, 5 years or until the age of 7 years. Disability for a child aged 7 to 18 years is assigned for a period of -6 months, 1 Year, 2 years, 5 years or until the age of 18. A child with a disability is obliged to undergo a re-examination within the established period of these periods [9].

An important point that has come to our attention here is that no state body controls the observance of the rights and legitimate interests of the child after the appointment of disability, the absence of violations, the absence of violence by family members until the next examination period. Given that the nature of disability varies depending on the specifics of health, it is obvious that children, whom we have already mentioned above, with deep mental and mental disorders, with deep disorders of the musculoskeletal system (cerebral palsy), deaf and dumb (deaf) easily become "targets" of violent crimes of a sexual nature. It is no secret that the vast majority of children with deep mental and mental disorders, with deep disorders of the musculoskeletal system (a severe form of cerebral palsy) are not included in the inclusive education system in our country. They receive education at home or in special educational institutions with the conclusion of the psychological, medical and pedagogical Commission. In case of crimes of sexual violence on the part of close relatives and

employees of educational institutions in relation to such categories of children, it may never be reported to law enforcement agencies. Unfortunately, in the statistics of the competent authorities, we could not find registered criminal cases against disabled children at all. The category of children with disabilities was not singled out separately in statistical data, so it was impossible to look at the nature of the crimes committed against them. We believe that this is a sign of the need to improve the mechanism for protecting the rights of children with disabilities.

On July 14, 2022, at an expanded meeting of the government, the head of state proposed to develop a comprehensive plan for the protection of children from violence, suicide and ensuring their rights and well-being for 2023-2025. According to the Ministry of education and science, the Comprehensive Plan provides for a number of measures in the following areas:

- tightening the responsibility of people to respect the rights and interests of children;
- providing educational organizations with a comprehensive protection system;
- reducing the level of child abuse, delinquency and suicide among children, including strengthening psychological activities;
- providing qualified assistance to children in overcoming crisis situations;
- prevention of accidents among children on the roads, on the water, prevention of fires, attacks of animals on children, Prevention of children falling out of Windows;
- organization of awareness-raising activities to improve the legal literacy of children and parents, strengthen children's and parent relations [10].

As we have seen, in the Comprehensive Plan, the issue of protecting the rights and ensuring the safety of children with disabilities is neglected.

The results and discussion. According to research, 69% of violent crimes against children are committed by family members whose parents are drugged or systematically or often use narcotic substances. The World Health Organization also considers alcohol and drug addiction, the low financial situation of the family, the stories of parents (or one of them) being victims of violence in childhood-as risk factors for committing acts of violence against children [11].

The main state bodies that ensure the protection of the rights and legitimate interests of children in the country are guardianship and guardianship authorities. Chapter 2, Part 7, Paragraph 5 of the resolution of the government of the Republic of Kazakhstan dated March 30, 2012 No. 382 «on approval of the rules for the exercise of state guardianship and guardianship functions» (hereinafter referred to as the resolution) «the body shall protect the rights and interests of children, incapacitated or adult persons with limited legal capacity in accordance with the procedure established by law: - in case of a direct threat to the life or health of the child, on the basis of an act of the local executive body of the district, regional, city of Republican significance, capital, before the adoption of a court decision, the child is immediately removed from his parents or other persons under his guardianship.». This is only one area of activity of the guardianship and guardianship authorities. This resolution specifies 19 areas of activity of the guardianship and guardianship authorities. According to data, in 2021, only 299 specialists worked in the guardianship and guardianship authorities in the country [12]. On average, 1 Specialist received 17,000 children. In Karaganda alone, in 2021, there were 106,000 minors aged 0-18 years, 5 specialists and 1 methodologist performed the functions of guardianship and guardianship [13]. There were 361,362 minors in the East Kazakhstan region, and instead of the necessary 73 specialists, only 35 specialists worked [14].

If we take into account the number of specialists in these bodies and the 19 areas of activity specified in the resolution, the guardianship and guardianship authorities may be completely unaware of violent acts on the part of family members against children raised in disadvantaged families (as well as children with disabilities).

Conclusion.

The protection of the rights and freedoms of minors is relevant at any time. This should be the task not only of the state, but also of every conscious citizen, society as a whole. Despite the legislative measures being taken in the state in the field of protecting the rights and freedoms of minors, including the rights to sexual inviolability, this issue is still acute. As noted in the course of the research work, taking into account the relevance and latent nature of these crimes, we propose the following solutions:

1. Increasing the role of guardianship and guardianship authorities in the protection of the rights and freedoms of minors brought up in disadvantaged families. To implement this goal, increase the number of employees of the guardianship and guardianship authorities. Ensuring their close cooperation with educational organizations.

2. Increase the staffing of psychologists in educational organizations. According to the committee for the protection of children's rights of the Republic of Kazakhstan, there are 2,000 children per school psychologist in the country. The activities of a psychologist include children's diagnostics, corrective and preventive work, consultations, in addition to keeping journals, filling out various folders, protocols and maintaining photo reports. In international practice, there are 500 children per school psychologist. As we have seen in the country, school psychologists are physically unable to conduct practical hours due to the fact that the load on school psychologists is abnormal. This burden hinders the most important activities of psychologists in school, which should be carried out with minor children.

3. Mandatory monitoring of children with disabilities, including those who are not included in the general education system, are taught at home and placed in special educational institutions (with deep mental and mental disorders, with deep disorders of the musculoskeletal system (severe form of cerebral palsy), in the period up to the established period of transition to disability. This activity should be carried out by local government bodies together with the health care institution where the child is registered. This service is provided in the form of a full screening of this category of children for a certain period of time.

4. We consider it necessary to supplement the Comprehensive Plan for the protection of children from violence, suicide and ensuring their rights and well-being for 2023-2025 with the norm «tightening the responsibility of parents raising children with disabilities, other persons replacing them, responsible persons in state institutions where such children are raised».

5. Maintaining special records of children with disabilities in the open database of the committee for legal statistics and special accounts of the Republic of Kazakhstan in order to clearly identify the types of criminal offenses that have occurred against children with disabilities and take the necessary legislative measures. This measure is necessary to clearly define the direction of state policy in the implementation of protection of the rights and safety of children with disabilities in accordance with the norms of international law.

References:

1.V Kazahstane prozhivaet pochti 6,5 mln detej // [Elektrondyқ resurs] – https://www.zakon.kz/sobytiia/6015880-v-kazakhstane-prozhivaet-pochti-65-mln-detei.html

2. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskih pravah. Prinyata rezolyuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda // [Elektronnyj resurs] – https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

3. Deklaraciya prav rebenka. Prinyata rezolyuciej 1386 (HIV) General'noj Assamblei OON ot 20 noyabrya 1959 goda // [Elektronnyj resurs] – https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml

4. Konvenciya o pravah rebenka. Prinyata rezolyuciej 44/25 General'noj Assamblei ot 20 noyabrya 1989 goda // [Elektronnyj resurs] - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/

5. M.YU. Kraeva, L.E. Zotova. Profilaktika i vyyavlenie nasiliya nad det'mi v zameshchayushchih sem'yah. – Moskva, 2017. – 130 s.

6. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-ZHomarta Tokaeva narodu Kazahstana «Ekonomicheskij kurs Spravedlivogo Kazahstana» // [Elektronnyj resurs] – https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskiy-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588

7. V Kazahstane rastyot kolichestvo sluchaev podrostkovoj beremennosti // [Elektronnyj resurs] – http://nv.kz/2023/08/30/291210/

8. E.S.Alisievich. Pooshchrenie i zashchita prav uyazvimyh grupp v mezhdunarodnom prave: ucheb. posobie / E.S. Alisievich. – M.: RUDN, 2012. – 431 s.

9. Ob utverzhdenii Pravil provedeniya mediko-social'noj ekspertizy.Prikaz zamestitelya Prem'era-Ministra-Ministra truda i social'noj zashchity naseleniya RK ot 29.06.2023 goda № 260 // [Elektronnyj resurs] – https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032922

10. Балаларды зорлық-зомбылықтан қорғау бойынша кешенді жоспар әзірленді // [Электронный ресурс] - https://egemen.kz/article/336783-balalardy-zorlyq-zombylyqtan-qorghau-boyynsha-keshendi-dgospar-azirlendi

11. Nasilie nad det'mi chashche vsego proiskhodit vnutri sem'i. V Rossii rodstvenniki sovershayut 39% iznasilovanij i ubijstv nesovershennoletnih // [Elektronnyj resurs] -https://tochno.st/materials/nasilie-nad-detmi-chashche-vsego-proiskhodit-vnutri-semi-v-rossii-rodstvenniki-sovershayut-39-iznasilovaniy-i-ubiystv-nesovershennoletnikh

12. Pochti tri tysyachi podrostkov zaberemeneli v proshlom godu v Kazahstane : https://www.nur.kz/society/1935388-pochti-tri-tysyachi-podrostkov-zaberemeneli-v-proshlom-godu-v-kazahstane/
13. Deyatel'nost' sektora opeki i popechitel'stva goroda Karagandy // [Elektronnyj resurs] – https://www.gov.kz/memleket/entities/otdel-obrazovaniya-karagandy/press/article/details/45578?lang=ru
14. V VKO ne hvataet specialistov organov opeki // [Elektronnyj resurs] - https://ustinka.kz/vko/52500.html

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО:
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ
XIV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(23 апреля 2026 года)
г. Севастополь